

УРАЛЬСКИЙ №7 (577), 2005
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

ИЮЛЬ

**АРКЕБУЗА
ШЕКСПИРА –
В ТУРИНСКЕ**

**ДВА РАССКАЗА
О СМЕРТИ
И ЛЮБВИ**

**МУЖЧИНА И КОСТЕР
или ОДИН РЕЦЕПТ
СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ**

**БАШКИРИЯ –
ПУТЕШЕСТВИЕ
В ЗАТЕРЯННЫЙ МИР**

Вера СОЛОВЬЕВА
фото Максима ФИРСОВА

Три жемчужины

Заповедные земли Урала

БАШКИРИИ

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Башкирия. Край нефти и меда, рек и гор, лесов и степей, удивительных животных и растений, знаменитых карстовых пещер... Трудно поверить, но здесь еще сохранились места, не исхоженные и не до конца изученные человеком, встречаются такие виды растений и животных, каких нет больше нигде на планете.

Сегодня мы с вами отправимся в путешествие по заповедным землям Башкирии. Не будем забредать далеко, ведь земли потому и заповедные, что человека в них должно быть как можно меньше – человека, стремящегося подчинить себе и этот небольшой островок дикой природы. В уникальном мире башкирских заповедников мы будем лишь вежливыми гостями – немного посмотрим, но тревожить эти места не станем...

На территории Башкирии целиком расположены два заповедника и один национальный парк. Еще один заповедник, Южно-Уральский, включает в себя также часть Челябинской области. Башкирский заповедник, заповедник Шульган-Таш и национальный парк «Башкирия» находятся на юге республики.

Эти три точки на карте – как три жемчужины одного ожерелья, и их судьбы тесно связаны между собой.

Об отличии заповедника от национального парка. Одной из целей существования национальных

парков является создание условий для организованного туризма, в то время как в заповедники доступ посетителей для отдыха запрещен.

Первым был Башкирский заповедник, основанный в 1930 году. Первоначально он состоял из трёх участков – Уралтау, Южного Крака и Прибельского. О Прибельском филиале, который не был связан с основной территорией заповедника, следует сказать особо. Он был выделен в 1958 году, и одной из главных задач его создания являлась охрана диких пчел. В будущем (в 1986 году) это стало одной из причин образования самостоятельного заповедника Шульган-Таш. В том же 1986 году был образован национальный парк «Башкирия». Парк превышает размеры заповедника Шульган-Таш примерно в четыре раза и опоясывает его земли с запада и юга.

Что же стремились сберечь создатели заповедников в Башкирии? Попробуем разобраться, в чем конкретно заключается уникальность этого природного комплекса. Дело в том, что сравнительно небольшая по площади заповедная зона отличается большим разнообразием ландшафта, растительного и животного мира. Объясняется это такой природной особенностью Башкирского Урала, как его расположение на границе двух природных зон (лесной и степной) и двух биогеографических областей (европейской и сибирской).

Самый маленький заповедник «ожерелья», но, пожалуй, самый легендарный – это Шульган-Таш. Знаменит он, в первую очередь, карстовой пещерой, за которой закрепилось два названия – Капова и Шульган-Таш. Об этой пещере сказано и написано очень много, она стала настоящим символом заповедника. Наиболее известное объяснение названия Шульган-Таш – «ушла вода под камень» – основано на предании о речке, пропавшей в скале (другая версия – в УС 2004 г., № 11, статья Я.Гельбле «Шульган-Таш – столпы мироздания»). Происхождение названия «Капова» связывают либо с кальцитовыми натеками и неумолкающей капелью, либо со словом «капище», либо с арабским «капуа» (пещера). Как бы то ни было, пещера с древних времен была для местного населения объектом мифов и легенд. Для спелеологов, археологов и этнографов Капова пещера – великолепный объект исследований. Найденные здесь башкирским зоологом Александром Рюминым в 1959 году древние наскальные рисунки стали тогда мировой сенсацией и перевернули многие представления о первобытном мире. С тех пор исследования пещеры Шульган-Таш не прекращались, и, тем не менее, здесь еще очень много белых пятен. Особенно это касается подводной части пещеры.

А что же для туристов? Заманчивые названия залов пещеры притягивают любителей тайн и чудес. Сталагмитовый, Купольный, Бриллиан-

товый, Радужный, Хрустальный, Храм... Вход в пещеру называется Порталом. Но не надейтесь, что вы сможете увидеть это своими глазами. После экспертизы, проведенной французскими и башкирскими учеными, пещеру было решено законсервировать. Дальше Главной галереи туристов теперь не пускают. Специально для экскурсий на стенах галереи сделана имитация знаменитых палеолитических рисунков. Помните также, что в пещере почти всегда постоянная температура: +7 градусов.

В свое время, во многом для того, чтобы отвлечь поток посетителей от пещеры, и был создан музейно-экскурсионный комплекс. Он расположен на границе заповедника и включает в себя информационный центр, историческую колодную пасеку, музей природы, бортевые уголья, музей истории бортевого пчеловодства и т.д. В комплексе также есть гостиница и баня.

Другим символом заповедника Шульган-Таш несомненно является... пчела. Как уже говорилось, именно сохранение и изучение дикой башкирской пчелы стало одной из причин создания заповедника. Что же это за пчелы и какой они делают мед? Казалось бы, на земле еще достаточно мест, которые могут похвастаться вкусным медом. Но если разобраться, окажется, что лучшие липовые леса, которые являются основным медоносом для пчел, остались только в Башкирии. Здесь же сохранилась и самая известная популяция дикой пчелы – башкирская или «бурзянка» (по названию района). Бурзянка не похожа на знакомых нам пчел уже тем, что ее хитиновый покров полностью темный, без желтизны. В результате естественного отбора эти пчелы приобрели высокую жизнеспособность и могут жить даже в условиях суровой зимы.

Шульган-Таш уникален еще и потому, что здесь сохранился в своем историческом виде национальный промысел бортничества. Борт – искусственное дупло для пчел, для изготовления которого требуются особые навыки. Колода – борт, сделанная в обрубке. Секреты бортничества передаются из поколения в поколения. Так складывались династии, представители которых до сих пор живут на территории Башкирии.

Башкирский мед – один из самых вкусных и полезных в мире. А возможно, что и самый-самый. Поэтому в заповеднике и стараются изо всех сил сохранить бурзянскую пчелу. Ведь только правильные пчелы делают правильный мед.

Если в Башкир-ский запо-ведник ту-ристам вход фактически запрещен, а в Шульган-Таше можно увидеть лишь небольшую территорию и только организованными группами, то в национальном парке «Башкирия» созданы специальные условия для туризма. Парк славится своими карстовыми явлениями, среди которых, наверное, самое удивительное – это природный мост на реке Куперля с водопадом. Здесь же находится уникальная пещера Сумган, одна из самых больших на Урале. Пещера вертикально уходит вглубь на 120 метров.

Основной вид туризма в национальном парке «Башкирия» – сплав по реке Нугуш до Нугушского водохранилища. Нугуш – река своенравная. В весеннее время она считается бурной и достаточно опасной. Здесь много перекатов, больших и малых остроугольных камней. Температура воды в июле примерно +17 градусов. Река рассекает горные хребты и образует каньоны со скалистыми выступами причудливой формы: «Замок», «Сфинкс», «Утиный нос», «Чертов палец».

Большинство туристических маршрутов, связанных с заповедными местами Башкирии, начинается в Белорецке или Уфе. Маршруты по реке Нугуш начинаются от поселка Галиакберово. Если же вы хотите посмотреть достопримечательности заповедника Шульган-Таш, то сплав по реке Белой, возможно, наилучший способ почувствовать природу этих мест. Но можно отправиться и по шоссе.

Река Белая (по-башкирски Агидель, или Агизель) – левый приток Камы, берет начало в горах Южного Урала. В пределах заповедных

зон она не судоходна. Летом река спокойная, и вода в ней теплая. Русло извилистое, течение достаточно быстрое, нет опасных порогов или перекатов. Водные маршруты по Белой начинаются, как правило, от села Кага либо от Старосубхангулово. По пути к заповеднику можно посетить пещеры («Сказка», «Миндигуловская», «Театральная» и другие), увидеть скалу «Кабан-Таш».

Большинство туристов заканчивает сплав у кордона «Шульган-Таш», поскольку потом долгое время не будет возможности «снять-ся» с маршрута. Другой вариант – доплыть до Юмагузино, где построена плотина. Многие добираются до Мелеуза, но дальше плыть менее интересно, поскольку река здесь течет по равнине, причем возле крупных промышленных городов.

Отправляясь в путешествие, не забудьте о поджидающих туристов комарах, слепнях и клещах. Последних здесь сравнительно мало, но рекомендуют соблюдать всем известные меры предосторожности: прививка, соответствующая одежда и регулярный осмотр.

Вариантов для интересного путешествия по этим краям предостаточно. Можно выбрать ту-

ристические маршруты на любой вкус: водные, горные, пешие, конные, велосипедные. Для городского жителя они могут стать настоящим приключением, а для бывалых туристов – приятной прогулкой.

Заповедные земли – это своего рода эталон, «музейный экспонат», благодаря которому можно понять, какой была когда-то природа Южного Урала. Люди здесь живут по иным законам, их поселения редкие и небольшие, а занимаются они в основном традиционными промыслами. Но этот мир вовсе не такой большой, как может показаться путешественнику, плывущему по реке. И далеко не «затерянный». Территория заповедников составляет примерно три процента от площади Башкирии, причем даже эти три процента находятся в постоянной опасности.

Башкирский Урал – старый промышленный район, основной доход которому когда-то приносили нефтяные отрасли. Они же принесли ему самые серьезные экологические проблемы. Дефицит воды в крупных промышленных центрах привел к идее строительства новых водохранилищ. Проект водохранилища в районе, прилегающем к национальному парку, существует с конца семидесятых. Тогда же ученые подсчитали, что в зоне прямого и косвенного влияния окажется около трети территории заповедника. Опасность угрожает и бурзянской пчеле, и пещерному комплексу. Общественный протест заявления экологов строительства не остановили, и в 2004 году Юмагузинское водохранилище было частично заполно водой. Несмотря на общественный протест и заявления экологов, строительство Юмагузинского водохранилища продолжается.

На этом «обзорную экскурсию» по заповедным землям Башкирии можно завершить. Но осталось еще много такого, что трудно описать и лучше увидеть своими собственными глазами. Так что приятного вам путешествия.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Проекты «Уральского следопыта»

Ю.ГОРБУНОВ	Серия «Тропинка»	6
<u>Школа юного журналиста</u>		
О.ИГНАТЕНКО	Десантник Юра Сюткин	12
<u>Поиски и находки</u>		
Ю.ГОРБУНОВ	Писательницы России	13
<u>Свидетельствуют архивы</u>		
В.ТРУСОВ	Архитектор Карл Турский	14
<u>Портреты</u>		
М.ПЕТРОВ	Отец «Белой башни»	18
<u>Исторический детектив</u>		
Ю.КЛЮШНИКОВ	Аркебуза Шекспира	20
<u>Музей фотографии</u>		
О.ШАБАРШИНА	Первый самолет в Тагиле	24
<u>Версия</u>		
А.ЛЕОНОВ	Истоки древних традиций	60
<u>Клуб собирателей</u>		
А.МАКУРИН	«Вогулки» – тоже деньги	64
<u>Родословная</u>		
А.ТРОФИМОВ	«Древо» унтер-офицера Дементьева	72
<u>Тропой поиска</u>		
В.ИЩЕНКО	Цыльма – рудник или завод?	77

АЗЛИТА

<u>Современная проза</u>		
Е.ЛОБАНОВ	Лифт на семнадцатый этаж	7
М.ПРОЗОРОВА	Сны хорошей учительницы	66
<u>Современная поэзия</u>		
Е.БРАЙС	Стихи	16
В.ЗЮСЬКИН	Стихи	74
<u>Фантастика</u>		
ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН	Прохождение Венеры по диску Солнца	25
<u>Современная проза Урала</u>		
С.ЧУФАРОВА	Вот уж я тебе!	76

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Заповедные земли Урала</u>		
В.СОЛОВЬЕВА	Три жемчужины Башкирии	1
<u>Дети в походе</u>		
А.СЛЕПУХИН	Экспедиция для детей	52
<u>Фотоконкурс</u>		
А.ЧАРУШНИКОВ	Мы - уральцы!	54
<u>Советы специалиста</u>		
Г.ЧЕУРИН	Разведение костра в сверхсложных условиях	56

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов -
Юний Горбунов,
Андрей Наседкин.
Художественный редактор,
верстка -
Юлия Ульянова.

Художник -
Ирина Овсянникова.
фото 1 пол. обложки -
Евгений Тамплон.

Набор -
Валентина Кадочникова.
Корректор -
Юрий Виноградов.

Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».

Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Редакционный совет:

Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин
Нина Ягодинцева

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

издано при поддержке

министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе. В первую очередь рассматриваются
рукописи, дополненные электронной
версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не возвращаются.

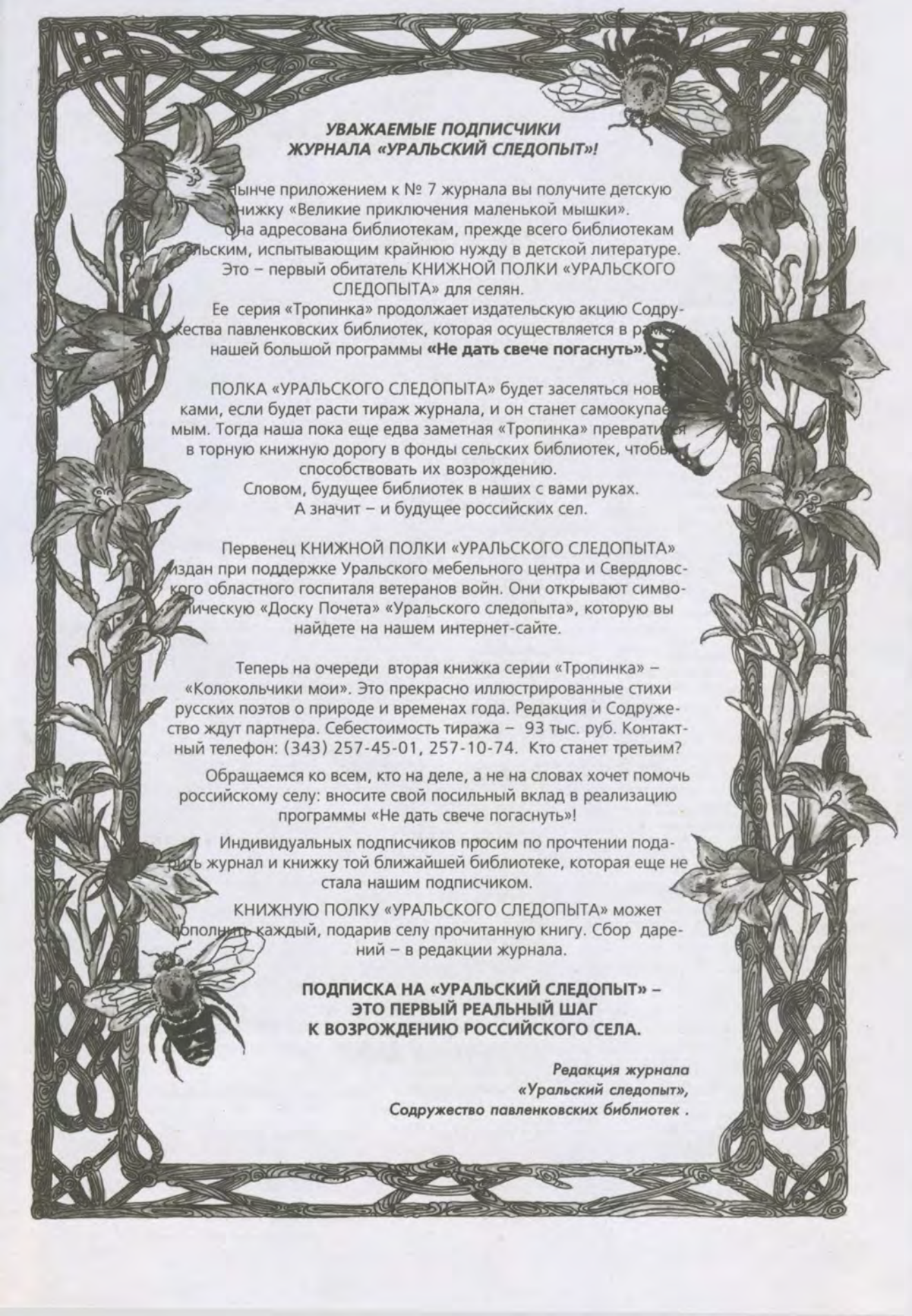
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.

Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-36-62.
Подписано к печати 30.05.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
Екатеринбургской Епархии

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: uralstalker@sky.ru
info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

**УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ
ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»!**

Вместе с приложением к № 7 журнала вы получите детскую книжку «Великие приключения маленькой мышки».

Она адресована библиотекам, прежде всего библиотекам сельским, испытывающим крайнюю нужду в детской литературе. Это – первый обитатель КНИЖНОЙ ПОЛКИ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» для селян.

Ее серия «Тропинка» продолжает издательскую акцию Содружества павленковских библиотек, которая осуществляется в рамках нашей большой программы «**Не дать свече погаснуть!**».

ПОЛКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» будет заселяться новыми книжками, если будет расти тираж журнала, и он станет самокупаемым. Тогда наша пока еще едва заметная «Тропинка» превратится в торную книжную дорогу в фонды сельских библиотек, чтобы способствовать их возрождению.

Словом, будущее библиотек в наших с вами руках. А значит – и будущее российских сел.

Первенец КНИЖНОЙ ПОЛКИ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» издан при поддержке Уральского мебельного центра и Свердловского областного госпиталя ветеранов войн. Они открывают символическую «Доску Почета» «Уральского следопыта», которую вы найдете на нашем интернет-сайте.

Теперь на очереди вторая книжка серии «Тропинка» – «Колокольчики мои». Это прекрасно иллюстрированные стихи русских поэтов о природе и временах года. Редакция и Содружество ждут партнера. Себестоимость тиража – 93 тыс. руб. Контактный телефон: (343) 257-45-01, 257-10-74. Кто станет третьим?

Обращаемся ко всем, кто на деле, а не на словах хочет помочь российскому селу: вносите свой посильный вклад в реализацию программы «Не дать свече погаснуть!»

Индивидуальных подписчиков просим по прочтении подарить журнал и книжку той ближайшей библиотеке, которая еще не стала нашим подписчиком.

КНИЖНУЮ ПОЛКУ «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА» может пополнить каждый, подарив селу прочитанную книгу. Сбор дарений – в редакции журнала.

**ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» –
ЭТО ПЕРВЫЙ РЕАЛЬНЫЙ ШАГ
К ВОЗРОЖДЕНИЮ РОССИЙСКОГО СЕЛА.**

Редакция журнала
«Уральский следопыт»,
Содружество павленковских библиотек .

Лифт на семнадцатый этаж

Сотовый запиликал абсолютно невовремя — когда Ксюша Вологжанина торчала у доски, пытаясь решить задачу с интегралами. Почти одновременно — жутко противно — запищал чей-то пейджер.

Математичка Лилия Николаевна, слегка полнеющая сорокалетняя женщина, привычно обнаружила источник шума и произнесла устало:

— Вологжанина! Кошечев! Дневники мне на стол!

Заржал Генка Хвостов. Ну да, конечно, жутко смешно, когда одновременно звонит «сотик» и пищит пейджер у неразлучной парочки — Ксюши с Андрюшей, которые чуть ли не с первого класса сидят за одной партой, а после школы идут гулять куда-то вдвоем. Нет, конечно, нельзя сказать, что Вологжанина с Кошечевым полностью игнорировали тусовки, но...

— Ч-черт! — сказала в сторону Ксюша. И уже громче спросила: — Можно я сначала решу задачу?

— Нет! — отрезала математичка. — Немедленно!

— Ур-рою! — прошептала Ксюша по пути к парте.

— Н-ну и кого же ты, Вологжанина, собралась, как ты выразилась, урять? — осведомилась Лилия Николаевна.

— Того лоха, из-за которого я сейчас ваше замечание схлопочу! — бросила за спину Ксюша.

Телефон возмущенно пискнул и умолк. Сам. А пейджер выключил Андрюша.

Вологжанина вытащила из сумки дневник, независимой походкой прокурсировала между партами второго и третьего ряда, почти швырнула его на учительский стол и, остановившись у доски, снова взяла в руки мел.

— На себя нужно злиться, Ксения! — запоздало проговорила математичка. — Сколько раз я вам говорила: не таскайте в школу сотовые и пейджеры! Прямо детский сад какой-то!.. Младшая группа...

Отчетливо хмыкнула Тайка — очевидно, представив себе какого-нибудь пацаненка, сидящего на горшке с пищащим мобильником.

— Подлужская! Тебе тоже записать в дневник?

Тайка притихла. Класс молчал. Только скрипел по доске мел в руках Вологжаниной.

...Несмотря на полученную четверку по алгебре, настроения не было. На перемене подошел Кощеев.

— Ну чё, узнала, кто звонил?

— Нет еще. Я номер списала. Сейчас позвоню.

Вологжанина подошла к подоконнику, сверилась с бумажкой и набрала номер чьего-то мобильного. Наверное, на том конце раздался незнакомый голос, потому что Ксюша поинтересовалась:

— А куда я попала?

Видимо, ей в ответ произнесли что-то вроде: «А куда ты звонишь?», потому что Ксюша ответила: «Это вы звонили мне на сотовый?..». Послушала несколько секунд и, отключившись, сказала:

— Ошибся номером, коз-зел! А тебе кто скинул?

— Да лох какой-то!..

Андрюша снял с пояса пейджер и специально для Вологжаниной пролистал сообщение: «Я всегда рядом. Не забывай про меня! Твой пейджер».

— Ка-а-аки-ие козлы-ы! — протянула Ксюша. — И из-за этих вот прикальвающихся козлов...

А вечером у Кощеева был разговор с родителями. Отец грозился отобрать пейджер. А мать ядовито спросила:

— А ты вообще куда собираешься после школы, можно поинтересоваться?

Андрюша пожал плечами:

— Сначала одиннадцатый закончить надо... — неопределенно и лениво проговорил он. И уставился в телевизор.

Вечером позвонила Ксюша.

— Ну, чё?

— Ничё. Пейджер грозилась отобрать. Мамик еще спрашивала, где работать собираюсь.

— А ты?

— Говорю: попробуй устройся!..

— А она?

— Учиться, мол, надо хорошо. Тогда и устройся.

— А ты?

— А я говорю, и так учусь. А она: — Ну, нифига себе учишься — в телевизор пялишься! А я отдыхаю, — говорю. — После трудного дня. Ну, она и отстала.

Ксюша помолчала. Потом поинтересовалась:

— Физику сделал?

— Ну...

— Занеси, а? Мне в облом... А я тебе завтра отдам перед уроком. А?

Кощеев отдернул штору и посмотрел за окно. За окном темнел поздний мартовский вечер.

— Мне к тебе идти в облом... — признался Андрюша в трубку. — Далеко.

Вологжанина помолчала и сжалась:

— Ну, давай не у меня, давай возле парка встретимся. На скамейке.

Кощеев снова посмотрел за окно, поежился и протянул:

— Ну ла-адно... Через пятнадцать минут...

Идти на самом деле куда не хотелось. Минут пять неприкаянно мотался по квартире, потом искал, во что бы такое приличное одеться. Потом подумал: «А какая разница, в чем я буду одет? Абсолютно никакой разницы! Я же куртку снимать не буду...».

...Ежистый ветер катился по пустынной улице. Троллейбус, едва подъехав к остановке, почти тут же захлопнул двери и тронулся с места. Запоздавшим пассажирам было тепло. Они ехали домой, в уют. А ему, Андрею Кощееву, нужно было за каким-то чертом тащиться в парк. Только потому, что попросила Ксюша.

Вологжанина — руки в карманы куртки — сидела на краю скамейки. Андрюша подошел и сел рядом. Из его кармана высовывалась тетрадка по физике. Ксюша выгатила руку, разжала ладонь и сказала:

— Давай.

Минуты три они сидели и молчали. Наконец Ксюша не выдержала:

— А пошли завтра после школы в кафешку?

— Опять на твой? — скривился Андрюша и поежился. — Ксю-юш, я же...

— Не на мои! — возмутилась Вологжанина. — Сколько раз тебе повторять?!

— Ну, отца твоего...

— А тебе какая разница?

Кощеев пожал плечами. Наверное, и в самом деле — никакой.

— Пока молодые — нужно гулять, — нравуучительным тоном произнесла Ксюша. — А то потом и вспомнить нечего будет.

— Дома лучше, — не слишком настойчиво возразил Андрюша. — Мягче.

— Скучнее, — не согласилась Вологжанина и достала сигарету.

Кощеев засуетился. Поднес зажигалку. Ветер мотал огонек из стороны в сторону. Ксюша, прировнившись, закурила и пристроила голову на Андрюшино плечо. Челка приятно щекотала щеку. Кощеев осторожно положил руку на Ксюшину ключицу.

— Нет, а в самом деле, — вдруг оживилась Вологжанина. — Ты бы где хотел работать?

— Где платят больше, — тут же отозвался Кощеев.

— В банке, да?

— Почему обязательно — в банке? Главное — чтобы платили много.

— Сколько? — Ксюша снова пристроила челку на Андрюшину щеку.

— Н-ну, не знаю... — он задумался. — Н-ну... Тысяч...

Какое число назвать? Скажешь меньше, чем она от тебя ждет — наверняка ее потеряешь. Ксюша не любит парней с заниженной самооценкой.

Кощеев пошевелил губами. И — решил:

— Тысяч тридцать?

— Три-и-идца-ать? — протянула Вологжанина. И отрубил. — Мало! Если б мой муж зарабатывал столько, я бы его тут же за дверь выставила! Мне тридцати тысяч одной не хватит. Это ж меньше тыщи баксов... Не-ет...

Не попал! Сколько же ей нужно?

— Я только про себя говорю, — отступил Андрияша. — Мне бы хватило...

Ксюша хмыкнула:

— Это ж на шмотки только! И немного — на еду. А на квартиру? Ты что, с предками будешь жить?

— Устроюсь в банк, — сказал Кощеев. — На квартиру скоплю... Года за три. ...Нет, за два! А потом...

Он скосил глаза на высокий Ксюшин лоб и про-изнес осторожно:

— ...Женюсь на тебе.

— Что-о-о?!

Вологжанина отшатнулась.

— Я замуж пока не собира-аюсь! Мне папик деньги дает. Мне пока хватает...

Кощеев не уловил связи. Ксюша выстрелила сигаретой в снег, посмотрела на часики и поднялась.

— Ну, в общем, завтра после школы... В кафешку...

Андрияша подумал немного и кивнул.

Ночью снился банк — огромное здание. Кощеев поднимается на лифте на свой семнадцатый этаж. На шестом в кабину входит Ксюша Вологжанина, — нет, уже Кощеева, она работает в филиале, приехала в головной офис с какими-то бумагами, может, с отчетом, и вот сейчас поднимается к нему. «Соскучилась», — думает Андрей и улыбается. На Ксюше — строгое темное платье, подчеркивающее фигуру. Фигура у нее такая же, какой была в одиннадцатом классе... Внезапно лифт останавливается. В кабине раздается странно знакомый звонок.

— Андрияша! Андрияша-а! Вставай, в школу опоздаешь!

В довершение всего противно пищит пейджер.

Кощеев нашаривает его на подоконнике, садится на кровати и, взвешивая свободной рукой волосы, читает на экране: «Вставай, солнышко! Пропиши все на свете!!!» Андрияша улыбается. Это похоже на счастливое продолжение сна.

...Было бы похоже, если бы не подпись — совершенно издевательская: «Твой пейджер». «Кто прикалывается?» — пытается сообразить Кощеев и, так и не вычислив «этого козла», который посылает такие вот дурацкие сообщения, обещает, почти тупо глядя на пейджер: «Урою!». Совсем как Вологжанина. Почему же она с ним? По привычке?

...Кто-то поднимался следом. Андрей замедлил шаг. Тот, что сзади, тоже пошел медленнее. Коще-

ев специально замешкался у двери, доставая ключи — чтобы узнать, кто идет. Обернулся. По лестнице поднималась Оля — соседка, живущая выше этажом, пятнадцатилетняя неприметная девчонка. Она училась, кажется, в девятом «а». Впрочем, он мог и ошибаться. Проходя мимо Кощеева, Ольга чуть-чуть, совсем незаметно, задержалась; попыталась поймать его взгляд, но Андрей скользнул по ней невидяще, и она заторопилась — вверх, на свой этаж.

Кощеев открыл дверь. Неспешно разделся, повесил куртку. Прошел в комнату. Лег на диван. Включил телевизор. По телевизору показывали какую-то муть. Уроки делать было в облом. Вообще. Кроме того, не давал покоя сон про банк. И про Ксюшу в качестве жены.

...Мать недавно проговорилась, что ее двоюродная бабушка, эмигрировавшая из России после революции, живет сейчас где-то в Канаде. И, видимо, не просто живет, а доживает последние дни. Кощеев перевернулся на спину и упер взгляд в потолок. Надо бы ее найти. Если она сбежала от революции, значит, у нее были деньги. И, наверное, даже много. А сейчас, наверное, — очень много. Вот бы...

...И тут запищал пейджер. Сообщение снова было издевательским: «Ты, вообще, уроки делать собираешься?! Твой пейджер». Кощеев отшвырнул его и снова лег на спину.

...Проснулся через два часа. Выключил надрывавшийся телевизор. Пробрел на кухню. Поел. Решил, в конце концов, сесть за уроки. Провозился допоздна. Утром чуть не проспал. Будильник и пейджер снова заверещали почти одновременно. ...Химию выучить не успел, но понадеялся, что пронесет.

Слава богу, и на самом деле пронесло. После уроков Ксюша затащила в кафешку. Они проторчали там часа полтора, потом Вологжанина предложила завалиться к ней — делать вместе уроки, но Кощеев отказался. Как всегда, уроки делать не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Вот если бы банк... а еще лучше — наследство канадской бабушки...

Дни, в общем, были похожи один на другой. Ксюша — за одной партой с ним... кафе... мысли о работе в банке и о наследстве (лучше даже, чтобы — одновременно!)... и пейджер с дурацкими сообщениями. Последнее послание за ненавистной подписью «Твой пейджер» пришло накануне выпускного: «Ну вот, ты и закончил школу... Жаль...». «Даже в праздник не дает покоя! Что за козел!» — раздраженно подумал Кощеев. Но злость быстро улетучилась: весь вечер, даже всю ночь Андрей был с Ксюшей. Сидели за столом — рядом. Пили шампанское. Уже не таясь, курили в коридоре. Танцевали. Андрияша прижимал к себе Вологжанину, шептал ей что-то про банк, про лифт на семнадцатый этаж, про филиал, который будет возглавлять она, Ксюша, но уже не Вологжанина, а Кощеева, о

бабушкином наследстве... Ксюша почему-то молчала.

После выпускного она не звонила и вообще никак не проявлялась.

Когда жить без Ксюши стало совсем невыносимо, Кощеев позвонил ей домой. Точнее, стал названивать, потому что телефон молчал. Только в половине одиннадцатого вечера, наконец, раздался голос. Правда, не Ксюшин. А ее отца.

— А Ксюшу... Ксению... можно?

— А она тут больше не живет, — лениво бросил на том конце Вологжанин. — Звони ей на сотовый... если номер знаешь...

И отключился. Андрей посмотрел на часы. И звонить на сотовый не решился. Минут через двадцать запищал проклятый пейджер. «Спокойной ночи, родной!..» И все та же издевательская подпись.

Назавтра Кощеев с утра до вечера названивал на Ксюшин сотовый, получая в ответ неизменно-бесстрастное: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны досягаемости». Недоступна. Вне зоны его, Андрея Кощеева, досягаемости. А вообще, была ли когда-нибудь доступна и досягаема?..

Запищал пейджер. Она?! Но почему — не по телефону? «...Прогуляй меня! Задыхаюсь в квартире!!! Твой пейджер».

— Идиот! — сквозь зубы проговорил Андрей.

А может, не идиот? Может, идиотка?

...Кто знает номер его пейджера? Из бывшего класса — почти все. Кроме, пожалуй, Стаса Кулишова. Приколоться могла Подлужская. Или Чашкова. Или Углов. Баев. Шамсеева. Расаменко. Тарасова. Да кто угодно!!! Нет, это просто невозможно. Кощеев днями лежал на диване, пялился в телевизор или мечтал. Сначала — о семнадцатом этаже банка. Потом — просто о высокооплачиваемой работе.

Снова начали доставать родители: мол, когда их глубокоуважаемый сын соизволит, наконец, устроиться на работу?! Кощеев огрызнулся — сначала лениво, потом — зло. Ну не хочет он устраиваться на любую работу, лишь бы там деньги платили! Это пусть они, родители, если уж им так приспичило, пашут за гроши. А он, Кощеев Андрей Юрьевич, типичный представитель нового поколения, не намерен раздаривать свою рабочую силу и свое здоровье за бесплатно. Лучше он подождет.

Отец орал:

— Чего ждать?! Чего? У моря погоды?! Искать надо! Никто тебе на блюдце с золотой каймой яблоко наливное не поднесет!

— А я ищу!!!

— Ну и где ты ищешь? — ехидно-зло спрашивала мать, — Дома на диване?

— Я телевизор смотрю! Бегущую строку...

— Ага! Так тебе там и напишут: «Приглашаем Андрея Юрьевича Кощеева, семнадцати лет от роду, на должность управляющего банком»...

Доставали не только родители. Пейджер тоже

как с цепи сорвался: «Ты когда на работу устроишься?!». Кощеев зло сплюнул и потянулся к телефону. На этот раз бесстрастный голос не говорил о недоступности абонента. На этот раз абонент был доступен. Временно.

— Алло! Ксюшу можно?

— ...Ну что тебе, Кощеев?

Странно измученный голос — будто Вологжанину тоже кто-то достал.

— Встретимся? — тон почему-то сам собой сменился на просительный.

— Зачем?

— Поговорить...

— За-чем? — раздельно повторила бывшая одноклассница.

— К-как?.. Ксюша, мы же...

— Что — мы же?

— Н-ну, гоняли...

— Ну да, было... — нехотя признала Вологжанина. — И что дальше?

— Дальше?.. — почти автоматически повторил Кощеев. — Н-ну и дальше... встречаться...

— С кем — с тобой?! Ха! — сказала Ксюша. — Ты меня не устраиваешь. Никак. Ни в каком качестве. Понял?!

— Н-но ведь устраивал? — попытался защититься Кощеев.

— А сейчас — нет! — отрезала Ксюша. — Ты же ниочёмный! Абсолютно! Ты даже на работу не можешь устроиться...

Андрею на пару секунд показалось, что это именно Вологжанина сбрасывала ему на пейджер дурацкие послания.

— А ты? Работаешь? — помолчав, поинтересовался он.

— Я?! — возмущенно спросила Ксюша. — Я?!

— Ты...

— Если хочешь знать, Кощеев, женщина создана не для работы.

— А для чего? — глупо спросил Андрей.

— Для поклонения. Обожания. Для того, чтобы ей давали деньги.

— Просто так? Ни за что?..

— Нет, ну, ты точно — дурак, Кощеев! — констатировала Ксюша. — Лежишь на диване и даже не думаешь, что мне деньги нужны.

— Тебе? — удивился Андрей. — Тебе же отец всегда...

— Ну и что?! — перебила Вологжанина. — Я же не могу все время на отцовской шее сидеть?! Я уже выросла. Пусть меня теперь муж одевает и по ресторанам водит!

— М-муж?..

— Да, муж! — с вызовом подтвердила Вологжанина.

— Ну и где ты его подцепила? — от злости проснулась издевка.

— Тебя это так сильно интересует? — осведомилась Ксюша.

— Ну...

— Помнишь того лоха, который позвонил мне на сотик на алгебре?

— Ну...

— Так вот... Он теперь — мой муж. Слава богу, я тогда не выбросила бумажку с номером...

— А... а как же я?..

— Ты? — удивилась Вологжанина. — Никак. Ты вообще ни при чем.

— А любовь? — тупо продолжал добиваться справедливости Кощев.

— А при чем здесь любовь?! — возмутилась Вологжанина. — Будут деньги — будет и любовь. А если денег нет, ну, тогда извини...

Кощев немного подумал и положил трубку. Мечты почему-то жить не помогали. Впервые квартира показалась клеткой. Андрей набросил куртку и вышел из дома.

Искать работу? Где? И что он вообще умеет?

А может, и не надо искать работу с заработком в тридцать тысяч? Она была бы нужна, эта работа, если бы Ксюша осталась с ним. А теперь... Какой смысл?

Андрей шел, почти не глядя по сторонам. Только вперед. Со стороны могло показаться, что этот семнадцатилетний парень, наметив цель, движется прямо к ней. Он шел мимо продавщиц мороженого, мимо кинотеатра, мимо... Внезапно до его слуха донеслась фраза: «Андрей! Не спи! Посмотри...». Он повернул голову на звук. Нет, обращались не к нему. Это говорила с кем-то по телефону торчащая в будке малолетка — простенькая курточка, расшитые вручную джинсы...

Больше Кощев ничего не услышал — прошел мимо. В кармане в судорогах забился поставленный в режим вибрации пейджер. Ничего хорошего от этой черной коробочки Андрей давно уже не ждал. Но почему-то не выключал. На что-то надеялся.

«Андрюша! Не спи! Посмотри — весна кругом! Хорошо-то как! А ты...» И — подпись, абсолютно издевательская, ненавистная до дрожи: «Твой пейджер».

Кощев метнулся обратно.

— Чё тебе от меня надо, мелкая?! — заорал он, схватил девчонку за плечи и выволок из телефонной будки.

Малолетка съежилась и молчала. Кощев еще сильнее стиснул ее, развернул к себе. ...И остолбенел. Перед ним стояла соседка Оля. Та самая, что живет этажом выше. От неожиданности Андрей ослабил хватку. Малолетка тут же воспользовалась моментом: дернув плечами, освободилась от его рук. Опустила взгляд. Пнула случившийся перед кроссовком камешек. Тот ударил Кощева по ноге.

— Извини, — проговорила Оля и еще раз дернула плечом. — Я не хотела...

— Не хотела — что? — спросил Андрей. С этой малолеткой он почему-то чувствовал себя неловко.

— Ну, это... камнем...

— А с пейджером — хотела, да? Издевалась?

— Нет.

Она взяла его за руку и сказала повелительно:

— Пошли!

— Куда?!

— Какая разница? — удивилась Оля. — Смотри — весна же! Весна-а-а!

— ...Ты, главное, на работу устройся! — щебетала Оля. — На любую. Необязательно на очень хорошую. С чего-то все равно надо начинать. А я... Я вырасту, ты не думай! Я тебе помогать буду. Всегда буду помогать. У нас все получится. Ты не думай!..

Андрей посмотрел на малолетку, семенящую рядом. Улыбнулся. Осторожно обнял ее и сказал:

— Зиму — к черту! Весна, черт возьми! Весна!..

Десантник Юра Сюткин

Впервые я узнала об Афганской войне, когда пришла учиться в школу № 49 г. Екатеринбурга. У входа в школу висит мемориальная доска, где говорится, что с 1968 по 1978 г. здесь учился Юрий Сюткин. Его имя теперь носит школа.

Когда наш класс побывал на экскурсии в музее Уральского добровольческого танкового корпуса (УДТК), мы увидели портрет Юры Сюткина. Часть экспозиции музея отведена участникам войны в Афганистане. В этой войне, кроме Юрия Сюткина, участвовали и другие выпускники нашей школы:

Алексей Азанов
Владимир Афанасьев
Владислав Бадеев
Андрей Вербитский
Эдик Калабаев
Александр Капранов
Дмитрий Панов
Анатолий Почкин
Рауль Сарваев
Андрей Селянин
Сергей Соломеин
Андрей Узянов
Юрий Шваруман.

Андрей Селянин, Юра Сюткин и Андрей Узянов погибли в Афганистане.

Юра посмертно награжден орденом Красной Звезды.

В школе Юра активно занимался спортом, имел

разряд по футболу. Он мечтал стать десантником и поэтому пошел в Свердловский автоклуб ДОСААФ, где совершил три прыжка с парашютом.

Службу он начал в Белоруссии, в городе Витебске. Вскоре их десантная часть была передислоцирована в Афганистан, куда наши войска были введены по просьбе афганского правительства в 1979 году. (А выведены через 10 лет – 15 февраля 1989 года)!

Часть, где служил Юра, оказалась в самой гуще крупных международных событий. В Афганистане шла гражданская война. Вождя афганской народно-демократической революции Б. Кармаля охраняли советские десантники. Среди них был и Юра Сюткин.

В конце февраля 1980 г. их часть из Кабула направили на боевое задание в один из горных районов Афганистана.

Но добраться до места назначения на боевых десантных машинах они не смогли, так как маршрут движения был перекрыт завалами. Пришлось спускаться на парашютах.

Место приземления оказалось сложным по рельефу. Большая часть десантников попала горную впадину. Афганцы, быстро оценив обстановку, окружили ее и попытались стянуть «огненный мешок», в котором оказались наши бойцы.

Юра израсходовал почти весь боекомплект, умело действуя за пулеметом. А когда появились

раненые, помогал сослуживцам, вынося их из боя в безопасное место, делая перевязки. И снова ложился за пулемет. Но вдруг десантники, уже шедшие на помощь, услышали, как внезапно прекратился стук его пулемета.

На теле Юры было четыре ранения крупнокалиберными пулями.

Так закончился для него этот скоротечный бой 29 февраля 1980г.

В последнем письме своей матери Юра писал: «... О том, что попал в десантные войска, не жалею. Народ нас любит. А кто не любит, тот боится. Вспоминаю слова командующего ВДВ генерала Маргелова. Он нам сказал, что о советских десанниках пишут даже в США. Мол, они в плен не сдаются, т.е. или умирают, или сражаются до конца.

Десантники, мама, вступают в бой тогда, когда солдаты других родов войск считают его проигранным...».

А от сослуживцев Юры Нина Александровна получила такие строки:

«В жизни каждого человека наступает момент, когда необходимо проявить все свои лучшие душевные качества, все то, чему научила его Родина.

В такие минуты человек становится перед выбором: или трусость и духовное падение, или бессмертие.

Наступил такой момент и в жизни вашего сына... И он не дрогнул, шагнув в бессмертие».

Мне кажется, это очень правильные слова. Когда жизнь поставила Юру перед выбором, он выбрал путь воина, настоящего мужчины, павшего «за други своя».

Конечно, очень жаль его молодой жизни. Ведь Юра погиб в 19 лет. Жаль всех российских ребят, павших в Афганистане, а их 13833 человека.

Но не они решали, правильная эта война, или неправильная. А погибая в чужой стране, они защищали и нашу Родину. И мы все должны благодарно помнить их как героев, как сказала в своих стихах о войнах «афганцах» поэт Фазу Алиева:

*Мне не случайно кажется порою:
Нет в мире долговечней ничего,
Чем имя настоящего героя,
Чем слава негасимая его.
Неколебимость верною опорой
Была для нас на трудном рубеже,
Неколебимость, искра из которой
Родится память мужества в душе.
Лишь тот себя считать мужчиной вправе,
Кто грудью встал в неистовом бою
Навстречу смерти и навстречу славе,
Страх растоптав, как скользкую змею.*

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
био-библиографического словаря)

А

АНИСИМОВА Александра Петровна (1891 – 1969), поэтесса, сказочница и собирательница устного народного творчества.

Оконч. симбирскую гимн., работала сельской учительн. Много лет жила в селе Поим Пензенской обл. Авт. сб.: "Песни и сказки", "Счастливая зыбка", "Птица-Радость", "Заколдованная липа", "Бабушкины янтари", "Про деда водяного" и др. Многие ее песни вошли в репертуар Гос. хора им. М.Е.Пятницкого ("Комбайн косит и молотит"). Некот. сб. переведены на немецкий, румын. и сербохорв. языки. Написала автобиогр. повесть "Голубое перо", ром. в стихах "Фрося". Работала над поэтич. переложением "Слова о полку Игореве", "Задонщины".

Савин, О. Пенза литературная. Саратов, 1984. С.283-286; Дет. писатели.

АНИСИМОВА Вера Оскаровна.

(См. Станевич В.О.).

АНИСИМОВА (Онисимова) Домна (Домника) Анисимовна (известна как "слепая Доманя"; 1812 – после 1868), поэтесса.

Под влиянием поэзии В.А.Жуковского стала писать стихи. В СПб. вышли ее "Стихи бедной девицы, слепой дочери деревенского пономаря..." (1838). О ней появились в печати статьи, биографический очерк (ж. "Галатее", 1839. Т. 5. № 37). Но интерес к А. быстро угас, и новый сборник стихов не был издан. Поэзия А. свидетельствует о несомненном даровании автора. Стихи А. вошли в сб. «Поэты из народа. Избранные стихотв. русских народных поэтов, с прилож. сведений о жизни их и 7-ю портр. Для школы и народа». М., 1901. Напис. "Автобиографию слепой девицы-поэта Домники Анисимовой" – "Рязан. Ев". Прибавл., 1868. № 16. С.411-412

Русские писатели; Масанов; Слов. рус. писательниц; Венгеро-Сл.; Розанов.

АНИСИМОВА Мария.

Издала в Риме в 1920 году кн. «Стихи».

Кн. рус. зарубежья; Алексеев А.Д.

АНИЧКОВА Анна Митрофановна (урожд. Авинова; псевд.: Иван Странник, Ivan Strannik; 1868 – 1935), прозаик, критик, переводчица.

Жена критика Е.В.Аничкова. Живя в конце 1890-х – начале 1900-х годов в Париже, содержала лит. салон, писала романы на фр. языке. Переводила на фр. язык произв. А.М.Горького. В Париже опубли. и сб. статей о Горьком, Чехове, Короленко, Л.Толстом. С 1909 г. жила в СПб. В доме Аничковых собирались Блок, Брюсов, Вяч. Иванов и др. Рассказы, повести А. печатались в журн.: Вест. Евр., Рус. мысль, Нива, Новый журнал для всех и др. Лит. способности А. ценил Брюсов. После Окт. рев. занималась переводом сов. лит. на англ. язык.

Русские писатели (портр); Масанов; Венгеро-Сл.

(Продолжение на стр. 15)

Владимир ТРУСОВ,

фото автора

и С.И. БИРЮКОВА

Архитектор *Карл Турский*

Свидетельствуют архивы

Два знаменитых творения Карла Густавовича Турского до сих пор существуют и работают на благо Урала. В 1846 году по предложению русского государственного и военного деятеля Константина Владимировича Чевкина на горе Березовой возле деревни Талицы по проекту Турского установлен памятник с надписью: «Память посещения этого места Их Императорскими Высочествами Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Александром Николаевичем в 1837 году, и Герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1845 году». В наше время обелиск знают, как первый пограничный столб на границе Европы и Азии. И второй значимый проект – это построенное в 1847 г. по инициативе главного начальника Уральских горных заводов Владимира Андреевича Глинки на средства благотворителей каменное здание для первого в Екатеринбурге театра. При Советской власти в здании располагался кинотеатр «Октябрь», сейчас – «Колизей».

Карл Густавович Турский родился в 1803 году в лютеранской дворянской семье. В октябре 1821 г. из художников Академии ведомства путей сообще-

ния вступил в службу в канцелярию дирекции чертежником с чином коллежского регистратора. Через три года произведен в губернские секретари со старшинством. Еще через такой же промежуток времени по рекомендации начальства и на основании предписания главного управляющего путей сообщения Карл Густавович перемещен из чертежников в смотрители работ при той же дирекции. 31 декабря 1927 г. произведен в коллежские секретари со старшинством, а 11 декабря 1830 г. по Высочайшему повелению за отлично усердную службу повышен в титулярные советники.

Затем Турский по собственному желанию увольняется с прежней работы и 5 июля 1832 г. определяется Министерством внутренних дел на вакансию Томского губернского архитектора. В Сибири Карл Густавович имел чин коллежского асессора со старшинством. В Томске у Турского дела почему-то не заладились, и он был в отставке без награждения чином с 31 января 1838 г по 22 июня 1841 г. (дата поступления на службу архитектором на Златоустовские заводы).

Судя по послужному списку, архитектором в

Уральское горное правление Турский переведен 31 декабря 1941 г. С этого времени он живет в Екатеринбурге и имеет чин надворного советника со старшинством.

По проекту Карла Густавовича сооружено здание госпиталя на берегу Исети. За постройку заведений Императорской екатеринбургской гранитной фабрики он пожалован бриллиантовым перстнем с рубином. Об этом награждении последовало предписание управляющего кабинетом Его Величества директору фабрики от 7-го сентября 1856 г.. Турский предлагал и свой проект Мытного двора, но проиграл архитектору Сорториусу, у которого выкладки были дешевле.

Дважды, в 1855 и 1873 годах, по рекомендации главного начальника Уральских заводов Турский в качестве помощника караванного смотрителя сопровождал в июне транспорты с местным золотом в Санкт-Петербург.

С 23 октября 1859 г. по 4 июля 1866 г. был директором Екатеринбургского попечительского комитета о тюрьмах.

За хорошую работу главный архитектор Уральских заводов отмечен несколькими знаками отличия беспорочной службы, пожалован орденами св. Анны 3 степени, св. Владимира 4-й ст., св. Станислава 2-й ст. На основании манифеста 26 августа 1856 г. получил учрежденную в память войны 1853–1856 гг. светлую бронзовую медаль на Владимирской ленте для ношения в петлице. Умер Карл Густавович в 1884 г.

Памятный знак на границе Европы и Азии

АНИЧКОВА Идалия Мечиславовна (урожд. Пилсудская; 1843 – после 1917), прозаик.

Дочь тайного советника. Была гувернанткой в дворянских семьях Псковской губ. Жена уездного предводителя дворянства. Опубл. (б.п.) книгу автобиограф. характера "Несколько слов из моей жизни. Журнал молодой девушки" (СПб. 1880). Потом выходили романы, повести и рассказы: «Наташа Озерова» (СПб., 1888); ист. ром. «Рингильда» (СПб., 1896); «Из жизни женщины» (ч. 1-2, СПб.-М., 1905); сб. «Повести и рассказы» (СПб., 1891, 1896); бытовые очерки «Заметки из деревни» – с прилож. документов, найденных в деревенской библиотеке (СПб., 1900); «полуволшебные» рассказы «Моим внукам» (СПб., 1906). Анонимный рецензент "Повестей и рассказов" отнес А. к "типу дамы-любительницы литературы" (Рус. бог. 1892. № 11. С.70-72.).

Русские писатели; Венгеров. Сл.; ИДРДВ. Т.4. Ч. 1. № 886.

АНИЧКОВА С. (бар. Таубе София Ивановна; 1888 – 1957), поэтесса, мемуаристка.

Род. в Харькове. Авт. пьесы "Союз недовольных" (СПб., 1906). В сб. «Женская лира». (Изд. 2-е СПб., 1910) напечат. несколько стихотв. А. с ее портр. Уч. также в сб. «Раз в год» № 1. СПб., 1914. – стихотв. «Мы встретились с тобой в тот страшный час у гроба...». В Праге вышли кн. «Бесконечность – без мгновенья» (1928); «Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора». [1935]; «Счастье человека: Стихи и рассказы» [1930 ?] – две последние изд. «Морского журнала». В Париже в 1928 вышли ее «Записки молодящейся старухи» – отз. Трубников П. \ \ Сегодня. 1928. № 278, 13 окт. С.8.

Венгеров.Источ.; Голубева; Алексеев А.Д.

АННЕНКОВА Александра Карловна (урожд. Мердер; 1828 – 1900), авт. воспоминаний.

Фрейлина имп. Александры Федоровны и Марии Александровны, впослед. начальница Петерб. Екатерининской женской гимназии. "Воспоминания А.К.-Анненковой, рожд. Мердер". – "Наш совр." 1915. № 2. С. 182-192; № 3. С. 271-280; № 4 С.380-391.

ИДРДВ. Т.2. Ч.1. № 386.

АННЕНКОВА Варвара Николаевна (1795 – 1866, по др свед. 1870), поэтесса.

Сестра поэта-дилетанта Н.Н.Анненкова. Имя А. в ист. литературы связано с именем М.Ю.Лермонтова. Их сближает не только родство, знакомство, единый круг общения, но и творч. переключки: совместно написанная пародийная "Баллада" и три посвящения памяти поэта, вошедшие в первый сб. А. Литературный дебют А. – сб. "Для избранных" (М., 1844) – состоялся, когда автору было ок. 50 лет. В нем ощутимо влияние Жуковского, Лермонтова, Один из рец. заключил, что "поэзия г-жи Анненковой есть навеянная, а не задушевная" ("Отеч. зап", 1844. № 5. Сз. 8). Стих. А. почти лишены житейских реалий, биограф. подтекста; ее поэзия носит сугубо интимный характер, что препятствовало ее восприятию. Последующие книги не обнаружили творческой эволюции автора.

Русские писатели; Венгеров. Сл.; Слов. рус. писательниц; Масанов.

(Продолжение на стр. 23)

1937 год

Молчи, молчи. Здесь плакать
не положено,
И списков не найдешь
на запертой двери.

В чем виноват?

То в приговор изложено,
А ты бессильных слез следы
с лица утри.

Ходить сюда

с одной лишь надеждою,
Ты будешь до того,
как бросят узелок

И скажут:

«Нет такого, следующий».

И перехватит горло

давящий комок.

Качнется мир

под слабыми ногами,
На землю скатится
ненужный узелок.

О, Боже мой!

И что же стало с нами?

И кто решил за нас,

что жизни кончен срок?

Тюремной двери скрип

и запах брэнности

Остались за спиной.

Но что ждет впереди?

Не задохнуться

как от человечности,

Свободы воздух чей

безжалостно смердит?

Никогда не была я в Чечне

И не знаю, какая она.

Полыхает пожар в той стране,

Называется страшно: война.

Там земля от безумья горит,

Содрогаясь от смерти солдат.

С тишиной по убитым скорбит

Раскаленный в бою автомат.

Там не слышен малиновый звон,

И потерянных душ нам не счесть.

По ночам их измученный стон –

Преисподней обратная весть.

Кадеты, юнкера, балы и дамы,
Солдаты, вши, надежда, вера, смерть.
И неизбежный шаг скорейшей драмы,
И безысходной жизни круговерть.

Загнав судьбу, как мясо в мясорубку,
Не видя разницы, где враг, где свой,
Земля впитала кровь солдата губкой
От самой красной и до голубой.

А кто был прав? За что боролся, смелый?

Судить об этом даже не берусь.

Лежит здесь красный, а напротив – белый,

А между ними – Голубая Русь.

Верни мне жизнь. Я не хочу
песчинкой стать Вселенной.

Ты слышишь, мучаясь, кричу
душой своей нетленной.

Верни мне жизнь. Я не ищю
пути без испытаний.

И всех обидчиков прошу

без всяких нареканий.

Верни мне жизнь. Хочу еще

в цветах увидеть вишни,

румянец нежных детских щек...

Верни мне жизнь, Всевышний!

Не молюсь я в церквях,

Но не значит – не верю.

И в душе второпях

Открываю я двери,

Чтоб могла благодать,

Пусть случайно, коснуться,

И такую принять,

И в ответ улыбнуться.

Не молюсь я в церквях,

Не стою на молебне.

Все же в доме, на днях,

Место будет и вербе.

Здесь кончается путь,

И таежный тупик

Не дает заглянуть,

Что же там, впереди.

Одиноко стоит
Опустевший вокзал.
Надпись Нижней Туры
Он давно потерял.

Сиротливо глядят
Электричек оконца,
В них пустующий взгляд
Уходящего солнца.

Ты стоишь у черты,
Где нет финиша-старта,
У подножья горы
Вечно спящего старца.

* * *

Закажу я два билета
По дороге скоростной,
Чтоб умчаться в бабье лето
Насладиться красотой.

Красотой, такой беспечной,
Перед стужей и дождем –
Что уходит тихо в Вечность,
Темной ночью, светлым днем.

Засидеться до рассвета,
Клин увидеть журавлей
И послать им два привета
Из распахнутых дверей.

Будут ветки в окна биться,
Что-то листьями шурша,
Бабьим летом насладиться
Мы сумеем не спеша.

Время может заблудиться
В листьях огненных цветов...
А земля преобразится
В день, когда придет Покров.

* * *

В танце закружила
белая метель,
волком песнь завывала –
скорой смерти трель.
Путник полем скачет,
шпорами звеня.
Сбился – не иначе
как загнал коня.
Ну, еще, отрада,
конь мой вороной,
продержись, не падай,
здесь погост чужой.
Гибнуть на чужбине
стоит ли, дружок?
Ждет нас за долиной
женка и сынок.
Сколько б ни кружила

нас с тобой метель,
вынеси, двужильный,
будем дома, верь...
Их тяжелой дланью
гладила метель,
уложив – за гранью –
в вечную постель.

* * *

Дед мой, я смотрю на твой портрет, –
ты погиб под Ленинградом,
мы с тобою не знакомы, нет,
может, стала бы отрадой.
Без тебя пришла на этот свет –
счастьем, а скорее – мукой.
Сколько в жизни мне придется лет
мерить вечною разлукой.
Память о тебе – одна доска
с именами над могилой,
и неизгладимая тоска –
вдове скорбное мерило.
Но оставил ты на сей земле
тех, кто род продолжить может,
кто беззубым ротиком во сне
улыбнется – на тебя похожий.

* * *

Не вернуться туда, в ту далекую пору,
Там, где время бежало своим чередом,
Где подвластен был мир любопытному взору,
Где теплом согревал нас родительский дом.

Не вернуться туда, где ворота закрыты,
Где другая луна сторожила покой,
Где оставлена память на время забытой,
Где из детства бежал по дороге босой.

Не вернуться туда – пролетела эпоха,
Это время твое, и о нем не грусти.
И совсем это даже, как видно, неплохо,
Что нам с ним, оказалось, идти по пути.

СКРИПКА

Плакала скрипка, рыдая от мук,
Звуки катились слезою.
Сколько воспето печальных разлук,
Радостных встреч под луною!

Скрипка смеялась, ласкала, звала,
Вихрем неслась по пустыне.
В душу запала, на сердце легла,
Где поселилась отныне.

Ей не простило исчадие зла
Звуков, летящих к вершине...
И за любовь, что другим отдала,
Скрипка сгорела в камине.

ОТЕЦ «БЕЛОЙ БАШНИ»

Только что закончилась война. В общественных организациях Уралмаша решили, что героический труд коллектива завода должен быть как-то увековечен. Было дано задание художникам и скульпторам создать проекты памятника. В работу включились многие организации.

Конкурсная комиссия одобрила проект М.В. Рейшера, бывшего архитектора Уралмаша. По рисунку Рейшера в чугунолитейном цехе началась формовка детали, необычной для профиля цеха.

Мы, в те годы учащиеся Свердловского машиностроительного техникума, проходили практику в этом цехе, и мне посчастливилось видеть Рейшера в работе. Невысокий, очень подвижный, он целые дни проводил возле формовщиков, подправляя контуры будущей отливки постаментов для самоходки.

Габариты цеха не позволили сделать постамент монолитным. Отлили его пустотелым, из двух половин и в конце 1946 года на него установили последнюю, изготовленную на Уралмаше артиллерийскую установку, которая стоит и по сей день.

Моисей Вениаминович Рейшер девять лет отдал «заводу заводов», прошел путь от рядового архитектора до заведующего проектным отделом. В 25 лет ему была доверена практически вся техническая документация на возведение основных цехов завода: чугунолитейного, сталелитейного, кузнечно-прессового, термического, ремонтно-механического.

В 1929 г. предстояло построить водонапорную башню. Уралмашевцы подошли к этой затее творчески. Башня должна была царить над всем соцгородом. Объявили конкурс на лучший проект. Победил М.В. Рейшер. И получилось нечто особенное. Башня, как маяк, видна отовсюду.

М. Рейшер предложил оригинальный проект водонапорной башни большой емкости. И при этом всего на трех поддерживающих опорах. «Три опоры? Они не дадут должной прочности». « Не маловато ли? А вдруг...» – слышались голоса оппонен-

тов. Споры завершились тем, что решили добавить четвертую опору.

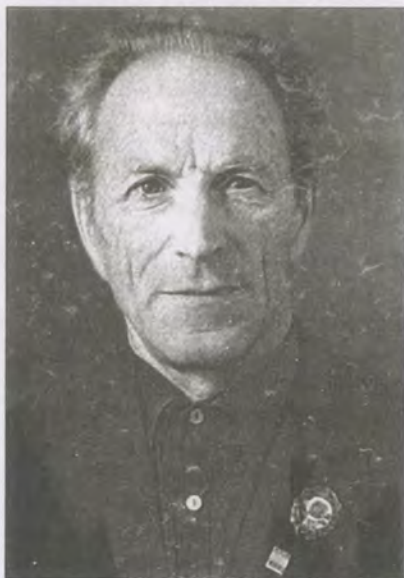
С сегодняшней вершины знаний и опыта современные архитекторы утверждают, что эта четвертая опора была не нужна. А тогда не поверили расчетам молодого инженера-архитектора, да и не надеялись на новый для того времени строительный материал – железобетон, из которого делалась башня.

В Екатеринбургском музее архитектуры автору этих строк попали на глаза три простых тетради – воспоминания Рейшера о тогдашнем главном инженере строительства Уралмаша В. Фидлере. Там есть любопытные строчки, касающиеся испытания бака водонапорной башни: «В водонапорной башне прорвало днище бака, – писал Рейшер, – и 550 кубометров воды хлынули вниз, смыв постового на 15–20 метров... У Владимира Федоровича Фидлера в кабинете собрались все ведущие специалисты, принимавшие участие в проектировании, строительстве, монтаже и приемке башни. Во время обсуждения случившегося в кабинет вошел представитель НКВД.

Владимир Федорович поднялся и внешне спокойно просил извинить, что не может сейчас уделить ему время. Просил обождать. «В данный момент мы решаем технический вопрос, как в максимально короткий срок ликвидировать аварию, кому, что и в какие сроки нужно сделать. Решив эту задачу, я займусь с вами выявлением лиц, виновных в этой аварии».

В то время и в такой ситуации для старого «спеца» так принять представителя НКВД, по существу просить его выйти и не мешать работать, нужно было обладать большою смелостью и силой воли».

«Белая башня» – так окрестили ее в народе – памятник архитектуры федерального, общероссийского значения (постановление Совета Министров РСФСР № 624 от 4 декабря 1974 г.). Она значит

М.В.Рейшер

«Белая башня»

во всех справочниках мира по архитектуре как памятник конструктивизму.

С 1936 года, после ухода с Уралмаша, М.В. Рейшер работал в архитектурно-планировочных мастерских Свердловского горисполкома. На Уралмаше, кроме цехов и Белой башни, он участвовал в проектировании гостиницы «Мадрид», кинотеатра «Темп», Дворца культуры (ныне Дом школьника), а также дендрологического парка на улице Первомайской. Изящная чугунная ограда сквера по пр. Ленина тоже отлита по его эскизам. С его именем связана реконструкция здания горсовета, консерватории, фасада гостиницы «Большой Урал» и многое другое.

На пьедестале – последняя самоходка

Под фотографиями нынешней мэрии со шпилем иногда указывается одна фамилия архитектора – М.В. Рейшера. По этому поводу Моисей Вениаминович в своих воспоминаниях писал: «Мне выпало большое счастье участвовать в работах по реконструкции здания горсовета, но... и как-то совместно видеть только свое имя, тогда как здание горсовета, «песню эту», сочинил Г.А. Голубев (первый главный архитектор Свердловска, до Голубева «главных» не было. – Авт.), а я лишь по его личной просьбе вел авторский надзор за отделочными работами по фасадам (т.к. он был болен), а после его смерти возглавлял разработку всех рабочих чертежей, надзор за строительством башни и проектирование внутренней отделки здания».

Для уралмашевцев Моисей Вениаминович Рейшер навсегда останется отцом Белой башни, ставшей архитектурным символом и украшением города. Жаль только, что сейчас ее судьбой и сохранением мало кто озабочен.

Еще в начале 60-х годов башня подавала воду в водопровод, но потом Соцгород так разросся и потребление воды настолько возросло, что даже ее гигантский бак (600 кубов) уже был не в состоянии поддерживать нужное давление. И тогда башню отключили от водопровода, а для подачи воды стали использовать другие технические средства.

У М.В.Рейшера возникла мысль перестроить башню под кафе, и он даже успел создать проект реконструкции со смотровой площадкой на крыше. Вполне возможно, найдется предприимчивый человек, и этому эффектному проекту суждено будет осуществиться.

Аркебуза Шекспира

В Российском государственном архиве древних актов мое внимание привлек список огнестрельного оружия Туринского острога. Перечень приложен к «отписке» 1608 года Туринского воеводы Ивана Никитича Годунова в Москву. Цифры показывали: в крепости слишком мало затинных и ручных пищалей для «оберегания» от «многих колмацких воинских людей», воровских татар. Надобна помощь столицы. В общем числе выделялось личное оружие воеводы – аркебуза Шекспира. Указано происхождение ружья – Англия.

Но при чем тут гениальный драматург? Если это действительно его аркебуза, то как она оказалась в крепости на реке Туре? Вопросы меня заинтриговали. Поиск ответов позволил воссоздать удивительную историю.

Сэр рыцарь и сын перчаточника

Для начала перенесемся в Англию 1591 года. У 28-летнего Уильяма Шекспира величайшие трагедии «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Отелло» еще впереди. А пока он – подмастерье в отцовской мастерской по пошиву модных кожаных перчаток в графстве Уоркшир. В свободное время попивает с местными забулдыгами темный эль. Промышляет браконьерством. Добытая оленина – семье, оленин шкуры – для пошива перчаток.

Случилось, что в Чарлкотском питомнике сэра Томаса Люси, мирового судьи и члена парламента, Уильям застрелил из аркебузы коосулю и был пойман с поличным лесничими.

Из своего имения в Чарлкоте прибыл сам сэр рыцарь. По закону 1563 года об охране дичи, сыну перчаточника, грозила выплата тройной стоимости ущерба или три месяца тюрьмы. И с обещаньем хорошо себя вести следующие семь лет.

Но сэр Томас Люси был милостив. Из уважения к отцу правонарушителя, достопочтенному Джону Шекспиру, превосходному мастеру и домовладельцу, он согласен на минимальное наказание. Не прочь даже отпустить виновника с миром до суда. Но уже Уил закусил «удила». Уилу плевать на его милости! Уила унизили. Отняли аркебузу. Разгова-

ривают как с преступником. Грозилась запереть в сторожке, пока не оформят обвинение. Из-за такой мелочи – подстреленного оленя. Да у Люси их столько, что и говорить не о чем. Даром Люси это не пройдет. Хоть он и судья.

И вот уже гуляет по постоялым дворам песенка:

Своих оленей так берег
Сэр Томас от врага,
Что и у Томаса на лбу
Вдруг выросли рога.
Оленей, ваша милость, нет
У вас, но есть жена –
Пусть о рогах для вас всю жизнь
Заботится она.

Потом сэру Томасу доносят: на ворота его заповедника наклеена возмутительная баллада. Лесничий сорвал и принес ее. Сэр Томас читает – и багровеет от ярости:

Судья мировой и в парламент прошёл –
Он пугало дома, в столице – осёл.
С кем именем схож он? – Походит на вошь он.
Но с вошью не только по имени схож он;
В величьи своём остаётся ослом,
И мы по ушам заключаем о том.
С кем именем схож он? – Походит на вошь он.
Эх, с вошью не только по имени схож он.

Ясно, это проделки Шекспира. Никто, кроме него, не пишет стихов в Уоркшире. Мало что виноват – так еще издевается. Но Люси – не какая-то мелкая сошка, чтобы позволить так с собой обращаться. За такое оскорбление казнят. Стихи – одна ложь. Жена Люси – сама добродетель. На его фамильном гербе – щуки, а не вши. К сожалению, сэр рыцарь не может вынести приговор, как судья. Из-за личной заинтересованности. И прямых доказательств авторства Шекспира нет. Но теперь уж за браконьерство Уил заплатит сполна.

Спасаясь от суда, Шекспир бежит в Лондон. Но правосудие настигает его и там. Инквизитору комиссии Тайного совета парламента хватит влияния отправить оскорбителя в тюрьму. Но за годы тягбы Уильям вырос в превосходного драматурга. Его исторические хроники «Генрих VI», «Ричард III»,

комедии «Укрощение строптивой», «Напрасные усилия любви» триумфально идут в театрах Лондона. Ему покровительствует королева Елизавета. Фаворит Елизаветы лорд-камергер Роберт Дадли граф Лестер явился к истцу уладить конфликт:

– Прошу вас, сэр Томас, прекратите тяжбу. Шекспир прекрасно пишет для моего театра – театра «лорда-камергера». Сделайте это ради меня. вспомните, ведь это я посвятил вас в рыцари от имени королевы. Вы согласны, но... вас что-то смущает? Обидные стишки? Шекспир отрицает причастность к ним (Еще бы он признал! Положил бы голову под топор. – Авт.) Свидетели? Они ваши слуги. Прикажите – они замолчат. Аркебуза? Подарите ее мне. Чтобы не смущала желанием навредить Шекспиру.

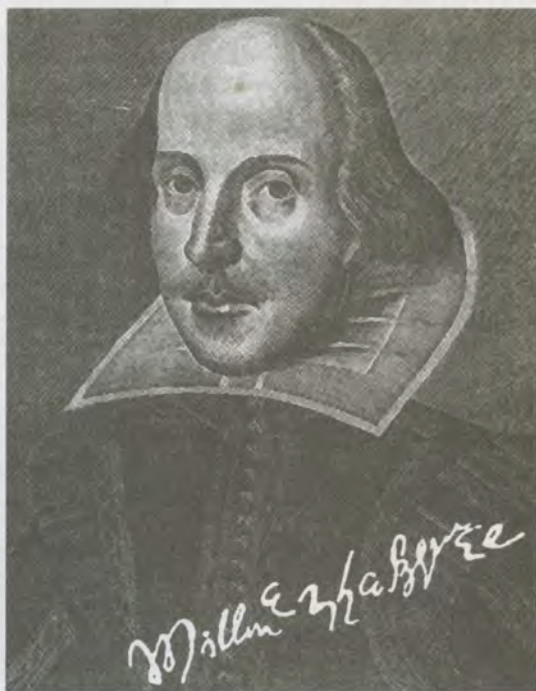
Мы излагаем события на основе рассказов современников гениального писателя. Им склонны доверять авторитетные шекспироведы Эдмунд Чемберс, автор двухтомника «Уильям Шекспир. Исследование фактов и проблем» (Оксфорд. 1930 г.), Дж. Э. Бенгли «Шекспир: биографический справочник» (Нью-Йорк, 1961 г.), А.Л. Рауз «Уильям Шекспир» (Лондон. 1963 г.) и другие. Согласимся с американским шекспироведом Сэмом Шенбаумом (Шекспир. Краткая документальная биография. Издательство «Прогресс». Москва. 1985 г.): не все детали событий выглядят убедительно. Тем не менее факт браконьерства, наличие аркебузы, судебное преследование, бегство и примирение доказаны.

Итак, злосчастная аркебуза – у «лорда-камергера». Что случилось с нею дальше? Заглянем в 1600 год (по нынешнему летоисчислению 1601-й).

Прием у королевы

6 января. В ослепительных огнях королевский дворец в Уайтхолле – по случаю Крещенского вечера, завершающего рождественские праздники. В числе гостей посол русского царя Бориса Годунова Григорий Иванович Микулин. Сама Елизавета Английская пригласила его «на праздник на крещенье день хлеба ясти». В назначенный час королевская карета доставила посольских людей из дома возле Биллинггейта, где они жили, в Уайтхолл. Московитов на торжестве сопровождала свита из 14 англичан – «два рыцаря и 12 джентльменов» – по числу русских в составе посольства.

Посланцу царя Московии почет особый. Прием в «Палате Советов» – комнате королевы. Елизавета в дружеской речи приветствует торговый союз с Россией, старания «лучшего друга Англии среди иноземных государей» царя Бориса создать наилучшие условия английским купцам для торговли в России. Согласна укрепить связи женитьбой царского сына на королевской родственнице. Да и сам Микулин нискал ее расположение. Когда «лорд Стенс» (Эссекс) пытался свергнуть Елизавету, посол рисковал жизнью, защищая державную правительницу от бунтовщиков.

Уильям Шекспир

Последуем за описанием «приема и увеселений московитского посла». И остановимся на встрече посла с гениальным драматургом. Микулин наслышан о Шекспире от его покровителя «Эрля Сеуфгамтена» (графа Генри Ризли Саутгемптона барона Тичфилда). Порассказал о нем именитому иностранцу и Джэйлс Меррик, секретарь «лорда Стенса» (Эссекса). Да и «земли Флоренской удельный князь Верджен Аурсинов» (флорентиец Вирджинио Орсини, герцог Браччьяно) – тоже гость увеселений в Уайтхолле – доверительно признался московиту: Шекспир вывел его под видом герцога Иллирии Орсино в своей новой комедии «Двенадцатая ночь». Написана она специально к сегодняшнему 12 дню от начала рождественских праздников. И сегодня здесь ее дает театр с участием автора. Что ж, у Микулина есть возможность познакомиться с английской знаменитостью после премьеры.

Григорий Иванович, как известно, отличался любознательностью, широтой взгляда. Общался с русскими в Англии, с поставщиком новостей Джоном Мерриком – видным деятелем английской торговой компании в Москве, хорошо знавшим русский язык. Беседовал с английскими купцами, мореходами, бывавшими в Московии. В «статейном списке» (посольском отчете) Микулин дает широкую картину жизни «Туманного Альбиона» начала XVII века. При таких обширных интересах мог ли он не познакомиться с создателем «Короля Лира»?

В архиве Британского музея хранится признание бывшего английского посла в Москве сэра Джерома Бауса (Микулин именует его «князь Еремей Боус»). На празднике 6 января он возглавлял свиту

для московитов. Баус утверждает: русский посол передумал идти в католический собор. Дескать, он православной веры, ему чужды католические церковные обряды. Присутствовал на спектакле. Как особа в милости у королевы, он мог обойтись без специального приглашения. После представления имел продолжительную беседу с автором «Двенадцатой ночи». Через переводчика Ондрея Грота, приставленного к московскому посольству. Кстати говоря, Орсини, увлеченный пьесой, мог этого и не заметить.

В библиотеке герцога Нортумберлендского сохранилось свидетельство посольского подъячего Ивашки Зиновьева, также приглашенного королевой на праздник крещения. По словам подъячего, посол и драматург понравились друг другу. Посол произвел впечатление. Дородный, высокий, с мужественной осанкой московит в драгоценном кафтане из золотой парчи с оплечьем, густо осыпанным крупным жемчугом и драгоценными камнями. Безбородый. Небольшие, скошенные по-татарски усы. Умный, спокойный взгляд темных глаз. Как на английском портрете Микулина кисти неизвестного художника – подарке Бориса Годунова королеве Елизавете. (Ныне портрет в Московском государственном историческом музее). Собеседник посла тоже выглядел заметной фигурой. Англичанин с высоким лбом. Золотисто-каштановые волосы свисают волной по бокам лысого черепа. Большие пронзительные глаза. Ниточки усов «елочкой» под удлинненным носом. Редкие волоски под нижней губой на овальном подбородке. Внешность, знакомая нам по гравюре работы Дройсхута 1623 года.

О содержании беседы можно судить по записи, сделанной переводчиком Гротом для королевы Елизаветы. (Она находится в посольских бумагах королевского архива). Микулин удовлетворил любопытство Шекспира о русском царе Годунове. Остановился на достоинствах сибирского соболя. В собольи меха одевались автор «Утопии» Томас Мор, архиепископ Кентерберийский, жена Генриха VIII Анна Болейн, увековеченные в этих нарядах великим портретистом Гансом Гольбейном. Отметил славу русских медведей на популярной английской забаве – медвежьей травле собаками. Упомянул русских соколов и кречетов – на английской охоте. Подметил надежность русской слюды, заменившей в окнах домов британцев плохое стекло английской выработки.

Шекспир высказал гостю свои взгляды на Московию. Информацию о плавании лондонского морехода Ричарда Ченслора к устью Северной Двины от Ивана Грозного он почерпнул из «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Рафаэля Холиншеда. Свирепость русских медведей запечатлел в исторической хронике «Генрих V». В хронике герцог Орлеанский отвечает на реплику французского вельможи Рамбюра насчет воинственности английских бульдогов, на медвежьей травле. «Глупые псы!

Кидаются, закрыв глаза, в пасть русскому медведю, чтобы он сплюснул им башки, как гнилые яблоки». В раннюю комедию «Напрасные усилия любви» вставил маскарадную импровизацию с переодеванием в русские костюмы. О них знали британцы еще в 1510 году, за полвека до первого плаванья англичан в Московию, как уверяет Холл, летописец времен Генриха VIII. В этой пьесе влюбленный Фердинанд, король Наварры, хочет завоевать сердце французской принцессы появлением на маскараде в обличье московитян. Король и свита в роли русских сетуют на долгий тяжелый путь в лютый мороз, дабы лицезреть красоту принцессы, обожают ее, подобно дикарям, просят ее снять маскарадную маску. Предупрежденная своим придворным Бойе о замысле короля, принцесса дурачит венценосца: «Сто двадцать раз прощайте, о москвичи замерзшие мои».

Оба – посол и писатель – довольны беседой. Микулин хотел бы что-нибудь заполучить на память о великом англичанине. Спустя какое-то время, желание сбывается. Выручает фаворит королевы граф Лестер. Угодить этому русскому – значит угодить обожаемой владычице. «У меня есть аркебуза Шекспира, – говорит он Микулину. – Я готов подарить ее московскому послу, если подарок ему по душе».

В 1601 году Микулин возвращается в Москву с подарками Елизаветы русскому царю. И личным английским подарком – аркебузой Шекспира.

Собственность воеводы

Аркебуза недолго находилась в доме Микулина в Ярославле. О том есть упоминание в бумагах фонда «Сношения России с Англией» Российского государственного архива древних актов. В 1604 году ее купил Иван Никитич Годунов, стольник (смотритель за царским столом). С Григорием Ивановичем он в хорошем знакомстве. Не раз вместе сидели на царском застолье. А тут подступил: продай да продай. И то сказать, времена беспокойные – смута на Руси. Самозванец, объявивший себя Димитрием, сыном Ивана Грозного, ведет за собой польское войско захватчиков. Кругом голод, нищета, разоренье. Кабы не нужда в деньгах – не расстался бы бывший посол с аркебузой. А царскому родичу по военным делам без оружия никак нельзя. Надежно ручное тяжелое ружье. Заряжай свинцовыми пулями с дула, поджигай пороховой заряд от руки через затравочное отверстие. И пали!

После смерти царя Бориса в 1605 году вовсе худо пришлось Ивану Никитичу. Недовольные прежним правлением переметнулись к самозванцу. Взбунтовалась чернь. Пошла расправа с Годуновыми – царскими родственниками. Иван Никитич заключен под стражу. Его имение расхищено. Дом разрушен. Ладно еще аркебузу сберег. Успел спрятать. Она и пригодилась. Когда Лжедмитрий вззошел на престол и милостиво определили Годунову за супротивство почетную ссылку – воеводой в «тьмута-

ракань» – отдаленный Туринск в Сибири. (В ту пору острог на Туре считался сибирским. – Авт.). Издевками провожали опального в сибирскую глухомань Борисовы недруги – изменники-бояре. Дескать, так ему и надо, выскочке из рода татарского мурзы.

В Туринске тоже тревожно. Страдает население от набегов «нагайских людей, Урус Мурзы с товарищи». Приходят войной царевичи, Кучумовы внучата. Много раз гремела воеводская аркебуза против государевых изменников киргизских и иных орд. Во время воеводства жил Иван Никитич в Туринском остроге с великим береженьем, караулы держал крепкие, вовремя отражал разбойные набеги. И следил за событиями на Москве. Сколько еще ляхи будут бесчинствовать на Руси? По крайней мере, хоть тут, в Туринске, порядок. Однако в 1609 году пришел приказ ехать Ивану Годунову в столицу. Просит новый законный царь Василий Шуйский, бывший советник царя Бориса, ценивший Годуновых, помочь в войне с новым нашествием польской шляхты. «Границы России отверсты. Сообщения прерваны. Воины рассеяны. Города и селения в пепле или в бунте. Сердца в ужасе или в ожесточении. Правительство в бессилии. Царь в осаде и среди изменников» – так оценена обстановка в «Истории Государства Российского» историка Н.М. Карамзина. Худо дело. Мешкать некогда. Покатил Иван Годунов с аркебузой Шекспира обратно в центральную Русь. Вступил в московское воинство князя Михаила Шуйского. Участвовал с аркебузой в разгроме польского войска Яна Сапеги, разбойничьих толп, мятежников Ивана Болотникова.

Вот такую повесть поведало нам английское тяжелое ружье, с которым некогда охотился гениальный создатель «Макбета», «Антония и Клеопатры», «Генриха IV» и других великих произведений.

АННЕНКОВА Вера Ивановна (урожд. Бухарина; 1813 – 1902), мемуаристка.

Жена поэта-дилетанта Н.Н.Анненкова. «Встречи с А.С.Пушкиным» \ Пер. с фр. Л.В. и Н.В.Классен \ Андроников И.Л. Собр. соч.: В 3 т. М., 1981. Т. 3. С.179-195. – В ст.: Утраченные записки; «Люди былого времени. Из рассказов В.И.Анненковой» – Рус. архив, 1906. № 1; «Из воспоминаний». – В кн. М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С.122-124.

Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1975. С.16; Мердер Н.И. Воспоминания о Вере Ивановне Анненковой – «Ист. вестн.», 1902. № 10. С.87-103; ИДРДВ. Т.5.Ч. 1. № 31; Т.2. Ч.2. № 3272.

АННЕНКОВА Екатерина Александровна, дет. писательница.

Печат. в журн.: «Игрушечка», «Задуманное слово». Масанов.

АННЕНКОВА (Хлопина) Надежда Павловна (1887 – 1950), биолог, авт. научных работ.

«...Ichthyotaeniidae в рыбах русских водоемов» (Предст. акад.И.П.Бородиным в заседании Отд. физ.-мат. наук 5 июня \ 23 мая 1918). П., 1919; «Пресноводные и солоноватоводные Polchaeta СССР» Л., 1930; «Пиявки (Hirkinidae) в сборах Иссыккульской экспедиции 1928 г.» вып. 1. 1930; «...Два новых вида паразитических червей рода Caryophyllacus, найденные в кишечниках карповых рыб» (Предст. акад. И.П.Бородиным в засед. Отд. физ.-мат. наук 27 нояб. 1918). П., 1919. РНБ.

АННЕНКОВА Ольга Николаевна, переводчица.

Племянница художника М.Врубеля, дочь Е.А.Анненковой (см) ближайшая подруга Е.А.Андреевой-Бальмонт (см. ее воспоминания). О.Н.Анненкова упом. в кн. «Сто одна поэтеца серебр. века», с.5.

АННЕНКОВА Пелагея Ивановна.

(См. Вельяшева-Волынцева, П.И.).

АННЕНКОВА Прасковья Егоровна (урожд. Полина Гельб; 1800 – 1876) мемуаристка.

Жена декабриста И.А.Анненкова. Из старинной французской дворянской семьи. В 1823 отправилась в Москву, служила в магазине, познакомилась с кавалергардом Анненским, будущим декабристом. Последовала за ним на каторгу в Сибирь, а потом и на поселение. История их отношений легла в основу романа А.Дюма-отца «Учитель фехтования». По настоянию М.И.Семевского А. продиктовала по-французски воспоминания о своей жизни в Сибири дочери О.И.Ивановой (см.), которая записала их в русском переводе. Воспоминания А. переиздавались несколько раз. В научном издании «Воспоминаний П.Анненковой» (М., 1929) восстановлены купюры, введены дополнения: восп. Ивановой (до 1837 г.), письма и документы из семейного архива, хронологическая канва жизни Анненковых. Воспоминания сохраняют обаяние непринужденного рассказа, свободны от печати романтизма. Цельностью, душевной силой и отзывчивостью отмечена личность автора.

Русские писатели (портр); Декабристы. Биогр. справочник М., 1988. С.8-9; ИДРДВ. Т.2. Ч.1 (указ. имен); Венгеров. Сл.

(Продолжение на стр. 63)

Первый самолет в Тагиле

Шел 14-й год нового века, –XX-го, – века гуманизма и веры в безграничные возможности человеческого разума. В июне этого года тагильчане пребывали в предвкушении знаменательного события – свой показательный полет на аэроплане над Нижним Тагилом должен был совершить Сергей Исаевич Уточкин, мастер пилотирования, популяризатор успехов русской авиации.

Аэроплан в Нижний Тагил прибыл по железной дороге в разобранном виде. На лошадях по частям перевезли чудо-машину на ипподром, там его собирали и готовили к полету. Первые аэропланы были относительно легкими и развивали небольшие скорости – 150-170 км/ч необходимых для отрыва от земли. Чтобы взлететь, самолету требовалось от 300 до 900 м, поэтому в качестве летного поля можно было использовать любые небольшие ровные площадки. Такой площадкой для полета знаменитого русского пилота был выбран тагильский ипподром, который находился на месте, где сейчас расположен Коксохим.

Полет состоялся в назначенный день. Сначала «Фарман» сделал круг над ипподромом, затем облетел почти весь Тагил и вернулся на поле. Все это

заняло несколько минут. Даже тот, кто не попал на импровизированный аэродром (пускали только по билетам), смогли увидеть стрекочущую машину в нижнетагильском небе и даже разглядеть пилота.

Перед вторым полетом летчик обратился к зрителям, приглашая прокатиться. Прадедуска современных воздушных лайнеров был предназначен для полетов только с одним пассажиром. Его место находилось за спиной авиатора. Это была обыкновенная деревянная табуретка, прибитая гвоздями к двум деревянным продольным балкам-полоскам – основанию аэроплана. Желающих было немного, вернее всего один. Видимо, момент разговора с храбрецом и снял неизвестный фотограф.

Все когда-то случается в первый раз. 90 лет назад, 14 июня 1914 г., в нижнетагильском небе впервые летал аэроплан. Фотографы запечатлели это событие, краеведы оставили свои воспоминания, и все вместе позволило нам совершить это небольшое путешествие в прошлое.

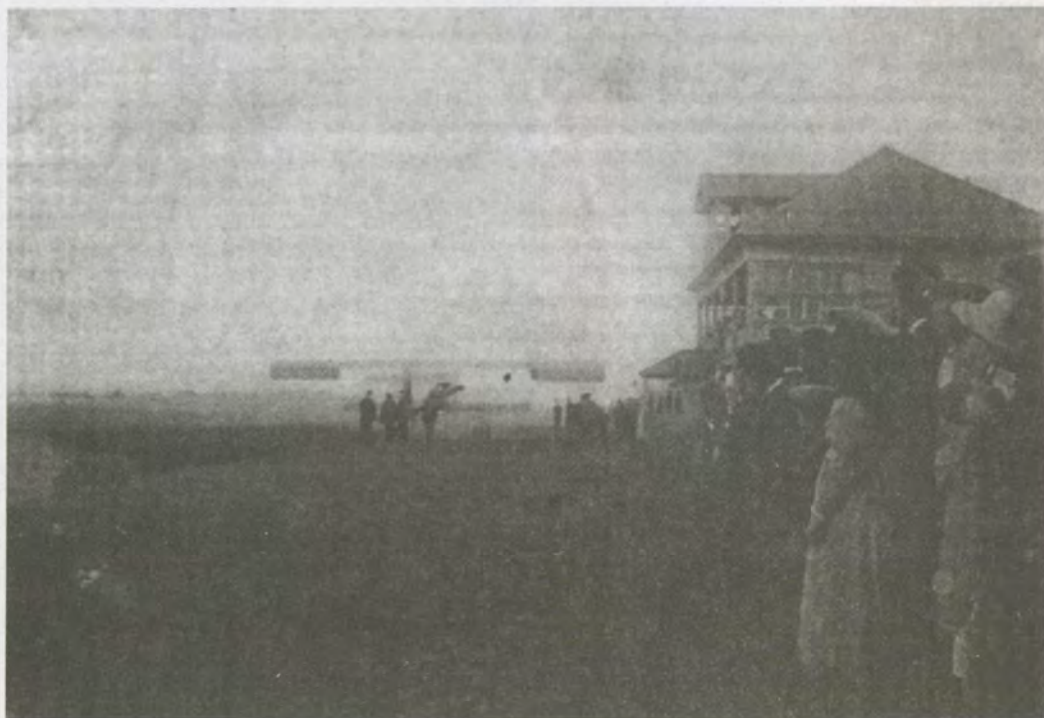
Материал подготовлен на основе воспоминаний

Е. Боташевой «Первые самолеты над городом»

(«Тагильский рабочий» от 4.07.1972 г.).

Открытка – из частной коллекции

Алексея Михайловича Авсева.

Прохождение Венеры по диску Солнца

Часть третья

Осколок и паровозик

I

Солнце выкатилось в разрыв – умытое, сияющее. Вокруг него была широкая синева. Но облака двигались быстро и могли очень скоро заслонить обрадованное светило.

– Вовка, дай монокуляр!

Он дал, не спорил, что «нет, я первый». Я насадил фильтр и навел объектив на солнце. Оно и в самом деле было похоже на белую тарелку. Только небо вокруг не темно-лиловое, как в трубке секстанса, а густо-вишневое – потому что фильтр именно такой... А к нижнему краю «тарелки» приклеилась черная горошина.

Вот она, родимая! А куда она денется? Да, в самом деле: что бы ни случилось на всем белом свете, а эта крохотная, но увесистая, настоящая (это ощущалось даже здесь) планета в данный момент должна была оказаться именно здесь, между Солнцем и Землей. И оказалась! И в такой вот космической неуклонности мне опять почудилась радостная сила. Словно я зачерпнул частицу вселенской прочности.

Венера была, как... Я не успел сравнить ее ни с чем, спохватился:

– Вовка, на, смотри! Скорее, пока не затянуло...

Он схватил монокуляр, вскинул его к солнцу. Несколько секунд сидел неподвижно. Потом бросился к окну, упал перед ним на колени, поставил локти на узкий подоконник и снова замер с прижатым к глазу окуляром. Наконец сказал, не оборачиваясь:

– Вот это да... В точности как ты рассказывал...

– Да, только фильтр другого цвета.
– Это неважно... Иван, а ты загадал желание?
– Не успел. Давай сперва ты... Надо сказать: «Солнце, Земля и Венера, сделайте, что я прошу...» А потом – свое желание. Можно мысленно...

– Ага... – Вовкины треугольные лопатки закрепились под красной футболкой. И такой вот, неподвижный, был он еще с полминуты. Наконец оглянулся.

– На. Загадывай тоже...

Я прислонился плечом к оконному косяку и снова глянул в окуляр. И опять незримая нить связала меня с миром планет, задрожала в пространстве, и нервы у меня тоже задрожали – в одной частоте с космической струной. «Солнце, Земля и Венера, сделайте, что я прошу... Пусть, когда Вовка уйдет на свои поля, дорога там приведет его к этому дому и пусть в нем встретят Вовку те, кого он любил...»

Облака словно того и ждали. Едва я перестал шевелить губами, как золотящийся косматый край надвинулся на солнце. Но я даже не успел пожалеть об этом. Потому что внутри у меня ухнуло от испуга: внизу, в доме, слышались тяжелые шаги и неласковый громкий голос прогудел:

– Эй! Кто там есть? А ну выходи, хуже будет!..

Вовка метнул свое тощее легонькое тело через подоконник. Протянул мне руку:

– Иван, лезь...

Я не размышлял ни мгновенья. Тоже кинулся в окно и оказался на ржавой крыше (лист прогнулся и звякнул). В этот миг я ощущал себя мальчишкой не старше Вовки. Совсем как в давние годы, когда нас замечали в чужом саду или на этажах заброшенной стройки хозяева и сторожа. Этакий обжигающий душу испуг с примесью приключенческого азарта. Впрочем, испуга было гораздо больше. По

Окончание. Начало в №5-6, 2005.

гремящей крыше мы подбежали к ее краю. До земли было метра три.

– Прыгай! – скомандовал Вовка.

В другой ситуации я долго думал бы, прежде чем решиться. Но Вовка сиганул вниз, и я махнул следом – опять же, как мальчишка, боящийся отстать от приятелей. Однако ловкость уже не та: меня развернуло в полете, и я понял, что упаду не на ноги, а крепко треснусь о землю левым боком. Но в последний миг упругая сила подхватила меня, как воздушной волной, опустила коленями и ладонями в рыхлую глинистую землю с редкими травинками.

– Вань, бежим!

И мы бросились через двор под сырими кленами, затем через прошлогодние, не вскопанные этой весной гряды. Через сухие, пахнувшие пылью сорняки. И наконец с маху преодолели жерди низкой изгороди. Она отделяла огород от лога. Между изгородью и логом тянулась в лопухах тропинка.

На тропинке Вовка обрел уверенность:

– Все. Здесь уже ничейная территория.

– Вот догонят и покажут такую территорию, что...

– А мы скажем: «Ничего не знаем, просто шли мимо»...

– Авантюрист.

– Ага, – сказал он с удовольствием и затолкал монокуляр в один и глубоководных карманов на штанах. Вытер о штаны ладони.

– Смотри, изволился весь...

– Ты тоже не без того, – заметил Вовка.

Мы пошли по тропинке. Мои штанины намokли в сырых лопухах. Болела поцарапанная ладонь. Я лизал ее и сопел от досады. Мой торжественный настрой, возникший при общении с космосом, улетучился.

Тропинка привела нас на улицу Лесорубов (что за дурацкое название!), которая шла параллельно Косому переулку. Здесь я наконец остановился, чтобы успокоиться.

– Подожди. У меня после прыжка что-то в поясице ёкает.

– Ничего у тебя не ёкает, – безжалостно сказал Вовка. – Просто ты перетрусил.

– Ну и... перетрусил. Из-за тебя... Говорил «никто не придет, никто не придет», а тут нате вам... – Я сел на лавочку у могучих деревянных ворот и стал отскрести глину от джинсовой ткани на колене. Вовка сел рядом, понаблюдал. Посоветовал:

– Сейчас не скреби. Надо подождать, когда подсохнет.

– Ага! И таким вот оборотом идти по городу. Это ты можешь ходить чучелом, а я взрослый человек с интеллигентной внешностью...

– Сейчас не очень интеллигентной, – хихикнул Вовка.

– Бальда...

– Ага... – опять хихикнул он. – Вань, да ты не расстраивайся. Интересно же получилось. Как в книжке про Тома Сойера...

– Ну да... Вот загремели бы в милицию...

– Тогда, конечно, уже не как в «Томе Сойере» было бы... Ты, Ваня, в своей истории все правильно про милицию рассказал... А что-то похожее было по правде? Ну, с секстаном и вообще...

– Похожее было, – ворчливо отозвался я. – Только не в нынешние времена, а в восемьдесят седьмом.

– И... Каруза-Лаперуза?

– Ну, и он... Только звали его не Матвейкой, а... я уже говорил...

– Это не важно, – быстро сказал Вовка.

– Да... И не медаль ему дали, а подарили знак «За дальний поход». Сказали, что его песни – это все равно как плавание по морским волнам. А тех медалей тогда еще не было...

– Все равно хорошо... И конец у твоей истории хороший. Про секстан...

Прежнее настроение – то, с каким я рассказывал Вовке свою повесть – понемногу возвращалось ко мне.

– Это, Вовка, еще не конец...

– Да?! – то ли обрадовался, то ли встревожился он. – А что было дальше?

– Пойдем потихоньку, расскажу... – Мы встали и медленно зашагали рядом по старому бугристому асфальту. – Дальше было так, что Матвейка чуть не расстался со своей медалью...

– Почему?!

– Решил, что не достоин ее. После одного случая. Он ведь был такой... может, не очень смелый, но с честной душой... Однажды оказался он в центре города и увидел толпу. Всякий народ там собрался, больше все пенсионеры, ветераны-коммунисты, шумят, кричат. В общем, митинг. То ли из-за отмены пенсионерских льгот, то ли еще из-за чего-то... Вся толпа – с одной стороны площади. А с другой – омовский заслон. Со щитами, с дубинками, в касках с забралами, ну прямо как рыцари перед ледовым побоищем. Лиц не видать... А побоищем и правда пахло, уж очень люди были накалены. Хотели пройти в здание городской управы, к мэру, а заслон их не пускал, даже грозил водометами... Матвейка все это увидел, когда оказался на краю площади. Ему надо было на другую сторону, и он думал: перебежать или обойти стороной? Ну и решился, побежал. И вдруг его подхватил на руки какой-то дядька. Оказалось, ветеран-старшина Маркельч. От него опять пахло спиртным. Не сильно, однако ощутимо. И он задышал Матвейке в ухо, горячо так:

«Матвей! Ты молодец, что пришел! Ты это... Сейчас я тебя на плечи, ты встанешь и давай эту... «Вставай, страна огромная!» Тогда все сразу... Мы этих гадов сомнем в один момент с такой песней!..»

И Матвейка рванулся сперва, будто в бой! Вскопил Маркельчу на плечи. И... вдруг он оглядел всех и понял, какая здесь произойдет битва. Такое он уже не раз видел по телевизору, но сейчас-то будет не на экране, по правде. Из-за него, из-за Карузы-Лаперузы!.. А тут еще один омовец – совсем близко

от Матвейки – поднял блестящее забрало (наверно, вопреки уставу) и вытер ладонью лицо. И Матвейка увидел, что лицо это совсем не свирепое, а обыкновенное, даже домашнее такое, и усталое...

Матвейка прыгнул с плеч Маркелыча, расшибся о булыжную мостовую и, хромая, побежал прочь. Глотал слезы...

Потом он мучился несколько дней (и ребятам ничего не говорил, и Вахтёркину). И наконец пошел в Клуб судостроителей, где в одной комнатке был штаб Союза капитанов. Там он увидел того капитана первого ранга, который вручал ему медаль. И медаль эту Матвейка положил перед капитаном на стол... ну, и расплакался тут же.

Не сразу моряк понял, в чем дело. Но понял наконец из Матвейкиного покаянного рассказа, перемешанного со всхлипываниями. Ведь Матвейка считал, что предал моряков-ветеранов, раз не выполнил просьбу Маркелыча и сбежал с площади.

Капитан долго успокаивал и уговаривал Матвейку. Объяснял, что поступил тот совершенно правильно. Не хватало еще, чтобы юнги Российского флота (а раз Матвейка с медалью, значит он, без сомненья, юнга) помогали разжигать в стране гражданскую войну! Флот нужен не для этого! Вот если на нас нападут иностранные враги, тогда Матвейка станет воевать без всякой боязни. И песнями своими, и, если надо будет, то и оружием. Разве не так?

Матвейка похлопал носом, подумал и... кивнул. Наверно, мол, так.

«Вот видишь», – сказал капитан первого ранга. И добавил про Маркелыча, что «у этого деятеля с его коммунистическими идеями на старости лет совсем расчихлило люки и надо ему прочистить мозги». «А медаль надень, – велел капитан. – Или лучше так... Надевай ее по праздникам, а на каждый день – вот это. Я специально припас для тебя...» – Он достал из стола и протянул на ладони ленточку-колодку. – Давай прицелю. Смотри, она как раз для твоего обмундирования...»

Матвейка был в своей обычной, будто сшитой из сине-белой тельняшки одежонке. Ленточка – словно кусочек этой же тельняшки, только полоски не поперечные, а вертикальные. Матвейка хлюпнул носом последний раз, вытер глаза и улыбнулся. В самом деле, носить медаль постоянно неловко – будто хвастаешься. А ленточка скромная такая, почти незаметная, но в то же время все равно как награда...

И счастливый Каруза-Лаперуза побежал к друзьям, чтобы с ними идти под мостик в овражке, придумывать там окончание сказки про Тимми, зеркало и паровозик...

– А какое окончание-то? – смущенно спросил Вовка, словно он только что был Матвейкой и пережил все его страхи и слезы.

– Конечно, после многих приключений Тимми и Юкошка отыскивали последний осколок волшебного зеркала. И отыскивали не в пещерах среди всяких подземных чудовищ и глубинных водопадов, а рядом с узкоколейкой. Тимми прыгнул с рельса и по-

резал босую ногу каким-то стеклом. Юкошка тут же залечил ему порез целебной мазью, которую всегда носил с собой, а стекло стал разглядывать и вдруг сказал:

«Это он, я чувствую...»

И Тимми почувствовал то же самое. Ведь Василий Васильевич не зря учил его распознавать всякие чудесные вещи...

– И зеркало после этого сделалось целое?

– Да... Но, чтобы оно стало действовать со всей силой, нужно было еще отполировать его специальным волшебным порошком, сгладить все склейки. Это был большой труд, он требовал много времени и больших усилий. И специального умения... Василий Васильевич снова набрал целый класс мальчишек и начал учить их колдовскому шлифовальному мастерству. И Тимми с Юкошкой стали там, разумеется первыми учениками.

– И Тимми опять скучал? – тихо спросил Вовка.

– Вовсе нет! – бодро воскликнул я. – Теперь школа располагалась в городе Хрустальные Шишки, прямо в центре, и все ребята после уроков бежали по домам... Тимми часто провожал Юкошку к нему домой, и там они играли в полных самоцветами пещерах или катались на паровозике, который гномы наконец сумели построить...

– Ты говорил, что они еще раньше его построили, – недовольно напомнил Вовка.

– А... да! Но сначала он постоянно ломался, прямо посреди пути, его приходилось толкать к пещере толпой. А когда нашелся осколок, паровозик сделался как новенький, еще красивее, чем прежде. И больше не сломался ни разу. И двинулся благодаря волшебной энергии...

– И это конец сказки?

– Да. Но не конец моей истории. Не совсем конец... Когда Брис закончил рассказывать и объявил, что продолжения не будет, пока не отшлифуют зеркало (а это еще неизвестно через сколько лет), Инка достала карманное зеркальце и сказала:

«Пусть это будет словно тот самый осколок. На минутку. Давайте поглядим в него: что мы там увидим?»

Она поглядела первая и ойкнула. Потому что увидела паровозик. Он отбрасывал передней частью круглой топки солнечный блеск и широко двигал шатуном.

И все увидели это. Но почти сразу поняли, что это не паровозик, а мальчишка. Он двигался по узкоколейке и прорубался сквозь репейники деревянным мечом. А может, и не прорубался, а просто махал им... А еще у него был щит, сделанный, скорее всего, из крышки оцинкованного бачка. Эта круглая крышка была похожа на переднюю часть паровозика. Мальчик был постарше Матвейки и Ташки и помладше Инки, Бриса и Баллона.

«Эй!.. – окликнула мальчишка решительная Ташка. Тот остановился и поднял голову. Лицо у него было славное и, вроде бы, не испуганное.

«Ты кто? Ты рыцарь или паровозик?» – спросил

Матвейка, и это получилось не сипловато, как всегда, а звонко и весело.

Мальчик не удивился вопросу.

«Я сперва играл в Спартака, а потом увидел рельсы и превратился в паровозик», – негромко, но отчетливо сказал он снизу. Запрокинув лицо, он смотрел на незнакомых ребят.

«Интересно, какими мы ему видимся оттуда? – подумала Инка. – Главным образом подошвы. А лиц, наверно, он и не разглядит как надо...»

Но мальчик, видимо, разглядел. Как надо. Потому что вдруг растянул в улыбке губы и засунул меч за широкий ремень, надетый поверх зеленых трусиков с желтыми лампасами.

«Иди к нам», – сказал Брис.

«Ага, я иду...» – И мальчик стал забираться по тропинке на склоне овражка.

«Спорить могу, что его зовут каким-нибудь модным навороченным именем», – сказал ворчливый Баллон. – Какой-нибудь Бенджамин или Крутислав...»

«Баллон, я тебя убью.»

«Вот увидишь...»

«Давай спорить. Если нормальное имя, ты отдашь мне одного пластмассового гномика», – предложила Ташка.

«Да я и так отдам, хоть всех...»

«Так не интересно», – вздохнула Ташка.

Мальчик подошел, встал за спинами у сидящих. Матвейка и Ташка раздвинулись.

«Садись», – сказала Ташка.

«Ага, я сяду...»

Он повозился, вытаскивая меч из-за пояса. Положил его рядом, а звякнувший щит – у себя за спиной.

«Осторожнее, не сыграй вниз», – сказал Брис.

«Ага, я не сыграю...»

«Хочешь яблоко?» – спросила Инка.

Он мигнул чуть удивленно, поглядел на нее из-за Матвейки. «Ага, я хочу...» – подумалось всем.

«Я... да, спасибо», – полупшепотом сказал мальчик.

Инка передала ему желтое, гладкое, как солнышко, яблоко.

«Спасибо... – тем же полупшепотом снова сказал мальчик. Поднес было яблоко к губам, но кусать не стал, раздумал. Постучал им о коленку. Потом взял яблоко на ладонь, погладил мизинцем.

«Как тебя зовут, паровозик?» – спросил Брис.

Мальчик, нагнувшись, посмотрел направо, налево. На каждого. Опять погладил яблоко. И сказал очень серьезно:

«Меня зовут Вовка».

Все стали смотреть на Баллона.

«Ну и что? – не растерялся Баллон. – Тоже не плохо...»

– Вот теперь все, – сказал я. – Конец моей истории...

С минуту мы шагали молча. Потом Вовка заметил с одобрением:

– Ты этот конец как по книжке прочитал.

– Потому что это финал. Я его запомнил почти наизусть.

– А всю историю? Не запомнил наизусть?

– Нет, конечно!.. Да и зачем?

Вовка пнул валявшийся на асфальтовой дорожке огрызок огурца (наверно, тот был горький).

– Вань, а «Вовку» ты придумал только сейчас. Ради меня. Да?

– Еще чего! Просто совпадение! Это же самое обычное имя! – заспорил я. Кажется, излишне горячо, потому что на самом деле мальчика звали Стасик. Стас... Что поделаешь, не таким, как хотелось бы, стал мальчик-паровозик, когда вырос...

Улица Лесорубов изогнулась и вывела нас опять к заросшему логу. На той стороне лога торчал кривой телеграфный столб – с роликами на двух перекладинах, но без проводов. На верхней перекладине сидела растрепанная ворона. Вовка вытащил монокуляр и посмотрел на ворону. И вдруг сказал:

– В твоём рассказе есть одна неточность...

– Подумаешь! – откликнулся я слегка уязвлен-

но. – Там не одна, а тысяча неточностей. Потому что выдумка...

– Я не про выдумку, а про Венеру. Ты сказал, что, когда глядели в секстан, Венера была на верхнем крае Солнца. А сейчас, когда мы наблюдали, она была на нижнем...

– А вот здесь ваша придирика, сударь, необоснованна, – заявил я голосом Лидии. – Вы не учли одно обстоятельство.

– Какое?

– В секстане астрономическая трубка. Она дает перевернутое изображение, как в телескопе.

– А зачем?

– Не зачем, а просто такой эффект оптического прибора. В биноклях и подзорных трубах есть специальная система обращения, а в телескопах она ни к чему. Для астрономических расчетов неважно, что светило или созвездие находится в поле зрения вверх тормашками...

– Во как... – слегка растерянно сказал Вовка и почесал монокуляром затылок. Снова посмотрел на ворону, и мы пошли тропинкой по берегу лога. Вовка начал насвистывать, и я вдруг угадал в этом свисте песню про гитариста Васю Опарышева:

И в каком же бою это, барышня,
Потеряли вы руки свои?..

Мне это не понравилось, тревожно стало. Но Вовка оборвал свист и глянул на меня через монокуляр, повернутый задом наперед. Я сразу представил, каким крохотным он меня видит. И рассматривая меня таким образом, Вовка спросил:

– Вань, а никак нельзя раздобыть тот журнал, в котором ты написал свою повесть?

– Ты что! Я же сказал: бросил в кочегарку...

Вовка непонятно хихикнул:

– Я где-то слышал, что рукописи не горят...

– Эрудированный мальчик... Видел бы ты, как она горела!

Вовка снова затолкал монокуляр в карман у колена и подтянул штаны, потому что они съехали от тяжести.

– А та дискета... Ты с нее точно стер запись?

– Ну, конечно же! – Я скрутил в себе непонятное раздражение. – Стер, а потом записал туда текст реферата профессора Боулинга «Аномалии гравитационного поля в сфере двойных звезд»... Кстати, абсолютно дурацкий реферат. И к тому же меня все эти темы очень скоро перестали интересовать... Надо бы давно очистить все дискеты, от этой мурсы, да руки не доходят...

– Зря, – сказал Вовка.

– Да... Ну, как-нибудь займусь.

– Я не про очистку, – сказал Вовка и снова подернул штаны. – Зря стер свою историю.

– Я же не нарочно... А теперь понимаю, что все правильно получилось. Перст судьбы. А то взялся бы перечитывать и опять вообразил бы себя Гайдаром или Брэдбери...

– Ну ладно... А то я подумал...

– Что? – спросил я с непонятной для самого меня подозрительностью.

– Я подумал... Только ты не злись... Подумал, что ты, когда смотрел на Венеру, загадал: пускай, мол, отыщется эта повесть...

– Боже мой, да как она отыщется?! Нету ее в природе!

– Я же просил: не злись...

– Я не злюсь, но...

– А тогда что ты загадал? – перебил Вовка. И глянул то ли с лукавинкой, то ли с беспокойством. – Можешь сказать?

– Не могу.

Я в самом деле не мог. И неловко было, и почему-то казалось, что Вовка может не одобрить меня. И сидело в душе суеверное опасение, что, если расскажу про загаданное желание, оно не сбудется.

– Ну и не надо... – Вовка надул губы.

– Вов, я правда не могу... Это же нельзя. Можно сглазить.

– Подумаешь... Сам говорил, что Матвейка и Ташка не боялись признаться друг другу...

– Это они по малолетней наивности. А если серьезно, то не полагается... Да ты и сам догадаешься, если желание сбудется.

Он как-то поскуцнел, зевнул и сказал пренебрежительно:

– А я уже догадался: ты пожелал, чтобы все твои дела с Махневским кончились благополучно.

Я хотел возмутиться, но побоялся новых распросов и небрежно согласился:

– Считай, что так...

Мне вдруг показалось, что Вовка поверил. По крайней мере, с минуту он шагал с обиженным видом. Возможно думал: «Зачем загадывать такое, когда я и без того обещал тебе, что все будет хорошо?» Он опять принялся насвистывать, но не прежнюю мелодию, а «Севастопольский вальс». Я уже хотел начать объяснения: ты, мол, неправильно меня понял. Но он оборвал свист и другим уже тоном, озорно так заявил:

– А я про свое желание сказать не боюсь! Потому что оно уже сбылось!

– Как сбылось? – Я почему-то снова испугался

– А вот так!.. Я загадал, чтобы бабочки в моем альбоме ожили и улетели!

– Куда? – совершенно глупо спросил я.

– «Куда», «куда»! Туда, конечно! На те поля!

Он сказал об этом просто, а меня тут же снова жгла тоскливая напряженность. Но Вовка ее не ощутил. Или не захотел ощутить.

– Не веришь? Смотри! Тут пусто! – Вовка выдернул из-под футболки альбом, распахнул его. Чистые листы ударили по глазам резкой белизной... Возможно, Вовка не врал – бабочки ожили и улетели в иные пространства. А возможно, и врал – просто ловко раскрыл альбом на последних, незарисованных страницах. Но зачем? Я не успел ни приглядеться, ни сказать «а ну, полистай». Вовка

скрутил тонкий альбом жгутом и кинул в лог, в чашу из крапивы и кленовой поросли. И радостно подпрыгнул.

– Теперь он ни к чему!

Вовкино веселье мне показалось ненастоящим. И тревога не ушла. Но Вовка живо ухватил меня за руку.

– Поехали скорее домой! Так есть хочется! Тетя Лидия говорила, что в холодильнике опять есть окрошка. И голубцы!

Сама «тетя Лидия» сегодня приходит на обед не собиралась: «У меня клиентов невпроворот». Видимо, поэтому даже не позвонила ни разу.

Мы вышли на Верхотурскую улицу, где была остановка автобуса, сели на разболтанную «семерку» и доехали почти до нашего дома. По дороге молчали. Вовка опять сделался насупленным и о чем-то думал, сидя у дребезжащего окна. Ладонью протирал запотевшее стекло. И вдруг поднес ладонь-лодочку к уху, насупился еще сильнее, вполголоса сказал:

– Ладно...

Я не решился ни о чем спросить.

Едва мы вышли из автобуса, Вовка тихо, но решительно сказал:

– Ваня, ты иди домой, а я – по делам. Приду вечером.

Все во мне опять заныло от беспокойства, но я знал уже: ни спорить, ни расспрашивать нельзя. Сказал только:

– Ты же голодный...

Вовка беспечно повернул бейсболку назад козырьком.

– Ни фига. Ангелы от голода не помирают...

Уже не первый раз сегодня Вовка напомнил мне, кто он. С какой-то целью?

Он рванул с места и побежал, не оглядываясь. Я смотрел ему вслед, пока красные кепка и футболка не исчезли за поворотом.

Дома я маялся, не зная, как убить время. Делать было абсолютно нечего. Съел окрошку и голубцы, выпил остатки коньяка из найденной за холодильником фляжки, залез в интернет и долго шарил по сайтам с новостями. Новости были даже и не новости, а все одно и то же...

Вдруг заиграл Моцарта мобильник. «Конечно, Лидия...» Но это был Вовка. И сказал он то, чего я ну никак не ждал:

– Ваня, я вот что вспомнил. Ведь как раз сейчас Матвейка мучается из-за отобранного секстана. Ты постарайся, чтобы ребята его хоть немного успокоили...

– Вовка, да ты что! Ну... это же все такое... вымышленные события...

– Эх, если бы все так просто... – умудренно отозвался он в эфире.

– Вовка, а ты где? Ты когда придешь? Ты... это...

– Я, может, сильно задержусь. Зато потом все

будет хорошо. А ты сделай, что я сказал... – И запищало в трубке.

А что я мог сделать? Я плюхнулся на тахту и... мне приснилось, как две девочки – Инка и Ташка – утешают заревавшего Карузу-Лаперузу и он всхлипывает все тише, тише... А потом я увидел, как мы всей компанией катаемся верхом на серебряном паровозике, и Вовка с нами. И я счастлив, потому что знаю: он будет с нами всегда. В руках у Вовки осколок волшебного зеркала. Вовка пускает им солнечных зайчиков, и они превращаются в радужных бабочек...

Разбудила меня Лидия, когда вернулась из своего салона. Было уже около восьми часов.

– Я смотрю, ты с пользой проводишь время...

– Знать бы, где она, польза, – буркнул я.

– А где наш Вольдемар? – небрежно осведомилась она.

– Знать бы, где он, наш Вольдемар... Изволил проинформировать, что вернется поздно.

– И ты по этой причине пребываешь в депрессии.

– Я пребываю в ней по многим причинам, – прежним тоном огрызнулся я, хотя депрессии не было. Сон удивительным образом согрел меня.

– Никуда это сокровище не денется, – успокоила меня Лидия. – По крайней мере, сегодня... А ты иди помой посуду, это стабилизирует нервную систему.

– Особенно, когда грохну пару тарелок.

– Ну, грохни, если это тебя утешит.

Я грохнул одну и утешился наполовину...

3

А «сокровище» и в самом деле куда не делось. И даже не очень задержалось. Появился Вовка в начале десятого, за окнами еще светило солнце. Он был веселый и голодный.

– Тетя Лидия, в животе пусто с утра! Можно три корочки хлеба, как несчастному Буратине?

– Ни одной корочки, пока «Буратина» не умоется.

– Ой, сейчас, сейчас!

Он съел, что осталось от обеда, а потом приготовленные на ужин сосиски и творожную запеканку. Жевал и хитровато поглядывал на меня через плечо. «Синими брызгами». Наверно, ждал, что я начну расспрашивать о делах. Но я не расспрашивал, потому что видел: с делами и так неплохо. А детали меня сейчас не волновали, главное, что Вовка был – вот он...

После ужина Вовка бодро спросил, не найдется ли у меня кассета с каким-нибудь «душезамирательным» фильмом, потому что «Буратина» ему слегка надоел.

– Вон кассеты, на верхней полке, посмотри сам.

Вовка приволок из кухни табурет, встал на него перед стеллажом своими красными носками, по-

тянулся... и первым делом грохнул с высоты картонную коробку из-под обуви. В ней я хранил старые дискеты. Они разлетелись по полу черным листопадом.

– Растяпа...

– Ага, – с удовольствием сказал он.

Мы собрали дискеты под взглядом возникшей в дверях Лидии. Вовка засунул коробку на место и снял с полки кассету. На коробке красавец мушкетерского вида в правой руке держал обнаженную шпагу, а левой прижимал к себе кружевную красавицу с буклями.

– «Тайны замка Сент-Ив»... Ух ты!

Бдительная Лидия тут же выхватила к него кассету.

– Еще чего! Это не для детей, которые «до шестнадцати».

– Подумаешь! Я всякие такие смотрел, тыщу раз!.. Ну, тетя Лидия!

– Потому что меня там не было.

Вовка вытянул шею к кассете:

– Да чего там такого-то?.. Постельные сцены, что ли?

Я фыркнул.

Лидия проигнорировала этот непедагогичный звук, а Вовке назидательно сообщила:

– У кого-то от частого смотрения «Буратины» стал слишком длинный и любопытный нос.

Похоже, что Вовка обиделся. По крайней мере, надул и без того толстые губы. Сел на табурете потурецки и отвернулся.

Чтобы разрядить обстановку, я бодро сказал:

– Есть хороший способ укорачивать носы. Только надо быть осторожным, чтобы не случилось, как однажды с Буратино.

Вовка быстро спустил ноги.

– А что с ним случилось? – Видимо, все, что имело отношение к деревянному сорванцу, вызывало у Вовки повышенный интерес.

– Такая история... Помню еще со школьных лет... Надоело Буратино ходить с длинным носом – везде цепляется и втыкается. И девчонки дразнятся. Пошел Буратино на берег пруда, к черепахе Тортиле. «Тетушка Тортила, посоветуй, как быть, а то папа Карло отрезал уже много раз, а он, проклятый, опять вырастает.» «Дело нехитрое, – говорит Тортила. – Ступай, мой мальчик, на Кашеево болото, там живет Царевна-лягушка. Из русской народной сказки. Скажи ей: «Лягушка, лягушка, выходи за меня замуж». Она ответит «нет», и нос у тебя сразу станет короче. Навсегда...

– А если она ответит «да»? – вмешалась Лидия.

– Буратино так же спросил. А Тортила: «Не бойся, не ответит. Зачем ей деревянный хулиган, она Иван-царевича ждет...» Ну, добрался Буратино до Кашеева болота, увидел там на кочке лягушку с маленькой короной на голове, запырил от радости. «Лягушка, лягушка, выходи за меня замуж!» А она в ответ, конечно: «Нет!» Глядь, у Буратино нос в два раза короче! Обрадовался он, поскакал обрат-

но... Однако, день проходит, другой, а девчонки в школе по-прежнему его дразнят. Хоть и уменьшился нос, а все равно длинный... Пошел Буратино снова к пруду: «Тетя Тортила, а можно еще раз?» – «Валляй», – говорит она. Тот опять к Лягушке-царевне: «Выходи за меня!» – «Нет!» Потрогал Буратино свой нос – он еще короче стал. «Ура!..» Но сперва «ура», а потом опять «не ура». Все-таки остался нос длинноватым. Даже еще хуже стало: и не буратиний, и не человеческий. «Ну, попробую третий раз», – решил Буратино. Добежал опять до Кашеева болота. «Эй, лягушатино! Будь моей женой!» А она: «Я же тебе сказала: нет, нет и нет!»...

Лидия помигала, потом расхохоталась:

– И что же? Остался совсем без носа? Бедняга! Вовка, однако, не улыбнулся.

– Подумаешь. Это старый анекдот. И... он эротический. Потому что не про Буратино и даже не про нос, а... Ну, тетя Лидия, я же ничего не сказал!

Голосом старой гувернантки, Лидия сообщила: – Вольдемар, ты распустился сверх меры. Я высеку.

– Гы... – неуверенно сказал Вовка.

– Не «гы», а всерьез. По всем правилам.

– Ну, чево-о... – Тонем своим Вовка дал понять, что шутка неудачная и даже непристойная.

Голос Лидии обрел стальное звучание:

– Никаких «чего». За тобой столько всего, что дальше некуда. Ходишь замызганный, зубы сегодня не чистил, Анне Афанасьевне вчера нагрубил...

– Она первая!

– ...Шастаешь целыми днями неведомо где. А теперь этот непристойный анекдот.

– Но ведь не я же рассказал, а Иван! – бессовестно укрылся за меня мой ангел-хранитель. – Я только маленько... уточнил.

– Сейчас уточним «не маленько», – непреклонно пообещала Лидия.

– Скажете тоже... – в голосе Вовки была уже явная опаска. – Так нельзя... особенно таких, как я.

– «Таких» ты для Ивана. А для меня ты нашкандивший мальчишка, которого необходимо воспитывать решительно... Иван, открой окно и дотянись до клена, там подходящие прутья...

– Ну, Лидия... – сказал я.

– Что «Лидия»?.. Хорошо, я не хотела быть ябедой, но теперь скажу. Ты обратил внимание, чем пахло от этой прелести, когда он пришел?

– Чем? – испугался я. А Вовка опять подтянул ноги.

– Си. Га. Ре. Та. Ми! – каждый слог Лидия сопровождала взмахом указательного пальца, словно уже отмеряла несчастному Вовке заслуженную порцию.

Я почувствовал себя так, словно меня самого поймали на «табачном грехе».

– Вовка, ты чего? Правда, что ли?

– Неправда! Табаком пахло, потому что мы с Егором долго разговаривали в туалете у «дешевых!» Там накурено!..

– Врать вы не умеете, сударь, – прежним гувернантским тоном уличила его Лидия. – Туалеты в таких офисах пахнут не табаком, а дезодорантами... Иван, делай, что я сказала. – Она скрестила руки и встала над Вовкой во весь рост. – Ну-ка, снимай свои панталоны.

– Ну, чево-о! – Кажется, посланец небес перепугался всерьез.

Лидия наконец рассмеялась:

– Дурень. Снимай, тебе говорят. И рубашку заодно, и майку. Смотри, как устряпал их, сплошь пятна! Теперь придется полпачки порошка потратить.

Вовка радостно задрыгал ногами, выбрался из бриджей, стянул футболку и легонькую майку-безрукавку, превратив свою голову в соломенную швабру. Сгреб и протянул одежду Лидии.

– И носки снимай, чучело... Иван, ты не мог, что ли, купить несколько пар?

– Не сообразил. Завтра куплю... Вовка, надень мой халат.

– Да ну его, в нем жарко.

– Все равно облачись. А то при особе женского пола...

– Не видала особа вас таких, – высказалась массажист Лидия. – Вольдемар, иди в ванную, напусти в большой таз воды.

– Есть! – Вовка поддернул трусики и, растопырив локти, замаршировал к двери. Костлявый, слегка порозовевший от первого загара (а ноги до колен и руки до локтей уже потемневшие).

– Сколиоз у ребенка, – определила Лидия, глядя ему в спину. – Не очень явный, но имеет место... Подожди, а это что?

– Что? – Вовка боязливо свел лопатки.

– Вот это... – Она подошла. У Вовки на левой лопатке виднелась маленькая красная опухоль.

– Ерунда это... – бормотнул он.

– Не ерунда, а... кажется крепкая заноза. И уже воспалилась...

Я тоже пригляделся.

– Вов, ты, наверно, занозил, когда чесался о балку. Я говорил...

– То-то я заметила дырку на футболке!..

Вовка сделал движение улизнуть из комнаты.

– Стоять!.. Иван, принеси из спальни мою аптечку.

– Ну вот, опять аптечку! – заголосоил Вовка. – Ничего же там нету! Царапинка!

– Цыц! – велела Лидия.

Когда я вернулся с никелированной коробочкой, Вовка уже лежал животом на тахте и обреченно смотрел в пространство. Потом с тоской воззрился на маленький пинцет в пальцах у Лидии.

– Тихо... – Лидия пинцетом выдернула из опухоли «щепку» в сантиметр длиной.

– Ай!

– Не ври... – И Лидия решительно впечатала в тощую Вовкину лопатку пропитанный йодом тампон.

– Уау! Ы-ы-ы-ы!..

– Терпи. Считай, что это за курение... – Лидия величественно удалилась в спальню.

Вовка, не вставая, часто дышал сквозь зубы. Я сел рядом.

– Ты дурачишься или правда больно?

– Конечно, правда! Разве сам не пробовал, как это? – плаксиво огрызнулся он.

– Я думал, ангелы боли не чувствуют, – сказал я, хотя помнил, как он шипел в кладбищенской крапиве. – Ну, или... не сильно чувствуют...

– Что мы, не люди, что ли? – пробурчал он. Я озадаченно промолчал.

Лидия возникла опять, с куском белой марли на ладони. Проворчала уже без всякой суровости:

– До чего все мальчишки плаксивые... Ну-ка дай, утешу тебя... – И приложила марлю к пятну йода на лопатке. Вовка притих, будто прислушиваясь. Потом запыхтел с облегчением.

На столе у компьютера мелодично заквакал телефон.

– Иди в прихожую, к другому аппарату, – распорядилась Лидия. Она всегда подчеркивала, что не желает слушать мои телефонные разговоры. «Пускай там звонят хоть какие светские львицы!»

Звонила, конечно, не львица, звонил Семейкин.

– Иван Анатольевич, к сожалению, не могу вас ничем обрадовать. Разве тем, что сегодня перечислил вам обратно половину гонорара...

– Что так? – постным голосом откликнулся я.

– К сожалению, мое вмешательство не имеет смысла. Во всех этих делах у компании «Дешевые рынки» безупречная юридическая база, комар носу не подточит... Впрочем, Станислав Юрьевич упомянул, что они, кажется, сократили размер иска...

– Да, это было.

– Ну вот... А помещение и оборудование, конечно, уже не вернуть...

«Ну и хрен с ним», – подумал я, хотя было обидно.

– Что поделаешь... Все равно спасибо за старания, Илья Рудольфович.

– Не за что, – сказал Илья Рудольфович Семейкин.

Я прошел обратно, к Лидии и Вовке, чтобы поделиться последним известием. И... встал у приоткрытой двери.

Вовка уже не лежал на тахте. Он и Лидия стояли у окна, спиной к двери. Лидия обняла Вовку за торчащее плечо и легонько прижимала к себе, а он касался щекой ее плеча. И тихонько смеялся. Лидия что-то показывала ему за окном. Возможно, там неуклюжий кот Елисей опять пробирался по веткам к ненаглядной Нюорчке.

Я отступил и неслышно прикрыл дверь.

Лидия в конце концов дала Вовке кассету с «Тайнами замка Сент-Ив». Только потребовала с него обещание, что когда на экране будет «что-нибудь

такое», он станет закрывать глаза. Ну, смех, честное слово! Впрочем, Вовка дал такое обещание и, кажется, честно.

Однако ставить фильм Вовка не спешил. Когда я заглянул в свою комнату перед тем, как улечься с Лидией, Вовка лежал, завернувшись в халат, и смотрел в потолок.

– Все нормально, Иван, – сказал он утомленно.

Я присел на край тахты.

– Адвокат пообещал, что вернет половину гонорара...

– Я знаю.

– Вов, а что теперь делать с этими деньгами?

– Что хочешь, – зевнул Вовка. – Они твои...

– Да какие же они мои! – Я не испытал никакой радости, наоборот, было неприятно.

– Твои, – повторил Вовка. – Или... ты подели их на четыре части, на всех. Будет это... «покрытие выткотов».

– Ну, если так...

– Ага, именно так! – Вовка повеселел. – Иван, можно я пошарю по интернету? Посмотрю, что делается на планете...

– Шарь на здоровье... А кино?

– Да ну его! Я вспомнил этот фильм. Там шпак и приключений мало, а всякой ерунды полным полно... Иван, я, может, долго буду сидеть, ты не беспокойся. Я могу не спать хоть сколько.

«Верю», – вздохнул я про себя.

– Сиди, Вовка... Спокойной ночи.

Спал я паршиво. Точнее говоря, до четырех часов утра совсем не спал. Медленно перемешивалась в голове каша из воспоминаний, тревог и непонятности: а что будет потом? Вязко ворочалась она, утомительно и без четких мыслей. А еще мне казалось, что Вовка так и не лег, сидит у компьютера, ищет в интернете неизвестно чего... И не то чтобы я испытывал сильное беспокойство. Скорее это было ощущение, понимание Вовкиного одиночества. Но пойти к нему я не решался... Я старался лежать неподвижно, почти не дышал, но Лидия несколько раз просыпалась и спрашивала, почему я «верчусь, как голый поросенок в крапиве»...

Под утро я не выдержал, встал, на цыпочках подошел к своей комнате. Света – ни от лампы, ни от монитора – в дверной щели не брезжило. Значит, Вовка все-таки лег.

Тогда я наконец уснул. И проснулся, когда Лидии уже не было – ушла на работу.

Я заглянул к Вовке. Вовка спал, отвернувшись к стене. Лидия с вечера приготовила ему постель, но он лежал поверх одеяла, завернувшись в мой халат. Торчали голые пятки. Компьютер и телевизор были выключены.

На кухне я нашел вместо завтрака записку, что сегодня мы с Вовкой должны заняться самообслуживанием.

Нам надлежало купить десяток яиц и полкило колбасы, сделать глазунью и бутерброды, вскипятить чай, а потом навести на кухне порядок.

– Домострой навыворот, – сказал я. Вовку решил не будить, глотнул холодного кофе и быстро смотался в ближний «Гастроном».

Когда я вернулся, Вовка был уже на ногах. Вернее, на... в общем, на стуле перед компьютером. Умытый и в чистой отглаженной одежде (Лидия вчера постаралась). Он крунулся ко мне лицом, ухватился за подлокотники, растопырил ноги в красных носочках и в такой дурашливой позе молчал несколько секунд. И смотрел совсем не дурашливо. Испуганно и с напряжением.

Я сразу сказал:

– Что случилось?

Вовка обмяк, съезил плечи, уронил ноги и уткнулся в грудь подбородком.

– Сейчас ты будешь меня ругать...

– Вовка, что случилось!?

– Ты ругай, но только не изо всех сил, ладно?

– Компьютер, что ли, сжег? Ну и фиг с ним, – бодро сказал я (хотя было, конечно, не «фиг»).

– Ничего я не сжег...

– Ну, тогда что о?! – взвыл я со смесью досады и ужаса.

– А бить не будешь?

«Издевается, паразит!»

– Сейчас начну, если ты немедленно не...

Вовка поставил пятки на сиденье, обшарпанные колени выскочили из-под штанин, и он уткнулся в них подбородком. Глянул на меня исподлобья синими горизонтальными щелками.

– Я отправил твою повесть в издательство.

Я сел на тахту. Я поверил моментально. Повесть не существовала, и отправить ее было невозможно, однако я вмиг понял – это так. Солнце сквозь ветки клена горячо било в комнату, и Вовкины волосы вспыхивали, как нимб. Будто напоминали, кто он на самом деле. Золотистые пылинки дрожали в лучах, словно искры, разлетевшиеся от этого нимба.

Да, я все осознал сразу. И все же деревянным голосом сказал:

– Какую повесть?

Вовка посопел в колени:

– Ту самую. Про Карузу...

– Врешь, – машинально сказал я.

Вовка, не меняя позы, повернул себя к компьютеру, нажал пуск. Почти сразу (гораздо быстрее, чем обычно) засветился экран. И тут же – нужный файл. Печатная страница. Я издали не мог прочитать мелкие строчки, но четко видел заголовок: «Паровозик и волшебное зеркало»...

– Ну и... как ты это сумел? – беспомощно спросил я. В голове была звонкая пустота.

– Чего уметь-то... – пробурчал он, не оборачиваясь. – Просмотрел старые дискеты, которые в коробке. Нашел ту, что надо... На которой раньше...

– Там все стерто.

– Никогда не бывает стерто *все*, – огрызнулся Вовка. – Вроде ты с магнитными полями дело имел, а не знаешь. Всегда остаются следы и можно прочитать... если умеешь...

– Как? – тем же деревянным голосом сказал я.

Вовка снова крутнулся лицом в мою сторону. На ладони его лежал черный квадратик дискеты.

– А вот так... – в Вовкином голосе были виноватость и легкий вызов. Другой ладонью он повел над дискетой. Строчки на компьютере дрогнули и сделались крупнее. Я машинально прочитал первую:

«Недалеко от нашего дома был заросший овражек, а в нем...»

Не осталось никаких сомнений.

Я не знал, радоваться или горевать... Хотя чему тут радоваться?! С нарастающей паникой я выпалил вопрос за вопросом:

– Кому ты отправил? Когда? В какое издательство? Как?

– По e-мэйлу, чего такого-то... – пробубнил Вовка и стал чесать кромкой дискеты переносицу. – Нашел в Интернете адрес издательства «Птицелёт», фамилию директора, который тебе звонил...

– И что? – со стоном спросил я.

– Ну и... вот...

Текст «Паровозика и волшебного зеркала» исчез, вместо него появились на экране очень крупные строчки – я их, не вставая с места, прочитал без труда:

«Директору издательства «Птицелёт»

г-ну Бакову Г.Г.

Уважаемый Григорий Григорьевич!

Весной вы звонили мне с вопросом, не могу ли я предоставить Вашему издательству какой-либо материал для новой книжной серии. В тот момент я не располагал таким материалом. А недавно я закончил работу над повестью о современных детях и предлагаю ее Вашему вниманию.

С уважением

Тимохин Иван Анатольевич.»

Мне показалось, будто меня в голом виде вывели на рынок. О, ужас... Но тут же я собрал в комок нервы и одернул себя. Ведь пока еще утро. Едва ли в издательстве успели посмотреть нынешнюю электронную почту. А если и посмотрели, то все равно – не кинутся же немедленно читать мое бездарное творение!

Слегка отдышавшись, я вплеп в свой голос ехидную нотку:

– Любопытно, где это ты научился такому казенному стилю? Документ по всем правилам...

Вовка не остался в долгу:

– Полазишь по вашим деловым файлам – чему только не научишься...

Да, он прав, конечно. И... он же так защищал меня, столько сил положил (про все небось я и не знаю). И с этой несчастной повестью (ха, «повестью!») он ведь тоже хотел как лучше...

– Ладно, Вовка, замнем это дело. Слава Богу,

время еще есть. Сейчас позвоню им, что случилась ошибка, что не хотел я. Пусть сотрут текст.

Вовка не шевельнулся, только сказал тихо и ровно:

– Не смей.

– То есть... это как «не смей»?

– Никак не смей, – повторил он тем же тоном. И синие смотровые щели засветились из-за поднятых колен.

– Это... как же понимать? – Я сделал попытку придать разговору шуточный оттенок. – Есть, между прочим, такая юридическая норма: авторское право.

– Нет у тебя такого права, – сумрачно и непреклонно заявил он. И не отвел глаз.

– Это... как же понимать? – снова сказал я. Получилось до ужаса глупо.

– А вот так. Потому что тогда ты будешь предатель.

Он выдал мне это и рывком отвернулся к компьютеру. Экран погас.

Я смотрел на торчащие под красным трикотажем Вовкины лопатки. Обалдело смотрел, испуганно. Ничего не понимая.

– Вовка, да почему? Какой предатель... если я... это... Кого я предаю-то?..

– Всех! – бросил он через плечо. – Всех людей, про которых там сказано! Карузу, Брису... всех...

– Но они же... настоящие... придуманная история. Ты же знаешь...

Я бормотал это и чувствовал что говорю не то. Неубедительно.

Вовка снова развернул себя в мою сторону – на этот раз медленно, со скрипом сиденья. Опустил ноги, опять вцепился в подлокотники, нагнулся ко мне. И вновь смотрел прицельно.

– Ты врешь, – выговорил он сипловато (как Каруза-Лаперуза). – И сам знаешь, что врешь. Если ты про кого-то придумал... вот так, будто они живые... значит, они есть на самом деле... Ты мне это даже про бабочек говорил, про моих... А тут...

И Вовка заплакал. Он уронил на подлокотник руку, упал на нее лицом, и спина его затряслась.

И это было... как удар по башке! Я обомлел. Я перепугался. Я... даже не знаю что. «Вот тебе и ангел-хранитель», – прыгнула дурацкая мысль. И пропала. Потому что все сейчас было неважно – кроме его слез, кроме моей режущей жалости к мальчику Вовке Тарасову, у которого, кажется, что-то скручивалось и ломалось в душе.

Я подскочил, я сел перед ним на корточки. Трянул стул.

– Вовка... Вов... – Да Вовка же!! Ну перестань же сейчас же!.. Ну, не буду я, не буду никуда звонить! Не буду ничего стирать!

Он поднял мокрое лицо (и сырая синева в глазах).

– Честное слово?

– Ну, честное же слово же!.. Только не реви так! Вовка завозился, выдернул из штанов красный подол, вытер им под носом, потом глаза, щеки...

Чуть улыбнулся, но без всякого стыда за свои слезы, а, пожалуй, с видом скромного победителя:

– Смотри. Ты честное слово дал.

– Ну, дал, дал!

(Хотя какой позор будет! Все станут читать это и поражаться моей сентиментальной дурости!.. Но сейчас главное – Вовка. Лишь бы он опять не превратился в подбитого птенца...)

Вовка попытлел (теперь уже виновато) и объяснил:

– Если бы стер все это... тогда стер бы их всех, живых... И себя тоже...

– Ох уж, – бормотнул я.

– Да... И меня... А я, когда это читал... я всю ночь читал... я будто опять оказался там... вместе со всеми...

Новая вина, новый стыд обожгли меня.

– Вовка, и ты... выходит, ты все прочитал до конца?

– Ага... – Он опять коротко попытлел.

– Ты, значит, понял, что я наврал тебе вчера. Да? Там ведь в конце, когда мальчик-паровозик... это не Вовка, а Стас... Вовка, но это потому, что я раньше не знал тебя! А сейчас я обязательно изменю!

Качая ногами и отвернувшись к окну, он шмыгнул ноздрей и признался:

– А я уже изменил... сам. Вместо Стаса – Вовка... Ты не будешь обижаться?

– Да за что же?! Ты правильно сделал!

– Тогда хорошо... – Вовка, не глядя на меня, заулыбался снова, и улыбка была какая-то слишком задумчивая. – Тогда знаешь что? Пусть это будет как твой подарок. Мне на прощанье...

Я все еще был на корточках, а теперь сел наловицы.

– Вовка, почему? Зачем... прощание?

Он глянул, как взрослый на маленького.

– Потому что пора. Я ведь сделал все, что надо...

То есть, на что способен. А больше ничего не могу... И надо уходить, потому что все защиты истрачены...

– Ничего не истрачено! – глупо заспорил я и понял, что похож на малыша, цепляющегося за уезжающую маму. – Неправда! Еще осталось... не сколько...

– Ничего не осталось, Ваня, – грустно улыбнулся Вовка. – Посчитай...

Я (опять же с глупой беспомощностью) начал считать. Мысленно. И вмиг запутался, а Вовка эти мысли, конечно, угадал.

– А еще Аркаша, – напомнил он. – А еще самосвал, который отвернул тогда в последнюю секунду. А еще вчера, когда ты прыгал с крыши и сломал бы ногу, если бы не я...

«Вот оно что!»

– А еще дискета, – понурился Вовка. – Без моей защиты ее было не прочитать...

– Ну и не читал бы! – в сердцах выдал я. – Зря потратил последний запас!

– И ничуть не зря... Ты потом поймешь, еще спасибо скажешь...

Горечь меня полоснула, как ожог. Я толчком поднялся, шагнул к тахте, сел (упал, вернее). Вовка опять поставил пятки на стул и смотрел на меня из-за колен.

– Ваня, я правда сделал, что было можно... А где не умел, мне Егор помог. Маленько...

Горечь жгла, и я выговорил сквозь нее:

– Егор вот живет здесь и не уходит. Не бросает Стаса...

Вовка отозвался без обиды:

– Егор ушел вчера.

«Вот оно что!»

– Мы поэтому с ним вчера и подымили там... когда прощались, – шепотом выговорил Вовка. – Я не хотел, а он говорит: «Ну, давай разок. Хочу вспомнить, как раньше. А одному неохота...»

Я молчал. Печаль близкого прощания была уже сильнее, главнее всего. Раздвигая ее, как тюки мокрой ваты, я спросил:

– А там вы разве не увидите?

– Не знаю... – выдохнул Вовка. – У него там свои поля...

Я молчал. Я больше не знал, что сказать. Хотел спросить: «А когда ты уйдешь?», но не решался. Вовка понял.

Он сказал виновато:

– Все равно ведь надо... Лишние провода – лишние слезы... Да и нельзя здесь долго. Могут ведь встретиться знакомые. Узнают, шум случится, разговоры...

«Ну и пусть, – хотел сказать я, но не сказал, потому что все было бесполезно. Там свои законы... И я задал глупый вопрос:

– Вовка... а позвонить оттуда нельзя? Вот так... – и я с дурацкой улыбкой поднес уху сложенные лодочкой пальцы.

Вовка серьезно помотал головой.

– А если... – Это я уже всерьез. – Если я дам тебе мобильник?

Он мотнул головой снова:

– Нет, Вань, туда ничего нельзя унести с собой... Я тебе и трубку свою оставил на память. Ту, полувину бинокля. Вон там, на подоконнике...

«Это будет единственная память...»

И вдруг меня осенило:

– Вовка! Мы ведь даже не сфотографировались ни разу! А у меня аппарат в мобильнике... Давай сейчас, а?

«Я сделаю большой портрет, и будет казаться, что ты все еще здесь...»

– Ничего не выйдет, Ваня, – шепотом отозвался Вовка. – Такие, как я, не отражаются на фотопленке... – Он откинулся к заскрипевшей спинке, заложил руки за голову, стал смотреть в потолок. Чтобы не заплакать? «Господи, а ведь ему-то сейчас не легче, чем мне!» И я схватился за последнюю ниточку:

– Там не пленка, это цифровой аппарат! Новейшая технология! Должно получиться! Давай попробуем! Подожди, телефон в кармане, в джинсах...

Я кинулся в ванную, где чистил вчера перемазаные глиной джинсы, они остались там на крючке... Где, на каком крючке? Лидия перевесила, кто ее просил! Где телефон? Не в этом кармане, в другом... Застрял скотина...

С мобильником в ладони я бросился в комнату. Вовки не было.

Сразу же я понял, что Вовки нет вообще. Нигде. На всей планете...

Вся его одежда валялась на полу. И сандалии, и носки. А поверх алой футболки лежало белое перо. Такое же, какое Вовка уронил на пол, когда появился впервые.

Я поднял перо, зачем-то дунул, погладил. И положил его туда же, где было спрятано то, первое – в книгу «Тайны магнита» (старую, большого формата). Прислушался к себе. Тоска? М-м... нет пока. Грустновато, но...

Стыдно признаться, но я даже испытывал облегчение. По крайней мере, больше не надо томиться

беспокойством за мальчишку и в печали ждать его неизбежного ухода.

Уход случился, и... ничего другого и не могло быть. Мой ангел-хранитель пришел, защитил меня от беды и вернулся в свой неведомый мне мир... Спасибо тебе, Вовка. Никогда не забуду... Жаль только, что не успел я сделать снимок. Впрочем, ты, скорее всего, был прав: ничего бы не вышло...

Я сложил его одежду в стопку, унес в шкаф, спрятал в нижний ящик. Буду иногда наткаться на нее и вспоминать... А еще буду брать иногда Вовкин монокуляр и смотреть через фильтр на белую тарелку солнца. И, наверно, порой станет казаться, что мы с Вовкой опять сидим рядом, а на солнечном диске – черная горошина Венеры...

«Солнце, Земля и Венера, сделайте то, чего я хочу...»

«А ведь он соврал насчет бабочек, – осенило меня. – Он загадал что-то другое!» Не знаю, почему именно сейчас вспыхнула эта догадка. Но она воткнулась, как гвоздь, и с нее началась новая тревога. И... новая тоска. И сразу я понял, что не спусь от них, пока не узнаю все точно.

Выход был один. И не имело смысла отговаривать себя и тянуть время. Наоборот – чем скорее, тем лучше!..

Я выскочил из дома, свернул на широкую улицу Хохрякова и голоснул частнику.

– На Лесорубов, западный край...

– Далековато... – зевнул хозяин поцарапанной и немойтой «лады». У него была широкая небритая рожа.

– А когда близко, я хожу пешком.

– Сколько денег-то? – Он поскреб небритую щеку.

– Сколько спросишь.

– А если стольник? – ухмыльнулся он. Я дернул дверцу и плюхнулся на заднее сиденье.

– Жми!

Водитель зауважал меня и «нажал»...

Утро было солнечное и сухое, не то что накануне. Однако бурьян и лопухи у края лога все еще хранили вчерашнюю влагу и запах дождика. Я отыскал глазами кривой телеграфный столб без проводов. На нем, как вчера, сидела ворона. Я посмотрел на нее с неприязнью: показалось, что подглядывает. Ворона улетела.

Я отчетливо помнил, куда упал вчера брошенный Вовкой скомканный альбом. Так, будто все это случилось только что. Он улетел вон к тому высохшему кусту и скрылся рядом с ним в частой кленовой поросли. Там наверняка и прячется...

Нынче я был не в джинсах, а в светлых отглаженных брюках, но это ни на миг не остановило меня. Цепляясь за ветки, за репейники, за крапиву (ч-черт!), я стал спускаться. Съехал до сухого куста, вломился в него по инерции – он был хрустящий и ломкий, оцарапал щеки. Я застрял в трескущих ветках и, кажется, порвал штанину. Зато почти

рядом, среди кленовых прутьев, увидел то, что искал. Дотянулся...

Здесь же, среди ломких сучьев и липких кленовых листьев, я расправил и раскрыл альбом.

Все бабочки были на месте.

Ни одна не улетела на Вовкины поля.

Всё он мне наврал...

Зачем?

И я вдруг понял, зачем. Вернее, ощутил это как бы не своими, а его, Вовкиными, нервами.

Ничего не загадывал он про бабочек! И наплел он мне про это желание, чтобы я не догадался про другое – настоящее...

Какое?

Но я уже знал – какое. Вовка очень хотел остаться *здесь*. Навсегда. То есть на долгую человеческую жизнь, до старости. Ему не нужны были те радостные поля. Потому что он оказался на них вопреки всякой логике, раньше срока...

И он ждал вчера – это мне тоже теперь было ясно, – что я загадаю такое же в точности желание: «Солнце, Земля и Венера, сделайте, чтобы Вовка остался...»

«Вовка, но ты же понимаешь: это все равно было невозможно...» – беспомощно подумал я.

«Я понимаю... – словно откликнулся он издали. То ли со своих полей, то ли все еще летящий среди непонятных пространственных измерений, в своей длинной рубаше и с белой грудой перьев за плечами. – Я понимаю... Только я думал, что если два сильных одинаковых желания сольются в одно, тогда... может быть, оно все же сбудется... Ведь не так уж часто Венера проходит по солнечному диску...»

«Вовка, но я же не знал, что *такое* возможно... Я... Почему ты не сказал мне заранее?»

«Про это не говорят, – отозвался он из дальних далей. – Да ладно, не изводишь. Ты прав, ничего бы все равно не получилось...»

«Зато... я... я постарался, чтобы там тебе на пути попался твой дом...»

«Не попадетсЯ, Ваня. Как он может оказаться там, если он *здесь*? Я же объяснял: с собой туда ничего не унесешь...»

«Вовка, прости...»

«Да ты что! Ты же ни в чем не виноват! И я ни в чем не виноват! Все было сделано, как надо...»

«Стоп, – сказал я себе. – Не было никакого разговора. Прекрати выдумывать, шизофреник! Ты же так совсем полетишь с катушек...»

Я выбрался из лога. И «прекратил выдумывать». Но состояние было такое, словно внутри у меня безнадежно скулил выброшенный из дома щенок.

Теперь спешить было некуда (щенку все равно где скулить), и я, помятый, в порванных брюках, поехал домой на автобусе.

И приехал.

И что было делать?

Я лег на тахту и стал разглядывать Вовкиных бабочек... Нет, он в самом деле был художник! Какие

краски, какая фантазия... Правда, я ничего не понимал в энтомологии и не мог определить, где бабочки, которые есть на самом деле, а где придуманные...

Да какая разница!

Тем более, что все равно они остались в альбоме и не будут летать вокруг Вовки *там*. «Туда ничего нельзя унести с собой»...

Щенок перестал скулить, попросил и завыл. Негромко, но уже как взрослая собака.

Я захлопнул альбом, встал, пошел в ванную и начал привинчивать к стенке купленные Лилией пластмассовые полки. Хлипкое сооружение вроде угловой этажерки. Лидия давно насаждала на меня: привинти да привинти. Работа была долгая, нудная: сверлить дырки, вгонять деревянные пробки, вкручивать шурупы. И я был даже доволен, что она такая – помогает протянуть время и отвлекает от мыслей о Вовке. Хотя не очень-то отвлекала...

Позвонила Лидия, сказала, что не придет на обед.

– Приготовьте себе суп-суперспелку и пюре из порошка, сварите сосиски... Как поживает наш сорванец.

– Нормально, – сказал я нормальным голосом. До вечера говорить Лидии про Вовкин уход не стоило.

Полки были привинчены. Я вернулся в комнату и распахнул окно. Среди листьев клена опять сидел на суку серый и косматый кот Елисей. Морда у него была грустная – видимо, проблемы с Нюшкой.

– Кыса, иди ко мне, – сказал я. Елисей подумал и прыгнул на подоконник – мы были давно знакомы.

– Хочешь сосиску?

Елисей хотел.

Я дал ему сырую сосиску. Елисей деликатно скушал ее на кухне и пришел в комнату, прыгнул на тахту. Улегся прямо на Вовкин альбом. Я хотел шугануть кота но передумал. Может быть, от альбома идет какое-то доброе излучение и Елисей ощущает его? Ладно, пусть ощущает...

Я сел на вертящийся стул, покрутился. Включил компьютер. Пес, который подвывал у меня внутри, выжидательно притих. Я стал опасливо искать файл с повестью «Паровозик и волшебное зеркало». Как же Вовка назвал-то его? Я даже не успел спросить... А, вот! «Karuza»...

Начал читать. И заранее сжался от стыда. И от понимания, как отнесутся к этому косноязычному бреду в издательстве «Птицелёт». И зачем я только дал Вовке слово!.. А как было не дать? «Потому что иначе будешь предателем»...

Я будто наяву услышал его перемешанный со слезами шепот.

Помотал головой... Сжал зубы и окунулся в текст.

Ну да, ну, конечно, стыд... Но... в конце-то концов, не многим хуже тех чалых рассказиков, которые приносили в «Звонкое утро» заикающиеся от страха юные авторы... А кроме того, как бы это ни

было написано, а ребята вот они – снова со мной. Брис, Инка, Баллон, Матвейка, Ташка... И нескладный, несчастный Вахтёркин. Я придумал ему счастливую судьбу, не ту, что была у его прототипа, ну и пусть. Он заслужил...

Читал я, задавив желание глянуть в конец раньше срока... И вот она, последняя страница. И...

«Как тебя, зовут, паровозик?» – спросил Брис.

Мальчик, нагнувшись, посмотрел направо, налево. На каждого. Опять погладил яблоко. И сказал очень серьезно:

«Меня зовут Вовка».

Все стали смотреть на Баллона.

«Ну и что? – не растерялся Баллон. – Тоже не плохо...»

Я даже улыбнулся. Чуть-чуть. И подумал, что, когда буду перечитывать эти строчки, то словно снова встречу с Вовкой.

«Ну, утешай, утешай себя», – словно кто-то холодно сказал мне со стороны. Я скрипнул зубами и цыкнул на пса, чтобы тот опять не начал подвывать. И заставил себя думать о делах: как Махневский начнет «обратную раскрутку»? В том, что начнет, я не сомневался (уже начал), но в какой форме, с помощью каких решений и документов?

Махневский словно услышал меня, позвонил. На мобильник.

– Иван... Вот что. Полезно бы встретиться, обговорить кое-что...

– Давай, – сказал я сразу. Встреча, видимо, в самом деле была необходима. К тому же я понял, что не чувствую к Стасу никакого зла. И потому, что он сдал свои позиции, и... потому что от него ушел Егор. Мы были теперь как бы товарищи по несчастью.

– Где и когда? – спросил он.

– Давай только не сегодня...

– Завтра. Идет?

– Ладно, завтра. Ближе к вечеру...

– В семнадцать устроишь?

– Давай.

– И где? – опять спросил он.

– А в твоей конторе что? Нельзя?

– Не хотелось бы, – признался он. – Может в той кафешке, где бывали в прежние времена? В «Лолите»?

Я не удержался, хмыкнул:

– Ностальгия куснула, что ли?

– Вроде того, – сказал Стас.

Если не помнить того, что случилось, можно было представить обычного Стаса – стрижку ежиком, разлапистый нос, белесые ресницы, сохранившиеся с детства конопушки. Голос – в точности тот, что в школьные времена.

Я хмыкнул снова:

– Вроде бы не по чину тебе ходить в такие забегаловки...

– Хрен с ним, с чином. Значит, замётано?

– Только не приводи своих амбалов.

– Охрану, что ли? Оставляю где подальше... Ну, до завтра?

– Ага...

Я нажал кнопку отбоя и оглянулся на кота. Елисей мявкал. Он просился из квартиры. Покидать ее через окно он не хотел. Я выпустил его через дверь и увидел, что из лифта вышла Лидия.

Ого, а я и не заметил, что уже вечер.

– Привет, Елисей, – сказала Лидия. – Привет, Иван. А Вольдемар дома?

И я ответил сразу:

– Ушел. Насовсем.

– Ну что ж... – умудренно произнесла Лидия, когда я все рассказал. – Это должно было случиться. Не сегодня, так завтра...

Ее рассудительность и твердокаменность меня покорили, как скрип железа по стеклу. Я сжался, я не хотел ссоры.

Мы сидели на кухне. Я с отвращением жевал обеденную сосиску, которую Лидия наконец сварила – к ужину. Лидия глянула на меня из-за кружки с компотом. (Как взрослый человек может любить компот? Да еще из сухофруктов!)

– Ты только не напейся...

Я вытаращил глаза:

– С какой стати!

– Знаю я тебя...

Ей всегда казалось, что я могу напиться в стельку из-за каких-нибудь переживаний. Ну да, было

такое, но всего раза два в жизни, а она... Ответить ей?

Но снова во мне заскулил щенок, и стало все равно... Я ушел к компьютеру, опять открыл файл «Kaguz». И окунулся в текст, как в спасение...

Сидел часа два. Странно, что Лидия ни разу не вошла, не стала ни о чем расспрашивать. И не стала рассказывать о своих делах, о своих клиентах, которые как на подбор (по моему убеждению) были взяточники и кретины. Впрочем, понятно – сегодня не такой вечер...

А какой?

Я пошел в спальню. Лидия сидела на кровати. Был включен торшер, потому что на улице стемнело – не от обычных сумерек (они в июне совсем жиденькие), а от собравшихся дождевых облаков. Лидия что-то шила... Хотя вовсе не «что-то». Я узнал сразу Вовкину футболку. Лидия красными нитками зашивала на ней дырку.

Она посмотрела на меня.

– Вот... не успела вчера.

– Зачем? – одними губами спросил я.

– Не знаю... – Лидия отложила шитье на подушку. – Ваня, сядь рядом.

Я сел.

Лидия тихонько прислонилась к моему плечу.

– Ваня, я ведь все понимаю. Я тоже... стала привыкать, что вот, вроде бы есть у меня племянник... а может, и не племянник даже... Но что поделаешь. С теми законами не поспоришь...

– Да уж... – по-дурацки отозвался я.

Лидия умница и молодец. И я был благодарен ей за ее признание, за ее понимание. И чувствовал, как люблю ее. И сидеть бы так и сидеть, утешая себя тем, что мы рядом друг с другом. Тем более, что «с теми законами не поспоришь».

Но... нет, я понимал, что «не поспоришь», только и сидеть не мог. Я должен был что-то делать. Пусть глупо, без всякой пользы, но *хоть что-то...* Что?!

– Извини, я сейчас... – И ушел в свою комнату.

Оглянувшись на дверь, я достал из ящика и сунул в карман пневматическую хлопушку «Пикколо» (и коротко посмеялся над своим ребячеством). Затем я набрал на мобильнике номер домашнего телефона. Он тут же обрадованно заквакал на всю квартиру. Я снял трубку.

– Кто?.. А чего это на ночь глядя?.. А завтра никак?.. Ну, Костя, что за фантазии!.. Черт бы вас побрал! Хорошо, буду...

И я вернулся к Лидии.

– Травкин звонил. Говорит: какая-то неожиданная ситуация-информация, надо обсудить срочно. Придется ехать...

Лидия смотрел понимающе, будто заранее знала про такой звонок.

– Ты ложись, не жди, – неловко сказал я.

– Только не напивайся там, – попросила она. И на этот раз я не испытал ни раздражения, ни досады. Лишь режкую печаль.

Все, что двигало мной, теперь не поддавалось объяснению.

Будто во сне я вышел на улицу Хохрякова, встал у поребрика, вдоль которого проносились ослепительные, пахнущие бензином фары. Поднял руку. Тормоза взвизгнули сразу. И... надо же! Водителем оказался небритый детина, который утром возил меня на улицу Лесорубов. Оскалился:

– Ха! Вроде знакомый!

В совпадении была мистика. А в ней – неосознанная закономерность. Опять же как во сне.

– На Черданское шоссе, – сказал я.

– За столько же, как в тот раз, – нагло сказал он.

– За столько же...

Черданское шоссе было то самое, по которому мы с Вовкой три дня назад уезжали от кладбища.

В зеркальце над ветровым стеклом, в полумраке, колюче поблескивали глаза водителя.

– Чегой-то тебя, друг, мотает сегодня по окраинам... – сказал он.

– Мотает...

– Видать, дела?

– Ты ведь стюльник просил, не так ли? – сказал я.

– Как договорились. А чё?

– Тогда помолчи.

– Понял...

Я велел ему остановиться у поворота на шоссе. Не хотел, чтобы он знал, куда я иду.

– Ля-ля-ля... Нехорошие здесь места... – протянул он, пряча сотенную бумажку.

– Понял, – сказал теперь я и тут же забыл об этом. Подождал, когда небритый тип уедет, и пошел по обочине.

Справа тянулась кладбищенская изгородь, сложенная из ребристых каменных плиток. Над ней чернели великанские головы сосен. Слева была пустошь. Далеко за ней мигали редкие огоньки, а на низких тучах вспыхивали зеленые отблески далекого трамвая. Темноты не было. В тучах, пообещавших было грозу, появился широкий разрыв, выкатилась большущая луна кирпичного цвета. Она светила, как театральный прожектор, затянутый грязной оранжевой марлей. Тучи впитывали это свечение и принимали бурый оттенок.

И неестественный свет, и само появление круглой луны вносили свою долю в ненатуральность происходящего. Ведь на самом-то деле, по календарю, следовало появиться месяцу в последней четверти, и то ближе к утру. Я отметил этот факт, но он отложился у меня в голове отстраненно, без удивления.

На пустоши, недалеко от дороги, громоздились на фоне туч будто нарисованные тушью конструкции. Какие-то искривленные башенные краны и обрывки эстакад. Странно – в прошлый раз я их не заметил... От конструкций ощутимо пахло ржавчиной. Этот запах перемешивался с запахами болота, теплого асфальта и бензина. Но машин не было –

ни обгоняющих, ни встречающих. И пешеходов, конечно, не было – кого сюда понесет в такую пору!..

И тихо, тихо, тихо. Только мои шаги...

Я шел, как заведенный. Расталкивал грудью плотный душный воздух. Во мне была спрятана четкая цель, но в то же время все, что делалось со мной, и все, что было вокруг, явно отдавало природой потусторонних пространств или сном. И в то же время не было в этом сумрачной таинственности и торжественного настроения души, а была какая-то расхлябанная дурь. Она лезла в меня снаружи и отзывалась внутри обрывками паршивых воспоминаний, кривляющихся мелодий и дурацкими строчками, которые появлялись неизвестно откуда. Стоило мне взглянуть на черные конструкции, как в голове начинало прыгать:

Всюду краны, краны, краны,
Поржавевшие вконец.
Ах, не сыпьте соль на раны -
Этой строчке п...ц!

А когда я переносился мыслями вперед, начинала вертеться в памяти залихватская частушка студенческих времен:

Вот, друзья, профилакторий
По названью крематорий,
Каждый будет в нем здоров -
Было бы побольше дров!

Я мотал головой, чтобы прогнать поганую песенку. Сейчас она была не просто поганая, а кощунственная. Ведь я шел к стене.

«Это недалеко, вон там, у самой изгороди... стена такая из кирпича, в ней углубления, а в них вазочки с пеплом. И больше ничего. Только снаружи дощечки с именами и фотографиями...»

«А интересно, у него какая вазочка? Наверно, самая дешевая. Кто стал бы тратить большие деньги ради мальчишки. Да и не было их, скорее всего, у тетки... Идиот, что значит «интересно»? Совсем это не интересно!» Пепел мне был не нужен. Мне был нужен снимок на табличке. Я высвечу его ярким фонариком-брелком и нажму кнопку спрятанного в мобильнике аппарата. Потом я увеличу снимок на экране компьютера, обработаю в программе «Фотошоп» и превращу в портрет. И больше никогда не пойду к стене с табличками. Вовка будет у меня дома...

По здравому размышлению, вовсе не было резона переться на кладбище в такую пору. Никто не мешал дожидаться дня и отыскать, что хотел, при солнечном свете. И легче, и безопаснее – меньше риска свернуть себе шею или наткнуться на опасных типов. Но это – именно по здравому размышлению. А его тогда у меня не осталось ни вот настоящее. Была лишь неумолимая тоска, было отчаянное желание немедленно сделать хоть что-то такое, чтобы... «Чтобы» что? Сохранить хоть какую-то, пус-

кай призрачную, связь с Вовкой? Оправдаться перед ним? Просто уменьшить тоску?.. Мне казалось, что я совершаю тайный обряд, который освободит от тяжести души. Снимет с меня вину...

А об опасностях я, кстати, и не думал. Ничуть...

Наконец я увидел в кладбищенской изгороди черный провал. Тот самый, из которого мы с Вовкой выбрались сюда, на шоссе. Не сдерживая шага, я по шумно зашелестевшей лебеде приблизился к пролому и с маху окупнулся в него.

Здесь все оказалось не так, как на дороге. Сразу обняла меня тьма. Непонятная луна осталась в другом мире. Навалились влажные кладбищенские запахи. И... никакого страха. Да, никакого, хотя казалось, что вокруг, повсюду, много невидимых существ. Они приблизились с осторожным любопытством, но без всякого желания причинить зло. А когда они тонким чутьем жителей иного мира ощутили, зачем я здесь, то даже прониклись пониманием. И, наверно, это их понимание позволило мне быстро добраться, куда я хотел – не плутать среди неразличимых надгробий, не застревать в кустах и не путаться в травяных плетях, а через минуту оказаться у пахнущей кирпичной стены со смутно белеющими квадратами табличек.

Я уперся в теплые кирпичи ладонями – понял вдруг, что устал. Отдышался. Включил фонариком-брелок. Тонкий луч прорезал сумрак, отвоевав у него кусочек реального мира. Сопровождавшие меня невидимки деликатно отступили подальше в тьму.

Каменные пластинки с именами и овальными снимками были расположены в три ряда. Нижние на уровне пояса, верхние выше головы. На узеньких выступах кое-где лежали высохшие букетики. Я снизу доверху и обратно прошел лучом по близким табличкам. Потом по соседним. Вдоль стены тянулась травянистая тропинка, я медленно, боком, пошел по ней, выхватывая фонариком имена и фаянсовые овалы с лицами. Вверх-вниз, вверх-вниз... Длина стены оказалась около тридцати шагов. И на всей длине я не нашел того, кого искал... Пропустил?

Я пошел обратно. Опять фонариком – вверх-вниз...

Не было Вовки.

Не было, не было, не было...

Снова прошел я туда и обратно – уже понимая, что не найду. Невидимки, что провожали меня, еле слышно и виновато вздыхали неподалеку: мы, мол, ни при чем, не знаем, где он...

Наконец стала садиться батарейка. Быстро так. Свет фонарика сделался кирпичным, как у той луны. Я сунул брелок в карман и пошел к пролому.

Я не понимал, огорчаюсь или радуюсь.

Если Вовки здесь нет, значит... А что «значит»? Может быть, все, что случилось, какой-то громадный розыгрыш? Стечение обстоятельств? Гипноз? Сон? Может быть, Вовка все-таки не *оттуда*?

Или...

Или, может быть, я просто не понял? Где-то рядом есть еще одна такая же стена?

Но я знал, что больше не пойду сюда. Ни ночью, ни при свете дня. И не буду нигде искать Вовкину фотографию (хотя, наверно, можно было бы найти, если постараться – в школе, у друзей-приятелей). Нет, не буду. Потому что это было бы... ну, словно насилием над природой неведомых законов и правил. Попыткой изменить то, что подарила судьба.

Видимо, у ангелов-хранителей не бывает портретов. Наверно, это почему-то нельзя...

А что можно? Что осталось? Спасение от нищеты? Как мне теперь было на это наплевать!.. Что еще? Альбом с бабочками, половинка бинокля, стопка выстиранной и заштопанной одежды...

«Еще мальчик Вовка в конце повести...» – словно сказал кто-то со стороны. Да, это было, пожалуй, главное. Но было ли это утешением?..

Невидимки незаметно оставили меня, и потому на обратном пути я изрядно заплутал. Царапаясь, цепляясь, застывая, выбрался через тьму к дыре в изгороди чуть ли не через час (или так показалось?). Наконец снова увидел над каменным забором кирпичную луну. Я уже понимал нелепость своей ночной вылазки. Мне хотелось домой. (А еще хотелось заплакать, как маленькому, но это где-то в глубине – как говорят, «на уровне подсознания»).

Порвав о камень рубашку на плече, я вылез из дыры под ненатуральный и довольно сильный свет луны.

И сразу навстречу шагнули двое.

Я не разглядел лиц, видел только фигуры. Один приземистый, стриженный наголо, другой тощий и косоплечий.

– А, вернулся все же, – с хрипотцой заядлого курильщика выговорил тощий. – А зачем вернулся, козявочка? Думал, договоримся?

– Шеф правильно угадал: придет, – сказал беззлобно, даже с ноткой сочувствия, стриженный. – У их, у интеллигентов, это завсегда. Называется «комплекс жертвы». Когда кролик в пасть удава... Ну, давай, Гоша...

Пока они давили из себя слова, я дергал из кармана пневматическую хлопушку «Пикколо». Конечно, из нее не уложишь наповал, но если в глаз или в пасть...

А они вынули черные, отразившие луну пистолеты.

И все это было медленно, невероятно медленно, как в жидкой резине до ужаса растянувшегося сна. Я, с трудом преодолевая вязкую тяжесть револьвера, поднял его и выстрелил а лицо тощему. А он выстрелил в меня. И стриженный тоже – два раза. И когда пули были уже в полете (я четко видел их тупые головки с лунными искорками) между ними и мной горизонтально метнулась светлая тень. С тонкими раскинутыми руками.

И пули с чмоканием вошли в эту тень.

Не в тень, а в мальчишечье тело...

И лишь через секунду я услышал четыре неторопливых выстрела – трескучий хлопок «Пикколо» и три медленных, бухающих удара боевых пистолетов.

Тощий, прижимая руки с пистолетом к лицу, начал пятиться, стриженный заторможенно откатнулся и, кажется, крикнул: «Давай ноги, сволочь! Он не тот!..» (но это вспомнилось много позже). И они, словно расталкивая толщу воды, стали убежать к стоявшему вдали автомобилю.

А мальчишка падал, падал – тихо и невесомо, преодолевая сантиметр за сантиметром. Словно вырезанный из папиросной бумаги. И он еще не коснулся верхушек травы, а я уже знал, что это Вовка.

2

Да, это был он. В рыжем свете луны я сразу разглядел его лицо. Рот был приоткрыт, между губ светились передние зубы – в замершей полуулыбке. Из-под опущенных ресниц чуть заметно блестели белки глаз. Вовка лежал навзничь и не двигался. Он был в незнакомой одежде. То есть почти в знакомой – в таком же баскетбольном костюмчике, как на Аркаше тогда на пляже. Такой же утенок-флибустьер вырисовывался на светлой фуфайке.

А слева от утенка чернели две круглые дырки.

Я отогнул фуфайку до сосков. Из дырок под левым соском вдруг несильными толчками выскочили кровавые капли, растеклись. Вовка вздрогнул, сильно вытянулся и замер опять. И сразу стало ясно, что это – всё.

Отчаяние наливалось меня, как холодное жидкое стекло. Оно почти сразу застыло, заморозило душу. Но двигаться оно не мешало. Только двигался я, как автомат. Я подтянул Вовку к стене, сел, прислонился спиной к ребристым каменным плиткам, положил Вовкину голову себе на колени.

От его спутанных волос пахло теплой пыльной травой.

«Ну, зачем, зачем ты вернулся?! Не надо было меня защищать! Такой ценой – не надо...»

Я сидел, не чуя времени, не зная, что будет дальше, не делая попыток что-то решить и предпринять. «Не будет дальше, не будет потом...»

«Нет, будет... – наконец протолкнулось сквозь лед короткое понимание. – Одно дело ты должен сделать обязательно...»

Я стал гладить Вовкины волосы и думать, как завтра убью Махневского. Эту гниду, этого подонка, который сегодня днем разливался соловьем, а на самом деле выследил, послал этих двух сволочей... Ну ладно бы меня кончили! А Вовка-то причем?!

Вот он лежит совершенно неподвижный, совершенно неживой, и я чувствую, что на этот раз – полностью, навсегда...

Конечно, я не буду стрелять в Махневского из своей итальянской игрушки. Каждый, кому это надо, знает, где в нашем городе можно за три тысячи баксов купить «макарова» или «ТТ». Куплю, баксы есть. И если Махневский придет в «Лолиту», там я и сделаю *это*... Всю обойму... А если не придет, пробьюсь в его офис. Пусть придется положить при этом пару его амбалов-охранников, они такие же гады, как их хозяин...

Короткий толчок слёз в глубине груди потрянул меня, как внутреннее кровоизлияние. Разогнал по застывшему стеклу трещины. Оно оцетинилось острыми осколками. Пусть. Так даже лучше.

Я закашлялся, чтобы прогнать колющие стеклянные крошки из горла. Отдышался. Снова погладил Вовкины волосы... Надо было что-то делать. Что? Видимо, куда-то звонить. В скорую, в милицию... Хотя в скорую зачем? Поздно уже... Нет, все равно надо. Кажется, они должны «зафиксировать»... А милиция... Что они, будут ловить тех двух сообщников Махневского? На фиг им это надо! Скорее всего, меня же и сделают виноватым. Тем более, что ничего толком объяснить я не смогу: зачем оказался у кладбища, откуда убитый мальчишка... Ладно, лишь бы не посадили в камеру сразу. Лишь бы успеть с Махневским, а потом наплевать...

Осторожно, чтобы не толкнуть Вовкину голову, я завозился, отцепил от пояса мобильник. Он почему оказался выключен. Я хотел надавить кнопку...

– Иван Анатольевич, не надо... – кто-то мягко

сказал сбоку от меня.

В двух шагах стояли трое. Одинаковые, в похжей на военный камуфляж одежде, только с размытыми и мерцающими, как фольга, пятнами. Лица были неразличимы, а в светлых, как у Вовки, волосах поблескивали красноватые лунные искры.

И сразу же я, со смесью горечи и облегчения, понял, *кто они*.

– Хотите забрать его? – сказал я, проглотив последние крошки стекла.

– Да, Иван Анатольевич... Самому ему теперь не добраться, растратил все силы...

Те, Кто Пришел за Вовкой были одинаково неразличимы, я не мог определить, кто из них какие слова говорит. Да и не пытался. Их голоса были не тихие и не громкие, звучащие как будто в плотных, надетых на меня наушниках. И во всех голосах слышалось сочувствие.

– Защит у него уже не было, а то, что он Хранитель, еще сидело в памяти. Вот и рванул обратно с полпути. Закрыв собой... – произнес один из Тех с ошутимым человеческим вздохом.

– Я не хотел этого, – тоскливо сказал я.

– Да вас же никто не винит, Иван Анатольевич. И... в конце концов, все к лучшему. Мальчик сделал все, как надо...

– Куда уж как «к лучшему», – выговорил я, глядя на Вовкины ресницы. На них тоже блестели красноватые искорки.

Они деликатно молчали, стоя надо мной.

– И куда он теперь? – с непонятной неловкостью и опаской спросил я. – Опять на свои поля?..

– Не сразу... – отозвался один из Тех. – Он потратил массу энергии, теперь ему придется копить и копить силы. Вроде как в изоляторе. Расплата за содеянное...

– Разве нельзя его простить? – чуть не со слезами вырвалось у меня. – Ведь он же... он не для себя это... – И я через плечо посмотрел на Тех.

Один из них слегка нагнулся ко мне.

– Иван Анатольевич, вы не понимаете. При чем тут прощение? Вы думаете, что его поведут на расправу, как в кабинет к завучу? Просто необходимо восстановить энергетический баланс, а на это требуется время. В каждом пространстве есть свои законы... Да вы не тревожьтесь, все со временем придет в норму.

Он выпрямился и стал опять неотличим от товарищей. Мне почудилось во всех троих сдержанное нетерпение.

– Можно мне еще посидеть с ним? – торопливо попросил я.

– Да, но только не долго. Мальчику все-таки больно, хотя он и без сознания...

– Как... без сознания? – дернулся я. – А разве он... не...

– Что?.. Нет, вы ошибаетесь. Вот... – Один из Тех присел рядом со мной, вынул из моей руки мобильник, положил в подорожники, а мою ладонь осторожно прижал к Вовкиной голой груди, пониже

пулевых отверстий. Под тоненькими ребрами, редко, еле ощутимо, но равномерно тукало Вовкино сердце.

– Подождите, – вдруг оживился один из стоявших. Можно ведь это и здесь...

Он и его товарищ шагнули ближе, присели передо мной и Вовкой на корточки по сторонам от моих вытянутых ног. Тот, что справа, повел над Вовкиной грудью ладонью. Потом оглянулся на луну:

– Да уберите вы это безобразие...

Тот, что слева, щелкнул над плечом пальцами, и луна погасла, как прожектор, когда на театральном пульте дернули рубильник. Послышался во тьме новый щелчок, и над нами загорелся, как лампа, белый, размытый в воздухе шар. Свет его был сильный, но не резкий. Тот, что справа, опять повел над круглыми ранками ладонью. Потом резко перевернул ее. На ладони лежали две тупоносые пули. Он швырнул их через плечо.

Пулевые отверстия зарастали на глазах. Кровь вокруг них исчезала, будто испарялась. Через полминуты на месте черных дырок были розовые плоские бугорки. Вовка шевельнулся и тихо задышал.

– Теперь можно и подождать минут десять, – сказал Тот, Кто Выбросил Пули.

– Но не больше, – отозвался другой, который сидел рядом со мной. И опять встал. – Скоро рассветает, а тучи уйдут... – Мне показалось, что он здесь главный. Оглянувшись на него, я спросил:

– А разве это можно вот так? Забирать его туда... живого?

– Все можно, – нехотя отозвался Главный. – Особенно, если не первый раз...

– А можно, чтобы он сейчас очнулся? Хотя за минуту? Чтобы услышал меня?

– А вот это не получится, – с виноватой ноткой сказал Тот, Кто Выбросил Пули. – Он будет спать несколько часов...

Вовкина голова чуть шевельнулась на моих коленях. И губы шевельнулись. Тот, Кто Выключил Луну и Зажег Шар, натянул Вовке на грудь фуфайку. И опять я почувствовал во всех троих деликатное нетерпение.

И тогда я сказал самое главное – то, что стремительно зрело во мне и что я должен был сказать, но боялся. Боялся, что ответят «нет».

– Но если он жив... и если там ему без энергии будет тяжело... оставьте его здесь...

– Зачем? – быстро и досадливо сказал с высоты Главный. А горящий шар словно испугался моей дерзости, взлетел в высоту и светил оттуда совсем неярко.

– Чтобы он... со мной. У нас...

Голос Главного обрел прежнюю мягкость:

– Иван Анатольевич, зачем вам это? Он ведь уже не сможет быть вашим ангелом-хранителем. Никогда. Обыкновенный пацан...

– И пусть!

– Мы понимаем, вы сейчас благодарны за спасение, но потом...

– Да нет же!

В эту минуту я и не помнил, что Вовка спас меня от пуль. И не нужен был мне ангел хранитель! Нужен был просто Вовка. Мой братишка, мой спутник... герой моей ожившей повести... мой Вовка, вот и все!

Кажется, они прочитали мои мысли. И теперь молчали озадаченно. Думали, наверно, как помягче довести до меня свое «нет».

– Значит, нельзя... – сказал я, словно шагая в яму.

– Иван Анатольевич... – Главный, видимо, был в растерянности, хотя и не земной житель. – Если бы можно было просто взять и сказать «нельзя»... Вы сами не понимаете, что сделали. Своей просьбой вы сразу в нескольких пространствах создали новую причинно-временную связь, которую так просто теперь не уберешь... Лучше всего, если бы вы отказались от своей просьбы сами... Вы отдаете отчет?

– В чем?!

– Вот мальчик Вовка Тарасов. Пока... Но скоро пройдет эйфория, начнутся будни. Школа, тройки и двойки, проблемы с математикой и английским... Кстати, характер у мальчика не сахар. Вот и курить уже недавно пробовал...

– Я и сам пробовал в таком возрасте! – взвинченно сказал я. – Ну и что...

– Скоро мальчик начнет подрастать. Отношения с девочками, поздние возвращения, тайны от взрослых, дерзости в ответ на замечания...

– Знаю, проходили, – откликнулся я с нарастающим упрямством.

Что они, разве не понимают?! Не надо, чтобы он был ангелом-хранителем и уж тем более просто ангелом! Пусть смотрит до ночи своего «Буратино», пусть хнычет, когда Лидия смазывает его болячки, пусть упрямится и тянет свое вредное «чево-о», пусть получает учительские записки в дневник, пусть мы с Лидией будем изводиться, когда он станет шастать допоздна с приятелями и девочками. Так же, как (увы!) изводилась когда-то моя мама... Пусть будет все, что положено, лишь бы...

– У него, кстати, хронический холецистит, – вдруг сказал Тот, Кто Выбросил Пули.

Тогда я засмеялся. Вовка во сне чмокнул губами. А может, он нас слышал?

– У вас будет куча проблем с документами, – сообщил Главный. – Подумайте сами: беспризорный, неизвестно откуда взявшийся мальчишка...

– Пусть, – откликнулся я уже как бы по инерции.

– И поймите, – продолжал Главный. – Во всех трудностях, которые неизбежны, мы ничем не сможем вам помочь...

«Только отдайте мне его!»

– Помочь, пожалуй, можно, вдруг вмешался Тот, Кто Зажег Шар. – Но только слегка... Можно сделать, чтобы никто не помнил того случая с велосипедом. То есть помнили бы, что разбился, но не

совсем... Тетка уехала, мальчик не захотел, остал-
ся...

– А как отнесется тетка? – подал голос Главный.

– Она же далеко... Впрочем, это проблемы Ива-
на Анатольевича. И мальчика...

Они уже знали, что я готов ко *всем* проблемам.

– Боюсь, что не ко всем, – сказал Главный. Иным
каким-то голосом, сумрачно так. – Вы, Иван Ана-
тольевич, не знаете самого важного. Оставляя маль-
чика у себя, вы должны пожертвовать частью сво-
ей жизни, чтобы соблюсти межпространственный
баланс. Тем сроком, который успел прожить на све-
те он. Это вычтется из того, что отпущено вам судь-
бой.

«Ну, что ж... Двенадцать лет. Ладно, примем это,
как новую судьбу».

– Одиннадцать, – поправил Тот, Кто Зажег Шар.

– Один год он отмотал назад в полете...

– Зачем? – удивился Главный.

– Судя по всему, ни за чем, просто темпораль-
ный эффект. Полет-то обратный...

– Итак, Иван Анатольевич, вы согласны рас-
статься с одиннадцатью годами? – спросил Главный
сухо, будто клерк в казенном учреждении.

– Пусть, – ответил я с нетерпением.

– Подождите, – насупленно сказал Тот, Кто Выб-
росил Пули. – Все гораздо хуже. Здесь не одиннад-
цать, а двадцать два. – Он зачем-то разгладил на
Вовкиной груди фуфайку. Поднял неразличимое
лицо. – Пуль-то две. Хорошо, что третья ушла мимо,
но эти две – обе смертельные. Поэтому... вот...

Нельзя сказать, что я сразу произнес свое
«пусть». Нет, обдало меня осязаемым холодком. Но
все же я пришел в себя раньше, чем они ждали.
Вовка с головой на моих коленях дышал спокойно
и чуть улыбался. Это было главное.

– Пусть двадцать два...

Голос Главного стал очень добрым и осторож-
ным:

– Иван Анатольевич, средний срок жизни у муж-
чины в наших краях пятьдесят семь лет. Вам, если
не ошибаюсь, двадцать девять. Посчитайте, сколь-
ко останется...

Я вдруг понял, что начинаю злиться.

– А сколько мне осталось бы, если бы Вовка не
заслонил меня!.. И, кроме того, мой дед жил до
восемидесяти пяти...

Они сразу увидели, что это окончательный от-
вет.

А разорвать возникшую в пространствах при-
чинно-временную связь они, наверно, не имели
права. Да и для чего?

– Давайте, мы вам поможем, – сказал Тот, Кто
Зажег Шар. Он приподнял Вовку и хотел взять на
руки, но я вскочил и подхватил Вовку сам. На вся-
кий случай.

Вовка был очень легкий.

Тот, Кто Выбросил Пули шагнул к обочине и под-
нял руку. Сразу возникла невеста откуда темная
«волга», открылась дверца. Тот, Кто Выбросил Пули

сказал водителю несколько слов. И обернулся:

– Садитесь, Иван Анатольевич.

Я посмотрел на оставшихся двоих, на *Тех, Кто
Приходил за Вовкой*. Надо было что-то сказать.
Что? «До свиданья»? Не дай Бог... «Прощайте»?
Драматично как-то... «Спасибо»? Почему-то не ре-
шился...

Они сказали первые, просто, по-житейски.

Главный:

– Всего хорошего, Иван Анатольевич.

Тот, Кто Зажег Шар:

– Удачи...

Тогда я все-таки сказал:

– Спасибо...

Задняя дверца была уже распахнута. С Вовкой
на руках я протиснулся в кабину, сел откинувшись.
Во мне была упругая радость, которая заставила
напрочь забыть о двадцати двух годах. Тот, Кто
Выбросил Пули сел рядом с водителем.

– На Тургенева...

– О кей, – откликнулся неразличимый в сумра-
ке водитель.

И мы помчались – ровно и бесшумно.

И очень быстро оказались у нашего подъезда (а
Вовка спал и спал, пошевеливаясь и чмокая губа-
ми).

У подъезда светила яркая лампочка.

Я полез в брючный карман за деньгами.

– Не надо, – сказал мой спутник.

Он помог вытащить Вовку и снова положил его
мне на руки.

– А теперь вот это. Вы забыли там, в траве... –

Он протянул мобильник и револьвер. Руки у меня
были заняты, и Тот, Кто Выбросил Пули сунул мне
мобильник в левый карман на брюках, а револь-
вер в правый. Перед этим он пару секунд поразгля-
дывал «Пикколошку».

– Игрушка... – смущенно сказал я.

– Однако вы крепко врезали из этой игрушки
одному из тех... Кстати, Иван Анатольевич! Едва не
забыл. Вы, очевидно полагаете, что виновником
нападения на вас был некий Станислав Юрьевич
Махневский? Это не так, он ни при чем. Произошла
досадная путаница. Некие мафиози ждали для раз-
борки одного задолжавшего им человека, он не
пришел, а тут подвернулись вы... Впрочем, все в
прошлом...

А я уже совсем не помнил о Махневском. И уж
конечно не собирался стрелять в него... Хотя ска-
занное избавляло Станислава Юрьевича от некото-
рых проблем...

Я посмотрел вверх. Окошко моей комнаты све-
тилось. Бедная Лидия...

– Помочь вам отнести мальчика? – спросил мой
спутник.

– Нет, что вы! Всу-то в нем... Ой, только клю-
чи...

Ключи от подъезда и квартиры были в кармане
под револьвером. Но Тот, Кто Избавил Вовку От
Пули вытянул руку, и железная дверь мягко, без

привычного скрипа, отворилась.

– Спокойной ночи, Иван Анатольевич... Хотя уже почти утро.

В самом деле, тучи разошлись, и летнее небо растворяло в себе предсолнечный свет.

Мой спутник сел в машину, она тронулась.

– Спокойной ночи, – сказал я вслед. Запоздало и не к месту.

Лифт не работал, я поднялся на третий этаж пешком. Надавил кнопку звонка.

Лидия начала говорить еще за дверью:

– Мог бы и вообще не появляться!.. Я, как дура, называю Травкину, знакомым, на твой мобильник, хочу уже звонить в милицию, а...

Она, слегка помятая и растрепанная, возникла на пороге и... тут же превратилась в железную леди:

– Неси его на тахту! Он цел? Прекрасно. Подробности потом. Уложи... Ох и перемазанный...

– Не вздумай сейчас будить его.

– Я не глупее тебя. Достань одеяло... Укрой... А теперь иди на кухню, будешь рассказывать.

Вопреки ожиданию, для рассказа потребовалось очень мало слов: «Пошел... не нашел... вышел... стреляли... заслонил... появились... уговорил...»

Лидия уже совершенно обрела самообладание.

– Не понимаю одного: зачем было выключать телефон?

– Он сам. Случайно...

– Ты всегда был растяпой.

– Ага...

– А те твои... знакомые, они совершенно правы: будет масса бюрократической возни. Надо для начала восстановить хотя бы свидетельство о рождении.

– Может, попросить о содействии этого твоего... Челубея? То есть Кочелая. Он ведь большая шишка.

– Что значит «твоего!»

– Извини, я нечаянно... А если не захочет так, можно сунуть ему несколько зеленых бумажек из той пачки.

– Обойдется, – решила Лидия, – без бумажек. Я и так знаю, на какой позвонок ему надавить...

Мы вернулись в комнату. Вовка спал на спине, укрытый до подбородка. Этакий смирный племянник, приехавший из Сургута. Но когда мы остановились над ним, Вовка открыл глаза. И брызнула из них синяя тревога.

– Иван... тетя Лидия... я...

– Спать, – велела Лидия.

– Ладно... Только я ведь никак уже не смогу вернуться туда... То есть я попробую, но...

– Я тебе попробую, – сказала Лидия.

8

Спал я до полудня. И проснулся от сдержанных подвываний, смешанных с бульканьем и плеском.

Они доносились из ванной.

– Ну, чево-во!.. Ну, не надо... Ай... Ну, маленький я, что ли!

– Не пици, – звучали неколебимые ответы. – Экие мы взрослые. Экие мы церемонные... Будто не видала я вашего брата... – (Буль-буль-буль... «Ай!»)

– И вообще... я теперь тебе кто?

– Ой!.. Кто? – (Буль...)

– Я...

– Ой-ёй...

– Твоя... – (плеск и журчание) – хотя и приемная... но все равно... мама... – (на несколько секунд тишина). – А мама должна знать свое чадо с головы до ног... до последней родинки... А ты ёжишься-корёжишься...

– Да я не поэтому... ай... корёжусь! Мыло же ядовитое! А мочалка... какая-то мойдодыровская... Ой, мамочка!...

– Вот именно мамочка... Мыло бактерицидное, а мочалка... специально для мальчишек, которые лезут по глине и мусору... Всё. Вытирайся...

Я торопливо умылся на кухне и вытерся посудным полотенцем – перед Лидией следовало предстать в бодром виде, а то, чего доброго, подвергнешься той же процедуре, что Вовка.

Лидия и Вовка вышли из ванной малость запыхавшиеся, но, кажется, довольные, хотя Вовка и притворялся сердитым. Волосы его торчали длинными сосульками, глаза поблескивали, ресницы щетинились. Было он босиком, но уже в одежде, в своей прежней.

И сразу же я заметил, что он стал помладше. Футболка с вождем-ирокезом была широковата и болталась, как платице. Штаны, которые раньше едва прикрывали колени, теперь свисали до середины икр... Впрочем, штаны, возможно, просто сползли, футболка растянулась... а лицо... оно было вроде бы то, что и прежде, только стало чуть помягче и круглее, но, возможно, это после «банной процедуры»... Но нет! Не зря же Те говорили про отмотанный в обратную сторону год.

Ну и что? До так называемого переходного возраста есть еще некий «буферный срок». Я хихикнул про себя. И опасливо глянул на Лидию. Она известила:

– Я сегодня не пошла на работу. Из-за вас, голубчики... Через полчаса будет завтрак. То есть уже обед. Засони... – И удалилась на кухню. Она явно давала понять, что «ничего особенного не случилось».

– Что, попал в переделку? – сказал я.

Вовка посопел, покосился на дверь.

– Ага... И не поспоришь...

– И не вздумай спорить никогда. Это ведь «железная леди».

– Железная Лиди, – хихикнул Вовка. Он вдруг с размаха прыгнул на тахту, перевернулся на спину, поболтал руками-ногами, снова улегся на живот и... увидел свой альбом, который лежал на подоконнике, рядом с изголовьем.

Подполз, дотянулся, положил его на диванную подушку. Расправил, раскрыл. Со страниц метнулась пестрота фантастических бабочек. Вовка покосился на меня через плечо. Я показал ему кулак. Вовка движениями тела изобразил виноватость и смущение. А еще (или мне показалось?) что-то такое: зато, мол, исполнилось желание, которое я загадывал *по правде*.

Возникла Лидия. Она держала плечики с висевшей «баскетбольной» одеждой.

– Вот, я постирала и заштопала. – (И когда успела?!)

Штопка серыми нитками была такая, что едва разглядишь. Две шероховатых чешуйки.

– Где это ты, Вольдемар, откопал такой наряд?

– Аркашин, – буркнул он, животом прикрывая альбом. – Вчера... забежал к нему... и вот...

– Полагаю, его следует вернуть. – Требовать подробностей Лидия не стала. Со свойственной ей мудростью она рассудила, видимо, что подробности никуда не денутся, все в свое время.

– Да! – подскочил Вовка. – Давайте, я сейчас отнесу!

– Чево-о? – очень удачно скопировала его Лидия. – До завтра из дома не высунешь носа. У вас, милостивый государь, сегодня карантин. В целях медицинского наблюдения и реабилитации организма.

– Ну че...

– Цыц!

– И ведь не улетишь обратно теперь... – проворчал Вовка, когда Лидия, повесив плечики с одеждой на стул, покинула нас.

– Я вот тебе улечу, – сказал я почти так же, как вчера Лидия. И суеверно сцепил за спиной пальцы. И сел рядом с Вовкой. Он смотрел с пониманием: будешь спрашивать?

– Вовка, все равно ведь от разговора *про все про это* не уйдем. Расскажи уж сразу...

Он не стал упрямиться, говорить «а про что рассказывать-то» и неохотно бубнить. Начал четко, с явным желанием объяснить понятно и быстро, раз и навсегда:

– Когда ты ушел за мобильником, я сбросил одежду и сразу оказался в рубаше и с крыльями. Сам не знаю как. И сразу шагнул в пустоту... Был полет, но я его помню плохо. Не знаю, сколько времени. Помню только, что меня будто растянули, как тонкую резину, по всему пространству. Это не больно, но и... хорошего мало... Потом эта резина будто лопнула. От страха, как от удара. Я почувствовал, что с тобой случится что-то очень плохое... То есть я уже знал, *что*. И знал, *где*. И сразу – назад... Но я же не мог быть здесь в своей рубаше и с крыльями... Крылья сразу исчезли, как только я упал в траву, а в рубаше я помчался к Аркаше. Хорошо, что было темно... Я специально приземлился рядом с его домом...

– Почему?

– Оттуда до кладбища гораздо ближе, чем с этой

улицы. Я уже и так не успевал, каждая секунда дорога... Я постучал ему в окно, он открыл тут же, я попросил одежду...

– А мама его?..

– Она ничего не знала, спала в другой комнате...

– А он сильно удивился, наверно?

– Нет, он сразу понял... Дело в том, что он тоже... ангел-хранитель.

– Не может быть!

– Почему не может? Правда... Только он не такой, как я... как *был* я... Он никогда не уходил с Земли, а стал сразу... Так иногда бывает, хотя и редко...

– И... чей же он...?

– Своей мамы.

– Вот как... – И я подумал, что уже дней десять не звонил своей маме, в Тальск. Скотина... И разозлившись на себя, спросил у Вовки ворчливым тоном:

– Когда он успел тебе это рассказать?

– Пока я одевался. И когда он провожал меня... Он показывал самый короткий путь, пустырями, и говорил на бегу... А потом я велел ему возвращаться. Объяснил, что так надо по правилам, что я должен один... А у него там мама одна...

– Фокусники вы... – совершенно идиотски высказался я. Вовка не обиделся, сказал очень серьезно:

– Вань, ты не думай, что я хотел это... как Александр Матросов... Думал только предупредить тебя. Но не успел. Ну и вот... А дальше ты знаешь...

Я не стал ничего говорить. Просто не знал, какие тут слова... Я подтянул Вовку ближе и положил его голову себе на колени – как тогда, у шоссе. Вовка улыбался и смотрел в потолок. Будто там сидела одна из его бабочек.

Мы молчали минуты две.

Потом я все же спросил:

– Больно было... когда пули?..

– Не-а... То есть я не помню. То есть помню обрывками... Кажется, приходили *Те*?..

– Приходили... Иначе кто бы тебя вылечил?

– Хотели унести, да? – Он поежился.

– Я не отдал. То есть упросил...

Он резко повернулся, уткнулся лицом в мой живот. Нет, не всхлипнул, просто лежал так и молчал. Я гладил его мокрые пряди на затылке.

Вовка с минуту подышал мне в рубашку, а потом быстро опять лег на спину и весело сообщил.

– А следов почти не осталось. Только чуть-чуть...

Он лихо задрал футболку до подбородка. Ниже левого соска видны были два круглых розовых пятнышка. Словно следы от подсохших и отпавших коросточек. Вовка вдруг закрыл глаза и шепотом сообщил:

– Мама Лидия их увидела и вдруг завсхлипывала. Но только чуть-чуть, на две секунды. Наверно, думает, что я и не заметил... – Он сказал «мама Лидия» просто, будто называл ее так всегда. А я

опять покаянно подумал о звонке в Тальск.

Мама Лидия оказалась легка на помине.

– Долго вы намерены нежиться? Ну-ка мыть руки и за стол...

– А потом можно посмотреть «Буратину»? – голосом примерного мальчика спросил Вовка.

– С ума сойти! По-моему, это уже мания!

– Ну, хоть одну серию?

– Поглядим на ваше поведение... Шевелитесь, господа.

Но мы сидели на тахте еще несколько минут.

– А почему она сказала «мания»? – прошептал Вовка.

– Пошутила.

– Я раньше думал, что «мания» это от слова «мани-мани». То есть «деньги». У многих мания на мани-мани...

– Особенно мания разгорается, когда мани-мани сжирает инфляция... Знаешь, что такое инфляция?

Вовка притворно надулся:

– Думаешь, если я с виду стал младше на год, то на год и поглупел?

Я перепугался:

– Откуда ты взял, что стал младше? Слышал разговоры *Тех*?

– Ничего я не слышал. Просто знаю, что отмотал год обратно. Это нужно было для скорости...

– Долго я буду ждать? – донесся из кухни голос «железной Лиди».

После обеда я был мобилизован на уборку во всех помещениях, кроме комнаты, где «ребенку полагался отдых» и где с милостивого соизволения Лидии был включен любимый Вовкин фильм.

Затем я пошел на встречу с Махневским.

Затрапезное кафе «Лолита» находилось в пяти кварталах от нашего дома. Оно было хорошо лишь тем, что вызывало память о студенческих временах.

«Амбалов» при подходе к «Лолите» я не заметил. А Махневский был уже внутри. Сидел в углу за пластмассовым столиком. (Знакомый такой Стас, ну совсем, как прежде; даже что-то шевельнулось под сердцем.) На столике блестел графинчик, явно с коньяком, и рюмки. Минералка, салаты какие-то...

Стас поднялся навстречу.

– Привет, Иван... – И шевельнул плечом, словно хотел протянуть руку.

– Привет, – сказал я, отодвигая стул. Мы сели. Стас, глядя в стол, тут же наполнил рюмки. Потом посмотрел мне в лицо:

– За встречу?

– Давай, – согласился я.

Мы выпили. Коньячок он заказал хороший, даже удивительно, что такой нашелся в этом заведении. Я начал жевать салат оливье. Потом опять взглянул Махневскому в глаза (а чего тянуть?).

– Ну? – сказал я.

Он откинулся к заскрипевшей спинке.

– Значит, так... – (Вот дурацкое выражение! Обязательно у них «значит, так»!) – Как говорят в Одессе, вы, Жора, будете смеяться, но... В общем, я всему этому делу даю откат. Меня грозили пристрелить, но, кажется, теперь пронесло...

– Не понял, – сказал я, хотя, вроде бы, понял в основном. Сразу.

– Значит, так... Я верну всё. Не только то, что уже вернул, а полностью. Тебе и всем вашим. То есть особняк ваш и оборудование ушло, но я возьму. Если не за счет «Рынков», то сам...

Я почему-то вылил остатки из рюмки в салат. Размешал это дело вилкой.

– Станислав Юрьевич, а можно вопрос?

– Иван, не надо так... А вопрос давай.

– Стас, а почему?

– Давай еще по одной. За вопросы..

– Давай... – Мы чокнулись. «За вопросы».

– И все же, Стас, почему?

– Опять же, как говорят в Одессе... «Вы не поверите снова, но...» атавизм такой зашевелился внутри. Отжившее понятие. «Совесть» называется, сволочь... Или сейчас уже не так? Но все равно... – Он сказал это без ухмылки, без рисовки и ёрничества, а с той виноватостью, с какой в детстве признавался друзьям, что испугался прыгать с гаража на сарай через заросший крапивой провал. Ну, испугал-

ся, потому что... «вот я какой». И никто не смеялся.

– Давай... – сказал я, берясь за графинчик.

– Давай... А еще... насчет этого атавизма. Начал царапать мне его... один юный засранец. До невозможности. Мой, так сказать, заезжий родственничек...

– Рыжий-конопатый? – сразу спросил я.

– Да! А ты... откуда знаешь?

– Да так... слышал...

– А... ну да... Ну да! Конечно... Тогда тем более...

– Давай, – сказал я опять.

Мы чокнулись вновь.

– Стас...

– Да? – Он вздрогнул и поставил рюмку, едва пригубил.

– Лично мне всего возврата не надо. Другим верни, а мне... Вместо этого сделай одну вещь. Обойдется, я думаю, дешевле...

Он сразу подобрался:

– Я слушаю...

– На западе, в Косом переулке, есть дом. Номер один. Продан на снос. Перекупи. Думаю, много не запросят...

Продолжая смотреть на меня, Стас вынул из кармана джинсовки мобильник. Понажимал.

– Антон? Слушай. Косой переулок, дом один. Старый дом продан на слом... Да... Перекупи. На имя... – Он посмотрел на меня.

– Пока на мое, – сказал я.

– На имя Тимохина Ивана Анатольевича... Что «когда»? Сегодня. Сейчас... Что значит «вечер»? Мне тебя учить? Конечно, бумаги потом, но факт – немедленно... Да, на любых... Я понятно сказал? Отбой...

Он убрал мобильник.

– Иван, документы не сразу, но хозяйничать можешь с завтрашнего дня.

– Спасибо, Стас...

– А если не секрет... Это тебе зачем? Строиться будешь на этом месте?

– Да нет, что ты... Может, подремонтирую то, что есть...

– Ольгу Максимовну хочешь сюда перетащить? – Ольга Максимовна была моя мама.

– Нет, она из Тальска никуда... Стас, извини, что не могу утолить твое любопытство. Я и себе толком не объясню. Так, причуды сознания. Что-то вроде тоски по детству... Может, поселю там бесприютных гномов, которые раньше жили в старых вагонах. А? Разве плохая идея?... Помнишь узкоколейку в Тальске?

– Если бы я не помнил...

– Ну вот... Давай по последней. А то Лидия, небось, уже в колокола бьет...

– Давай... – Мы глотнули и поднялись.

– Все, что касается дома, я завтра сообщу.

– Спасибо, Стас...

– Иван... «ты будешь опять смеяться, но...» это тебе спасибо. Ничего, если я позвоню как-нибудь... не по делу, а так?

– Звони, Стас, конечно...

Он протянул руку. Я – свою... «Но все же, Стас, извини, но снова менять имя в конце повести я не стану...»

Впрочем, Стас все равно не знал про мою повесть.

Когда я вернулся, Лидия на кухне мыла окно, а Вовка лежал пузом на тахте и читал что-то веселое, хихикал. Ну ясно, опять «Понедельник начинается в субботу». Он глянул на меня, извернув тощую спину, и сообщил с ненастоящим покаянием:

– Есть новость... ты только не ругайся. Тебе звонил редактор «Птицелёта»... – Он старательно прогоял со своей рожи лукавство.

– Уши надеру, – беспомощно пообещал я. Внутри противно засосало.

– Ваня, ну я же не виноват. Я... он просил тебя позвонить. Вон, я номер записал на календаре...

– Вечер уже, никакие «Птицелёты» не работают.

– Он все равно просил. Сказал «в любое время»...

– Кто-то из нас большой паршивец, – сообщил я, вовремя проглотив другое слово, сказанное недавно Стасом.

Вовка сокрушенно сопел: знаю, мол, кто.

Я – что делать-то! – позвонил. С великой надеждой, что сейчас получу от редактора «отлуп», поглотаю, как куски свиного студня, заслуженный стыд, и на этом все будет кончено.

– Иван Анатольевич! – услышал я предельно доброжелательный (и предельно бархатный) голос. – Прежде всего я хочу поблагодарить вас за то, что не забыли нашу просьбу. А за сим – о деле. Если вы не станете возражать, повесть мы для начала поместим в коллективный сборник «Такое было детство...»

– Что, вы уже прочитали? За один день?

– За два... Я хочу сказать, что эта вещь почти не требует редактуры. Только всякие стилистические мелочи и грамматика. Убрать опечатки... И еще... Если вы, конечно, не станете возражать...

– Слушаю вас... – Я не знал, рыдать мне или улыбаться. Надо бы, конечно, рыдать, но... Все равно я не имел права отказаться.

– Иван Анатольевич, у меня и у моих коллег вызывает некоторое сомнение один эпизод. Где этот чудесный мальчик, Матвейка, оказывается на площади, а потом убегает. Само по себе это написано прекрасно, только... надо ли в наше непростое время акцентировать внимание юных читателей на элементах социальной напряженности? Нельзя ли это сократить?

– Ни в коем случае! – радостно взвыл я. Вот он повод, чтобы забрать у них текст! Без нарушения данного Вовке слова.

– Вы меня не поняли, Иван Анатольевич! Это ведь не требование, а, так сказать, пожелание. Нет так нет, здесь полная ваша воля... Не смогли бы вы приехать к нам в понедельник для обсуждения условий и подписания договора?

– Не вздумай торговаться об условиях, – сдавленным шепотом сказал у меня за спиной Вовка. Что он, слышал разговор?

– Где вас найти? – обреченно проговорил я.

Редактор продиктовал адрес, я записал. И повернулся к Вовке.

– Доволен?

Он опять изображал раскаяние. Вытянул шею:

– Будешь драть? Уши?

– Провокатор...

– Не-а, – расплылся он. – Вань, а у тебя есть «Обитаемый остров»?

– Не «у тебя», а «у нас»... Вон там, на полке...

– Подсади меня...

Я приподнял его, легкого, как пластмассовый кораблик. Он безошибочно ухватил книгу и затанцевал посреди комнаты, перелистывая страницы.

И... только сейчас до меня дошло, что Вовка не в своей одежде, а в той что вчера – в трикотажных обвисших шортах и серой тонкой фуфайке с утенком-флибустьером. Меня поскреб суеверный холодок.

– Ты... чего это так нарядился?

Но Вовку не беспокоили никакие страхи.

– Аркаша мне это отдал насовсем. На память. Мы говорили по телефону... А я ему отдам свою футболку с индейцем, мама Лидия разрешила, только сказала: «Вы заморочили мне голову»... Он со своей мамой уедет на три дня, а потом приедет, и я пойду к нему. Мы будем дорисовывать альбом с бабочками... Я его разгладил утюгом, через полотенце...

– Аркашу? – глупо сострил я.

Вовка обрадованно захохотал.

Вошла Лидия. Принюхалась и сказала:

– Все ясно. Не дыши на ребенка.

Утром, около девяти (Лидия уже ушла), позвонили снизу в домофон.

– Господин Тимохин? Пакет от Станислава Юрьевича...

Появился высокий тип в кожаной безрукавке, с выправкой опытного официанта. Протянул твердый, из картона, конверт. Щелкнул каблукми и отбыл. В конверте были два плоских ключа и листок. Стас писал:

«Иван! Вопросы с бумагами – на той неделе. Всю возню я возьму на себя, но тебе надо будет расписаться в нескольких местах. А ключи – вот. Они от новых замков, хозяин врезал их недавно, сказал, что прежний замок был сломан злоумышленниками. Пока – всё. Будь.

Станислав.»

Вовка тянул шею из кухни, где только что рас-

правился с яичницей.

– Смой с любопытной физиономии желток и собирайся в путь.

– Куда? – подскочил он с веселой готовностью.

– До-мой, – веско сообщил я. Он помигал. Кажется, что-то понял.

Но на улице Вовка, разумеется, пристал с вопросами. Пришлось объяснить. Он... ускакал вперед, развернулся и, пятясь, впери в меня синие смотровые щели. Но тут же глаза распахнулись и сделались... да, наверно, как у Карузы-Лаперузы в момент получения медали.

– И это будет совсем-совсем наш дом?

– Да. Вроде дачи... По сути дела это будет *твой* дом. Как и был...

– Нет *наш!*.. А мама Лидия знает?

Ох, «мама Лидия» еще не знала о моем безумном поступке. Но... я знал Лидию, и моя интуиция подсказывала, что этот поступок она признает закономерным, хотя сначала и подвергнет сокрушительной критике.

– Мы убедим ее. К тому же, дело сделано... А через неделю мы с тобой на несколько дней съездим в Тальск...

– К твоей маме?

– И к Лёльке...

– А как ты объяснишь, кто я?

– Для начала скажем, что дальний родственник Лидии. А потом – что наш приемный сын.

Продолжая пятиться, этот обормот осмелился на замечание:

– Мама Лидия вполне как мама. А ты на папу, наверно, не тянешь. Скорее, как старший брат.

– Это не помешает мне накрутить твои уши за нахальство!

– Крути, – покладисто сказал он. – Такое у старших братьев право. Но когда мы приедем в Тальск, я наябедничаю на тебя твоей маме. И она накрутит уши тебе.

– Сроду она так не делала!

– Ну и зря... Ой, я хотел сказать, что правильно!

– Вредина.

– Да... То есть нет! Я уж-жасно хороший... Ваня, а что мы будем делать в Тальске? Ну, повидаемся. А еще?

– Посмотришь на большую реку, на пароходы... На теплоходы то есть. Покажу те места, где было... ну, многое из того, как в моей истории...

Вовка перестал пятиться. Снова пошел рядом. Показалось мне, что он хочет о чем-то сказать и боится. И все же он сказал, поглядывая нерешительно, как-то по-птичьи:

– То, что было в твоей истории, было не в Тальске, а здесь...

– С чего ты взял?!

– Так... взял, вот и все... Ну да, там тоже было многое, но главное все же здесь. Сейчас.

Я с полминуты морщил лоб, пытаюсь найти в

Вовкиных словах какой-то смысл или подтекст (ведь говорил-то он серьезно!) Ничего не нашел. И повторил:

- Интересно, с чего ты все это взял?
- Я не взял. Это само... взялось...
- Ну и ладно, – сказал я примирительно.

Мы повернули было с Тургенева на Магнитную, к автобусной остановке, но Вовка вдруг тормознул сандалией и взял меня за руку.

– Ваня, пойдем пешком! Ну и что же что далеко? Зато интересно...

– Пойдем...

В самом деле, чего маяться в бензиновой толчее, когда погода чудесная и никто нас не торопит...

Вовка потянул меня через Гагаринский сквер, на старую Знаменскую улицу с ее покосившимися особняками и недавно отреставрированной церковью восемнадцатого века. Начинали цвести высокие тополя. Местные власти еще не успели повырывать здесь эти «сорные» деревья, и от них веяло прохладой. Пахли тополя так, словно недавно прошел дождик, хотя с утра не было ни облачка. Вовка отдувал от лица редкие пушинки. За церковью улица стала совсем деревенской, одноэтажной. А рядом с дорогой потянулась заброшенная трамвайная линия – такая же, как недалеко от озера.

Мы перешли с тротуара на эту линию, в лопухи и зацветающий иван-чай.

– Похоже на узкоколейку, – сказал Вовка. – Рельсы лежат широко, но такие же заросшие.

- Похоже, – сказал я.
- А вон совсем похоже...

Слева от линии были сложены штабелем длинные остроганные бревна, они золотились на солнце. На бревнах шеренгой сидели пятеро. Двое – мальчишки лет двенадцати, в подвернутых джинсах и выгоревших сизых майках. Один светловолосый, стриженный ежиком, другой темный и круглолицый. Слева от них – девочка в синем сарафанчике, с короткой стрижкой и решительным лицом. А левее девочки – тощий длинноногий мальчуган в летнем костюмчике, словно сшитом из сине-белой тельняшки, и вплотную к нему смуглая полная девочка с темными косами и в пестром, как восточный ковер, платье.

Круглолицый мальчишка, нагнувшись вперед, убеждал остальных:

– У Портоса фамилия была дю Валлон. Почти как моя. Меня даже в школе так называли. Гад буду, не вру!..

– Дю Валлон, я тебя убью, – сказала девочка в синем сарафане.

Мальчик в «тельняшечьей» одежде тоже нагнулся вперед. Спросил сипловато:

– А может, он и правда поедет по этим рельсам? Тот паровоз...

– Посидим еще, – решил стриженный ежиком мальчик. Похоже, что он был главный.

Мы прошли метрах в трех от штабеля, но ребята не обратили на нас внимания.

– Ну, что? – сказал Вовка.

– Что? – сказал я.

– Сам теперь видишь: если хорошо придумано, значит, есть на самом деле.

– Это просто совпадение...

– В жизни на каждом шагу совпадения, – сообщил Вовка совершенно философским тоном.

Я не знал, что ответить. Судя по всему, Вовка был прав. Но все же я возразил:

– У того... похожего на Карузу, на тельняшке нет медали. И ленточки нет... Ленточка была бы заметна: продольные полосы на поперечных.

– А ее и не может быть. Пока... Потому что Дня флота еще не было... Будет в июле.

– Фантазер, – буркнул я для порядка.

– Ну и что? Ну и пусть фантазер... В августе я пойду по этим рельсам с деревянным мечом и с желез-

ной круглой крышкой. И познакомлюсь с ними. Вот увидишь...

– А как же Аркаша? – осторожно напомнил я.

– А что Аркаша? Сперва пойду я, а следом он. Что такого? Разве нельзя? – Вовка слегка обогнал меня и заглянул в лицо. Требовательно так. Чего, мол, споришь?

– Да нет, я не спорю, все правильно, Вовка.

Было ясно, что он образовывает в пространствах новую причинно-временную связь, и трогать эту невидимую струну ни в коем случае нельзя.

Мы несколько минут шагали молча. А потом... Потом Вовка испугался. Очень! Он опять обогнал меня и встал на дороге.

– Иван!

– Что? – сразу перепугался и я.

– Я вспомнил!

– Что?

– Я вспомнил, про что говорили *Те!*..

– Вовка... – выговорил я с упавшим сердцем. – Они много чего говорили. Но ничего плохого... Правда...

Смотровые щели опять были беспощадно синими.

– Я вспомнил. Они говорили, что из твоей жизни уберется столько лет, сколько прожил я!

«Слава Богу, ты, кажется, не услышал, что пуль было две...»

– Чушь какая, – сказал я совершенно беззаботно. – Это надо же, что почудилось ребенку... Хотя в таком состоянии немудрено...

– Но я же слышал... – повторил он уже не так уверенно...

Я шагнул к нему. Я взъерошил его волосы. Я сказал, как умудренный взрослый маленькому мальчику, испуганному нелепым сном:

– Вовка, я верю, что тебе *показалось, будто ты слышал*. Это был обычный бред раненного человека. Мало ли что покажется пацану, в которого вогнали две пули. Забудь.

– Значит, этого не было? – Синева была такая, что очень трудно соврать. Но я соврал.

– *Этого не было*.

– Честное слово?

Вот за... то есть паршивец!

– Вольдемар, – проговорил я, заложив руки за спину и покачивая себя с пяток на носки. – Довожу до твоего сведения, что у меня с детства есть примета: не давать честное слово чаще раза в месяц. Недавно я тебе слово уже дал: насчет издательства, будь оно неладно. В дальнейшем уволь... Я тебе просто по-джентльменски сообщаю, что такого там не звучало. Доволен? – При этом я на всякий случай скрестил за спиной пальцы.

Не знаю, поверил ли он до конца. Но, судя по всему, почти поверил. Может быть, потому, что этого ему очень хотелось, а бояться не было сил.

– Смотри, бабочка, – сказал я. – Какая большущая, синяя. Таких я здесь никогда не видел... Да вон, вон...

Вовка оглянулся.

– Ой... это «адмирал»... – Он побежал за «адмиралом», но тот быстро набрал высоту и растаял в синеве. Вовка стоял, задрал голову. Волосы золотились...

Я тоже смотрел вслед улетевшей бабочке. Пахло всякими травами и ржавчиной старых рельсов. Звенела тишина. Если бы сейчас из этого звона и струящегося воздуха возник старинный серебристый паровоз, я бы не удивился...

А что касается напоминания об отобранных у меня годах, то сейчас оно не казалось страшным. Потому что я знал способ, как вернуть эти годы.

Надо только протянуть как-нибудь восемь лет. А потом, в июне две тысячи двенадцатого, планета Венера снова пересечет диск Солнца. И глядя на них через Вовкин монокуляр, я скажу: «Солнце, Земля и Венера, сделайте, что я прошу. Верните отнятые у меня годы»... И я знаю, что это сбудется.

Правда, в нашей стране в момент прохождения будет уже ночь, но можно уехать куда-нибудь за границу. За восемь-то лет как-нибудь подготовлю такую поездку... Например, возьмем да укатим с Вовкой к его тетушке в Канаду. Конечно, сперва ее придется убеждать, что «случилась ошибка». Но и на это есть время.

Я наведу на Солнце объектив с фильтром и скажу... Те самые слова... Если только к той поре у меня не созреет более насущное желание. А если созреет, за меня скажет что надо Вовка.

Главное, чтобы в тот день облака не закрыли солнце.

...Здесь вопреки всем литературным традициям и в ущерб сюжету автор решил вместо эпилога поместить свое очень давнее стихотворение. Вот оно.

Заросшая узкоколейка –
Путь из волшебной страны;
Тополя листики клейкие,
Запах поздней весны.
Светкин пушистый локон
У твоего лица...
Свет из знакомых окон,
Мамин голос с крыльца...

Дождики босоногие...
Мяч футбольный в пыли...

Это было у многих.
А многие сберегли?

Зачем здесь эти стихи? Кому надо, тот поймет. Кто не поймет, пусть забудет... А мне они нужны. Именно в этом месте, в конце...

ЭКСПЕДИЦИЯ

для детей

Экспедиция. Когда произносишь это слово, в памяти встают картины-образы из жизни легендарных путешественников, деревянные корабли и лодки, навьюченные лошади и ослики, усталые и измождённые лица, иногда с грустными глазами, промерзшие от пронизывающего холода полярных ветров и загоревшие от жаркого светила. Все они претерпевали сложнейшие лишения в этих самых экспедициях. Но всегда эти люди были несгибаемой силы и веры в своё дело, чем вселяли в меня ещё больше уверенности в необходимости участия в экспедиции.

Испокон веков организация экспедиции – дело непростое и хлопотное. Необходимо купить оборудование, тщательно выбрать участников, и дальше, казалось бы, и иди себе, пилигрим, исследуй нашу планету. Очень многие так и думают. Но это абсолютно не так.

Нужна чётко сформулированная задача, ясные цели и пути достижения их, а также хотя бы немного профессионализма.

Экспедиция не прогулка, даже если она «проходит» неподалёку от твоего селения, не категорийный маршрут, а гораздо большее.

Попасть в экспедицию могут лишь счастливики. И уж, какой подросток не мечтает об этом даже в наше время! Но детей обычно в подобные поездки стараются не брать, пусть они (дети) и взрослые уже. И этому есть весьма логичное объяснение. Работать каждый подросток может только по пять часов в день, остальное время им заниматься нужно, раз-

влекать. Проку мало, зато нервотрёпки может быть очень много.

Но вот этим летом части уральской школьной молодежи посчастливится – таки попасть в такую экспедицию. Археологическую. Причина для этого есть, и притом весомая. В Североуральском районе на озере Нижнем одним из екатеринбургских учёных-археологов Сергеем Евгеньевичем Чаиркиным сделано важное открытие: на береговой линии вышеупомянутого озера найдено поселение мезолито-неолитического времени.

Уже первые работы на Нижнем принесли поразительные находки: шлифованный топор-тесло из кремнистого сланца, долото-стамеска, скребки, наконечники для стрел, множество пластин и фрагменты керамики восточно-уральской неолитической культуры. Примерный возраст «улова» – от шести до девяти тысяч лет. По предварительным данным, объём работ, который необходимо провести, колоссален. А потому необходимо большое количество рабочих рук.

Вот так и родилась идея создать детскую археологическую экспедицию. В течение августа три отряда юных археологов из Североуральска, Серова и из городов Среднего Урала будут помогать учёным из Научно-практического центра по охране и использованию памятников культуры Свердловской области осуществлять поисковые работы.

Кроме непростого, но интересного занятия на раскопках, ребята получат возможность ис-

следовать красивые и суровые места Северного Урала. Их ждёт поход в Черёмуховские пещеры – Чертово городище, где им покажут стоянки манси, коренного населения Урала, ребята пообщаются с сотрудниками заповедника «Денежкин камень» и городского краеведческого музея, будут организованы небольшие радиальные походы-вылазки в Усольцевскую пещеру, на озеро Светлое, а также организаторы постараются сводить подростков на одну из вершин Уральских гор – Кумбы, что горделиво возвышается над городом Североуральском. Ну и, конечно, 15 августа будет вечер-посвящение в юные археологи, чтобы ребята смогли надолго

запомнить эту поездку. Подробности подготовки к этой экспедиции, новости и результаты мы обязательно опубликуем в следующих номерах журнала.

А. Слепухин,
директор туристической фирмы
«Команда Искателей Приключений»,
действительный член Российского
Географического Общества,
врач, путешественник
КОМАНДА ИСКАТЕЛЕЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ADVENTURERS TEAM

Археологические находки. Экспедиция на реку Пома - июль 2004.

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. соответствие темам:

- * Урал – горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...
- * По следам предков

2. предоставление информации о снимках:

- * Условное название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)

- * Персонаж (если известно)

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

- не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)
- или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

МЫ - УРАЛЬЦЫ!

Победитель фотоконкурса Алексей Чарушников

Группа туристов под руководством Алексея Чарушникова (турклуб «Новатор») провела экспедицию по южноуральской реке Сакмаре. Были исследованы скальные выходы по берегам реки.
Цифровая камера LUMIX DMC-FZ10.

Чеурин Геннадий Семенович – Действительный член географического общества России. Почетный полярник.

Имеет многолетний опыт организации и проведения длительных полевых экспедиционных исследований в системе Российской Академии Наук.

Участник полярной (1982-83 г.г.) экспедиции на собачьих упряжках вдоль северного побережья России – от Уэлена до Мурманска, Уральской (1986 г.) – от Карского моря до Каспийского.

Работает над проблемами личной и общественной безопасности более 20 лет.

В 2003 – 2004 г. – соорганизатор этноэкологической экспедиции «Былина».

В 2005 г. – научный руководитель учебно-оздоровительной экспедиции «Сибирский путь».

В настоящее время работает над диссертацией по теме «Эвристические методики воспитания навыков выживания в природных и социальных экстремальных ситуациях у младших школьников».

РАЗВЕДЕНИЕ КОСТРА В СВЕРХСЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ

Советы специалиста

Известно, что и в мире в целом, и в России в частности стрессы – практически неотъемлемый элемент ежедневной жизнедеятельности. И неизбежной является необходимость постстрессовых восстановительных процедур. В противном случае накопившаяся усталость превращает мирного и доброго человека в личность агрессивную, способную даже против своей воли нанести вред как окружающим, так и самому себе.

А одним из основных элементов квалифицированного снятия стресса является в России общение с природой. Но вот насколько наша российская погода нам позволяет с ней общаться? Считанные летние денечки!?

Но это ограничение и выводит на первый план умение главы семьи при необходимости быстро и надежно развести костер. В любую погоду, из любых дров, хоть зимой, хоть летом после холодного ливня. Не умеющий этого, как ни печально, под любым предлогом отменит запланированный семейный поход в лес. По одной простой причине – из-за своей неуверенности.

Вот почему данное искусство Автор считает необходимым элементом русской мужской культуры. Да и, конечно, не только русской, но и всех других многочисленных народов России!

Итак, представим: октябрь-ноябрь; третью неделю идет дождь со снегом, все дрова в лесу промокшие и замерзшие. Никакого запаса для растопки, естественно, нет. Впереди ночь! Все снаряжение – случайный коробок спичек, которые еще и оказались сыльно отсыревшими.

Поэтому подробно приводим методику, которая является своеобразным синтезом многотысячелетнего опыта коренных северных народов, древнерусских методик и личных практических разработок Автора.

Вначале отметим: традиционный северный (российский) курс выживания в экстремальных ситуациях на природе (и не только на природе) имеет в качестве основы гуманитарные, культурологические (экологические) методики общения с окружающим миром (в отличие от общепринятых повсеместно «информационных» и «героических»). Именно культура позволяет человеку, изначально доброму, мобилизовать свой творческий потенциал и при необходимости самому придумать выход из любой ситуации.

Следует учесть: разучить в кратчайшие сроки все способы, приемы и методики разведения и поддержания огня в сложных условиях практически невозможно. Знайте основной принцип:

Костер считается полноправным членом группы, а еще лучше – новорожденным. Проникнувшись этим чувством, вы, даже впервые в жизни приступив к разведению огня – даже под дождем, из сырых дров, – тем не менее все сделаете правильно. По крайней мере, не допустите грубейших ошибок. И костер у вас обязательно получится.

(Не следует, конечно, ожидать появления устойчивого огня через 5–6 минут, как это бывает в летнюю жару. В сложных условиях даже профессионалы тратят на это не менее 1–1,5 часа (!!!))

Еще раз предостережем. Ни в коем случае не принимайте наши советы как единственно верное руководство к действию. То, что Вы сейчас узнаете, придумано Автором и его подопечными именно самостоятельно, без конкретной информации. И вам желаем в первую очередь именно этого творческого состояния. А дальнейшие советы – исключительно для желающих получить конкретные рекомендации. Не более того!

Итак, приступаем:

Самое первое – привести себя в состояние способности думать и работать. Т.е. обогреться самому, в первую очередь обогреть руки и голову.

Обогрелись? Повеселели? Теперь подумаем о нашем будущем подопечном.

Семья, заводя ребенка, загодя думает о необходимых ресурсах. В нашем случае – это запас дров, как минимум, до утра. И – самое главное – «растопка».

Вот с нее и начнем. Запомните: лежащих на земле сухих веток практически не бывает. Но вот самые

«добрые» наши деревья – молодые ели и сосны – приготовили для нас у основания стволов сухие тонкие веточки.

Иногда и они оказываются влажными. Более того – оледеневшими. Но основная влага – в коре. Достаточно ее снять. Если даже ножа нет, действуйте зубами.

Необходимо 10–15 палочек со спичку (или чуть более) величиной. И еще около десятка – в 1–2 спички.

Если таковых сосновых или еловых веточек у основания стволов не нашлось, ищите ветки толщиной 2–3 см. с сухой сердцевинкой. Разломленные «с щепой вдоль волокон» они будут искомым материалом. Но если вы нашли в лесу несколько камней (что зимой, конечно, проблематично) – то вы все сделаете. Разбейте камнями ветки – и растопкой Вы обеспечены.

Но ... достаточно сухая ли эта растопка? Вот подсушите бы! Но есть ли время? И главное – где?

Время есть. Вы 15–20 минут (а ночью – больше) будете заняты поиском и сбором запаса дров. И есть где!

Через какую часть тела уходит до 70% количества тепла? Через голову!

Вот и используйте свою даровую «печку»! Вдобавок это еще и самое сухое место на теле человека.

Полтора – два десятка палочек – растопку по одной втыкаем в волосы. Сюда же – отсыревшие спички по одной. Надеваем шапку – и вперед.

Далее – запас дров. Даже самый срочный костер должен в итоге гореть без присмотра 5–8 минут, не менее, пока Вы не принесете новую порцию дров. Иначе придется начинать все с начала. Критерий устойчивости следующий. надежное горение палочки толщиной в человеческий палец.

Таковых дров и необходимо заготовить обязательно. Причем 5–6 видов – от имеющейся уже в голове в волосах растопки – до самых толстых, с палец. Количество каждой – не менее охапки, охватываемой двумя ладонями.

Сухие дрова можно добыть, обломав нижние сучья. Не забудьте о мерах безопасности. Падение тяжелого сучка на голову – опасность большая!

Теперь перейдем к еще одному из главных моментов – подготовке основания для костра. Неоднократно отмечено: костер, разложенный на сырой мерзлой земле (а тем более – на снегу), едва разгоревшись, неожиданно гаснет. Почему?

Вернемся к нашему основному принципу. Вы никогда не положите новорожденного на холодную землю. Именно поэтому под заготовку для костра вы обязательно делаете подстилку – помостик из плотно сложенных поленьев. Иначе испаряющийся снизу холодный влажный воздух просто-напросто загасит в самом начале ваш еще слабый костер.

Эти действия, Автор подчеркивает, вы совершите автоматически, не задумываясь, если у вас есть хотя бы самый элементарный родительский инстинкт!

Более того, если есть ветер, то помостик легко превратить в «колыбельку».

Как помостик, так и «колыбелька» изготавливаются из сухого мелкого подлеска, который есть в изобилии в сосновых и еловых лесах. Их легко свалить усилиями одного человека (толщина 5–10 см).

«Колыбельку» можно и усовершенствовать – снять сырую кору. А еще, – если есть камни, – «размозжить» камнями верхний слой древесины – сделать «колыбельку» сухой, «мягкой и пушистой».

Теперь о форме костра. Для только что рождающегося оптимальной является «шатер».

Но сложить шатер из тонких веточек, да еще замерзшими негнущимися пальцами – достаточно сложная задача. И здесь – то и проявляется еще одно свойство «колыбельки»: две длинных тонких палочки, положенные на края – и на их перекрестье «шатер» складывается элементарно.

Начинаем работу – склоняемся над костром. Обычно это делают, сидя «на корточках». И это влечет за собой ряд ошибок:

– защиты от дождя, снега и ветра практически нет;

– поза ваша неустойчивая – покачнувшись, вы можете неосторожным движением развалить тщательно сложенный костер, и все придется начинать сначала. Потеря времени на грани замерзания может стоить жизни вам и вашему товарищу;

– сидя «на корточках», вы уже через несколько минут почувствуете, что ноги начинают «затекать» и, как следствие, быстро замерзать (!).

Какой же выход? Вспомним: когда мать, будучи в лесу, перепеленывает ребенка прямо на земле, она никогда не сидит на корточках. Она всегда стоит на коленях! Встаньте и вы перед костром на колени, спиной к ветру.

Далее к вам сразу, на уровне ощущений начинается само приходить знание, на освоение которого можно было бы потратить много не только часов, но и дней. Лекций и практических занятий. Здесь же вы начинаете догадываться сами:

– встав на колени вплотную к костру, вы можете наклоненной головой закрывать его сверху от дождя и снега;

– застегнутая куртка (а тем более полушубок) будут вам мешать работать. Расстегнув верхнюю одежду, вы обеспечиваете ее лапами боковую защиту от ветра. На этот момент можно даже вынуть руки из рукавов;

– свисающий с шеи шарф начинает вам мешать работать. Как этот шарф применить? Засунуть в карман? Но... здесь уже Автор не может удержаться от информации, мало кому известной: заслонив собой будущий костер от ветра и не ощущая этот ветер лицом, мы забываем о нижнем холодном потоке. Да-да, простите за натурализм, но между широко (для устойчивости) расставленными ногами идет со спины мощный поток холодного воздуха, вами не замечаемого. Что с ним делать? Остановить свернутым шарфом, зажатым между коленей!

Далее. Ваши чувства ощущения окружающего мира, а значит, и способности к придумыванию, еще более обостряются. Встав коленями на холодную мокрую землю, а тем более на снег, вы быстро почувствуете дискомфорт! Выход? Сделать подстилку – помостик из нескольких толстых веток!

Однако колени – достаточно нежная часть тела. Стоять ими на грубых сучьях неудобно. Надо что-то подстелить! Что?

Рукавицы! Именно в этот момент они становятся «ненужными», т.к. пора приступать непосредственно к складыванию костра. Именно в этот момент можно допустить поистине трагическую ошибку – в спешке положить рукавицы на сугроб рядом с собой. Через 3–4 минуты, раскрытые, они внутри станут холодными! А как потом отогреть руки?

Более того, вы в спешке (а тем более в сумерках, в темноте), можете, шагнув в сторону за порцией дров, наступить на рукавицы, втоптать их в снег и до утра – потерять! А это уже предпосылка, либо прямая причина возможной трагедии.

Подложенные же под колени рукавицы всегда теплые и всегда находятся на известном месте. Тем более это ценно при работе в темноте, нередко на ощупь.

Итак, вы устроились поудобнее на коленях перед будущим костром, заслонили будущего «новорожденного» и ... можно приступать.

Снимаем шапку, тщательно выбираем из своих волос просохшие лучинки – растопку и из них в нашей «колыбельке», на пересечении основных палочек выкладываем шатер. Оставляем сбоку небольшое отверстие, в которое затем будем просовывать горящую спичку.

Далее ключевой момент – зажигание! Много ходит легенд об особом шике разведения костра «с одной спички». Поверьте Автору, все эти истории – из опыта летних дневных пикников с сухими дровами. На ветру, на морозе, с негнущимися мокрыми пальцами эта попытка может оказаться причиной трагедии.

На ветру спичка быстро гаснет. Поэтому оптимальнее пользоваться «факелом-запалом» из 3-х спичек, сложенных «наискось». Головки последовательно загораются, и даже на ветру вы успеете ввести «факел» под «шатер».

И как только огонек побежал по растопке, начинайте тонкими палочками наращивать ваш шатер. Особенно надо следить, чтобы не было широких отверстий сбоку, из которых вырывается огонь. Отверстие – это, во-первых, отсутствие «крыши» от дождя, снега и ветра, во-вторых, – отсутствие отражения излучаемого, такого ценного, тепла обратно в «сердце» костра.

С этого момента можно даже разговаривать с костром. Как «про себя», так и вслух, если вы одни в лесу. Впрочем и ваши товарищи, я думаю, вас несомненно поймут.

Тем более, проникнувшись этим самым родительским чувством, они не совершат еще одной

ошибки – не будут приставать к вам с советами в самый напряженный момент. Тем более не будут жестко критиковать вас за временные неизбежные ошибки.

Запомните: никогда не следует разводить костер вдвоем! Тем более, втроем! И уж ни при каких обстоятельствах – перед «зрителями»!

Ни на минуту не забывайте: когда наш «новорожденный» костер подрастет, осмелеет и в свою очередь, станет кормить вас, то все ваше душевное тепло он вернет вам же многократно! Не бойтесь потратиться сейчас!

И когда шатровый костер «войдет в силу» и ваша малочисленная группа увеличится на целого самостоятельного участника, можно ему доверить также самостоятельную работу – превратиться, в зависимости от обстоятельств, в необходимый костер известного вида: «колодец», «нодью», «звезду» и т.д.

Завершая тему «рождения костра», сообщим еще некоторые тонкости:

– вы никогда не станете общаться с ребенком в неухоженном месте. По аналогии – вы не ста-

нете разводить костер среди пожароопасных завалов сухого хвороста;

– ребенка, еще слабого, вы ни на минуту не оставите без присмотра. Точно также ваш костер никогда не перекинется в лес незаметно для вас;

– попробуйте после нескольких рюмок спиртного пообщаться с ребенком (а еще лучше – вспомните, как с вами в детстве разговаривали пьяные) – и вы поймете, какво костру в окружении нетрезвой компании;

– и наконец, вы никогда, ни при каких обстоятельствах не оставите своего товарища, а тем более ребенка в лесу одного! И именно поэтому вы никогда не оставите в лесу непотушенный костер! Ни зимой, ни летом, ни в какую погоду!.. Даже если вам будет что-то угрожать!

Итак, костер надо потушить. Так что же, убить его? Ни в коем случае! Не применяйте грубых способов тушения костра!

Его надо «уложить спать»! Под «одеялко» из земли, снега, водички. В крайнем случае – разложив головни «порознь», чтобы они быстро потухли. Костер, «убаюканный», уснет! А на следующей стоянке вам лично уже достаточно будет его «разбудить». В своей душе!..

В заключение обратим особое внимание: если вы и ваши дети регулярно общаются с огнем в лесных походах (как летом, так и зимой), то у них никогда не возникнет желания сделать то же самое в квартире!

И если вы, уважаемый читатель, освоите эти нехитрые приемы, то наградой будет принципиально новый уровень вашей культуры общения с окружающим миром. Культуры многотысячелетней, нашей, исконной русской, северной, которая и позволяла нам всем не просто выживать на этой земле, но и жить счастливо.

В добрый путь! И приятного вам общения с лесом. И он, почувствовав вашу доброту и ответственность, откроет тайны, о которых даже самые умные Учителя не подозревают!

Истоки

ДРЕВНИХ ТРАДИЦИЙ

В культурах древних цивилизаций особое значение придавалось сохранению священных традиций, игравших огромную роль в Древнем мире. В них находили отражение и закреплялись в виде мистерий, празднеств, обрядов, сакральной архитектуры и живописи наиболее значимые события древности, поэтому они несут важную информацию о возникновении и развитии цивилизации. Однако расшифровать эту информацию непросто, поскольку тайный смысл традиций тщательно «маскировался» и был доступен только «посвященным». Другая проблема заключается в том, что с течением времени изначальные мотивы традиций растворяются в толще тысячелетий, и до наших дней доходят только их весьма искаженные и малопонятные «тени». Например, уже древние египтяне ко времени правления Тутанхамона (около 1400 лет до н.э.), по прошествии тысячи лет со времени построения пирамид в Гизе, слабо представляли, кто их построил и с какой целью. В настоящее время тем более нет однозначного понимания смысла древних традиций, и на этот счет выдвигаются различные гипотезы.

По моему мнению, одним из ключевых, если не основным, элементом эзотерических древнейших традиций является мотив спасения корабля-ковчега на горе во время легендарного всемирного потопы. Если спасение цивилизации во время глобальной катастрофы имело место в действительности, то оно непременно оставило неизгладимый след в памяти человечества. Соответственно, оно должно было стать кульминационным моментом в архаичной истории.

И действительно, в древних мистериях достаточно отчетливо проявляются «зашифрованные» мотивы «опасного скитания в водах потопа» и «поклонения спасительной горе», что нашло соответствующее отражение и в сакральной архитектурной традиции, и в религиозно-мистических обрядах. В предыдущей статье эта традиция была обозначена мною на примере Древнего Египта. Однако она присуща всем культурам древних цивилизаций, от которых ее нити тянутся в опосредованном виде через тысячелетия до наших дней. Событие чудесного спасения от потопа с древнейших времен одинаково прочно закрепилось в священных мистериях различных стран и народов, независимо от различий в культурных традициях. Таким образом, можно говорить об общей для всех народов сакральной традиции «спасения из вод потопа», берущей начало в архаичную эпоху. По своей сути, возводимые древними зодчими египетские и американские пирамиды, месопотамские зиккураты, соборы, церкви, минареты, базилики, обелиски, холмы скифских курганов и прочие священные сооружения повсеместно были призваны символизировать «Великую Гору», а сопряженные с ними ритуальные церемонии восславляли спасение человечества на этой горе из вод потопа. Понимание сакрального смысла этой древней мистерии проливает свет на многие особенности религиозных традиций и культовой архитектуры с древнейших времен до наших дней.

Обязательным элементом сакральной традиции является возведение символической модели горы — пирамид, обелисков, курганов и так далее. Зачастую вершина сооружения выделяется позолотой или белой облицовкой, имитируя заснеженную вершину высокой горы. В России это позолоченные купола церквей или, например, белые шпили здания Исторического музея в Москве. При этом следует отметить, что символизм горы присущ не только архитектуре, но проявляется и во многих других атрибутах древних традиций. Например, головные уборы богов, правителей и жрецов различных цивилизаций Древнего мира также связаны с символизмом горы. Примеров этому несчетное количество во всех древних культурах, и их отголоски прослеживаются в последующие эпохи. Достаточно сказать, что в древнейшем шумерском городе Эреду на самой заре древневосточной цивилизации уже присутствовал этот культ; архео-

Легендарная двуглавая гора Арарат

логами там найдена алебастровая статуэтка мужчины с высоким конусообразным шлемом.

Соответственно, и боги древнего мира являются обитателями «великой горы». В преданиях каждого народа есть священная «Гора Богов», наподобие греческого Олимпа, откуда эти боги или их посланники спускаются к людям с цивилизаторской и управляющей миссией. Достаточно показательны отрывки о богах из древнейших памятников письменности, например, из месопотамских текстов (из книги М. Белицкого «Шумеры. Забытый мир»):

«...Рожденный в горах...Я, Энлиль (великий бог)...».

«...О, Шумер, великая земля среди всех земель вселенной...Твой царь – «Великая гора» отец Энлиль...Ануннаки («те, кто спустился вниз»), великие Боги, избрали тебя своим обиталищем...».

«...О, Госпожа,...О, Нинмах (великая богиня)... да будет холм, насыпанный мной, героем Нинуртой, назван Хурсаг, (горой) и да будешь ты его царицей».

В рамках всеобщей и всеохватывающей традиции «великой горы» можно выделить отдельное «специализированное» направление, связанное с легендарной двуглавой горой Арарат, известной нам из библейских преданий. Это направление традиции уходит корнями в древнюю Месопотамию с ее культом двух башен на храмах-зиккуратах, повторяющих идею двуглавого Арарата. Поскольку зиккураты (аналог ступенчатой пирамиды) означали «священную гору», то наличие двух башен на одной платформе трудно объяснить иными мотивами, кроме отождествления их с двуглавой горой. И это является прямым подтверждением библейских сказаний о спасении корабля-ковчега на Арарате.

Следует отметить и некоторые другие черты древних традиций, которые можно вполне закономерно

связать с культом двуглавого Арарата. Это, например, возведение двух парных колонн, обелисков, башен. Короны египетских богов Амона, Мина, Себека и других представляют собой два высоких парных конуса. Или корона из двух конусов дракона Мушхуша, спутника вавилонского бога Мардука. Что характерно, эти два конуса немного разнятся по величине, в соответствии с прототипом – Араратом, у которого пик Большого Арарата выше пика Малого Арарата. Два конуса символического предназначения (опять-таки разной высоты) были обнаружены Флиндерсом Петри в храме пещеры Хатор на горе Синай. Древнеегипетское изображение священной горы также представляет собой два горных пика, в седловине между которыми восходит солнце (по представлениям египтян именно эти два горных пика поддерживают небо). На древних хеттских рельефах в Язылыкая мы видим бога, символически стоящего на вершинах двуглавой горы. На изображении из Месопотамии бог Уту (бог солнца в Древнем Шумере) выходит из-за пиков двуглавой горы Машу (она ежедневно стережет восход и закат). Или два священных холма богини Ану в Ирландии. Список подобных примеров можно продолжать долго, и они являются воплощенным подтверждением библейских преданий о двуглавой горе Арарат, куда причалил легендарный Ковчег. Для наглядности отрывок из древнеегипетского текста (из книги Р.Кларк «Священные традиции Древнего Египта»):

«Приветствую тебя, Осирис, сын Нут... повелитель Двух Холмов, повелитель всего, что ниже...».

Отдельным направлением священной традиции и наиболее приближенным, на мой взгляд, к прототипу – Арарату является знаменитый комплекс египетских пирамид в Гизе. При сопоставлении снимка Арарата с планом застройки плато Гизе видно, что взаимное расположение и размеры основных и побочных горных пиков Арарата соотносятся с планом пирамид, в том числе имеется соответствие для Сфинкса. Известно также, что пирамиды изначально были покрыты облицовкой из белого известняка (которая сегодня сохранилась только частично). По всей видимости, белая облицовка была призвана дополнять сходство пирамид с заснеженными Араратскими горами. Когда воды Нила, как свидетельствуют историки, во время разливов заливали большие пространства, среди обширной водной глади высились белые пики пирамид, как бы символизируя спасительные горы. Наиболее древние египетские документы прямо свидетельствуют, что Великая пирамида была построена в память о глобальной катастрофе планетарного масштаба, которая привела к пожарам и затоплению больших территорий на земле. Кроме того, из древнеегипетских «Текстов пирамид» можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что пирамиды предназначались для проведения мистерии спасения из вод потопа.

Первопричинные мотивы сакральной традиции «великой горы» с течением тысячелетий стерлись из памяти человечества, но внешние атрибуты традиции

Древнеегипетский бог Амон

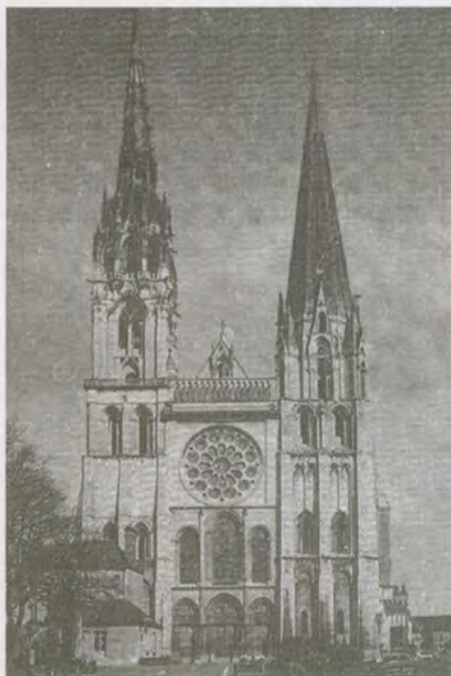
прочно закрепились в общемировой цивилизации. Характерным примером являются средневековые европейские храмы. Очевидно, под влиянием ордена Тамплиеров, принесшего в Европу храмовые традиции Древнего Востока, многие храмы Европы повторяют идею двух башен на зиккуратах Месопотамии, символизовавших двуглавый Арарат. Наличие двух главных башен-пиков присуще таким знаменитым храмам, как Шартрский собор, собор Парижской Богоматери, Реймский собор, Кельнский собор и многим другим. При этом у некоторых из таких соборов, как, например, Шартрский собор, Амьенский собор, Трирский собор, Мариакский костел в Кракове, есть одна примечательная особенность – две их главные башни несимметричны и одна из башен крупнее или выше другой. Традиционные объяснения по этому поводу, как правило, касаются каких-то случайных расхождений во время строительства этих башен, или распрей строителей. С позиций сакральной традиции в архитектуре эту особенность соборов, наоборот, следует признать изначально запланированной – для того, чтобы несимметричные башни символизировали «несимметричные» пики «священной горы» – Большого и Малого Арарата. Традиция двуглавой горы символически присутствует и в головном уборе Римского Папы – Тиаре, которая напоминает два соединенных пика горы. Очевидно, в русле этой же традиции проще объяснить и два небольших конуса на голове Моисея на знаменитой статуе Микеланджело, поскольку ассоциация этих конусов с рогами вызывает немало вопросов.

Следует отметить, что культ «великой горы» является наиболее заметным и «весомым» в сакральной традиции, но не единственным. Можно выделить так-

же культ «скитания по водам», который тоже со всей очевидностью восходит к преданию о всемирном потопе. Так, египетский бог Осирис, по легенде, плывал по Нилу, запечатанный в сундуке-ковчеге. У древних греков есть аналогичная легенда о Данае и Персее, которые скитались в ящике по волнам (вспомним и пушкинскую сказку о царе Салтане). Моисей в младенчестве совершил вынужденное путешествие по воде в просмоленной тростниковой корзине, пока его не спасла египетская принцесса. После этого он и получил свое имя «Моисей», которое означает «спасенный из воды». Точно такие же истории сохранились о легендарных царях – Саргоне Древнем и Кире Великом. Все это соотносится с преданием о водном странствии ковчеге Ноя (в иных версиях Зиусудры, Утнапишtimas, Девкалиона, Атрахасиса и других). В соответствии с канонами традиции, легендарные личности тем или иным образом прошли водное «крещение» и имеют право на пророческую, мессианскую, цивилизаторскую деятельность.

Еще одним культом в рамках сакральной традиции можно считать символ священной птицы (чаще сокола или орла), которая являлась непременным атрибутом правителей государств и империй, претендующих на мессианскую, цивилизаторскую роль. Это тоже восходит к преданию о потопе, когда птица принесла благовую весть о спасительной горе.

Все эти мистерии и культы «великой горы», «скитания по водам», «священной птицы» и другие берут начало в архаичную эпоху и составляют единую сакральную традицию «спасения из вод потопы». По моему мнению, именно эта традиция в своем общем виде является внутренним смыслом священных праздников древнего мира. Очень показательно описа-

Шартрский собор.
Франция

Скульптура (копия)
Микеланджело «Моисей»

ние новогоднего праздника Акиту в древнем Вавилоне. Во время праздника повелитель богов – Мардук и его свита покидали храм. Их статуи несли на драгоценных тронах-паланкинах к реке Евфрат, а затем перегружали на суда, чтобы проделать остаток пути по воде. Это должно было отражать водные скитания корабля-ковчега в водах потопа. Причем плыли против течения Евфрата, а значит, символически по направлению к Арарату. Наконец достигли пункта назначения – дома Акиту «из асфальта и обожженного кирпича, высотой с гору». Этот «дом праздника» олицетворял собою спасительную гору. По этому поводу устраивался грандиозный пир. На одиннадцатый день процессия отправлялась в обратный путь. Что характерно, обратный путь проходил по суше, по нарядной дороге процессий. Этот заключительный этап церемонии символизировал расселение месопотамских богов уже по суше со спасительных гор в долины плодородных рек, когда ушли воды потопа. Совершенно аналогичный праздник Апет проводился в Древнем Египте. Он отражен в рельефах Луксорского храма, восходящих к временам фараона Тутанхамона. Во время разлива Нила торжественная ликующая процессия выносила ладьи со статуями богов из Луксорского храма. Их перевозили по реке в Карнакский храм. Затем боги возвращались обратно. Такой же праздник во время разлива Нила проводился и в великих египетских пирамидах на плато Гизе около Мемфиса. Существовали подобные праздники и у других древних народов.

Таким образом, многие элементы мировых культур различных цивилизаций очень схожи по своему внутреннему смыслу, поскольку зародились в Древнем Мире под влиянием общей сакральной традиции. Вероятной исторической причиной этой традиции вполне мог послужить легендарный Всемирный потоп – эпохальное событие в истории человечества. Постепенно память о самой причине «выветрилась» в длинной череде поколений, но священные каноны традиции прочно закрепились в общемировой культуре.

Храмовая архитектура Папуа Новой Гвинеи

АННЕНКОВА-БЕРНАР Нина Павловна (урожд. Анна Павловна Бернад; в первом браке до 1905 г. – Дружинина, во втором – Борисова; 1859 (по др. свед. 1864) – 1933), прозаик, драматург.

Рассказы о жизни людей, сломленных нуждой, из театрального артистического быта печатались в журналах «Книжки Недели», «Русская мысль», «Русское богатство», выходили отдельными книжками. Пользовались популярностью при их исполнении самой А.-Б. с эстрады. В пов. «Бабушкина внучка» (СПб., 1903) показала трагедию честной и чуткой женской натуры под гнетом бездуховной среды. В драматург. наследии А.-Б. выделяется героич. драма о Жанне Д'Арк «Дочь народа» (СПб., 1903). Главную роль в Малом театре играла сама А.-Б. После 1917 года жила в Оренбурге, сотрудничала в местном журнале «Искусство и жизнь», руководила театр. студией, для которой писала пьесы, в т.ч. «Ураганы» (Оренбург, 1924), «Бекет» (Оренбург, 1923) – о киргизском ученом и поэте Ахмете Байтурсунове. Печатала стихи в газ. «Южный Урал» (Оренбург, 1917). Ее биогр. с портр. – в «Сб. на помощь учащимся женщинам...» М., 1901. Портр – в сб. «Рассвет» Кн. 1. СПб., 1901.

Русские писатели (портр); Сб. «Белые ночи», Л., 1973. С. 262; Шмаков.

АННЕНСКАЯ Александра Никитична (урожд. Ткачева; 1840 – 1915), дет. писательница, переводчица.

Сестра П.Н.Ткачева, жена Н.Ф.Анненского. Поселившись в семье брата матери, Ф.Н.Анненского, в качестве учительницы его младших дочерей, она вскоре выходит замуж за своего двоюродного брата Н.Ф.Анненского, а в 1880 году последовала за ним в ссылку. В 1872 году вышел худож. перевод и пересказ А. для детей «Робинзона Крузо» Д.Дефо, выдержавший при ее жизни 7 изданий. Она переводила также Дж. Гринвуда, С.Крокетта, М.Твена, К.Гамсуна и др. Рассказы и повести печатала в журнале «Семья и школа». Отдельными изданиями вышли пов.: «Брат и сестра» (4 изд.), «Мои две племянницы» (6 изд.), роман «Анна» (7 изд.) и др. В 90-х годах работает в биографическом жанре, Для биогр. библиотеки Ф.Павленкова написала биографии Н.В.Гоголя (1891), Ч.Диккенса (1892), Франсуа Рабле (1892), Жорж Санд (1894) и О.Бальзака (1895). В последние годы жизни А. написала очерк «Из прошлых лет. (Воспоминания о Н.Ф.Анненском)» («Рус. бог». 1913. №№ 1, 2, 7), положительно оцененный В.Г.Короленко. Другой двоюродный брат А. – поэт И.Ф.Анненский – посвятил ей стихотворение «Сестре».

Русские писатели (портр); Слов. рус. писательниц; КЛЭ; Масанов; Венгеров. Сп.

АНОЛЬСКАЯ Вера, поэтесса.

Сотр. «Сына отечества», «Маяка» (1840-е гг.); «Два дара», стихотв. \ \ Сын отечества. 1842. Т.8; «Волна» – там же. «В память юноши-поэта», стихотв. \ \ Маяк. 1842. Т.2.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

АНОСОВА Е.

Упом. в кн. «Сто одна поэтесса серебр. века», с. 5. У Н.В.Здобнова: Аносова, поэтесса, сотр. «Сиб. жизни».

(Продолжение в следующем номере)

«Вогулки» – тоже деньги

1994 год. Экономика страны характеризуется кризисом неплатежей, взаимной задолженностью предприятий и организаций, бартерными расчетами. Дефицит финансовых средств, особенно наличности, приводит к тому, что предприятиям нечем выдавать заработную плату работникам в течение продолжительного времени. Изыскиваются различные возможности, изобретаются «черные» и «серые» схемы, придумываются заменители денег – чеки, талоны, ордера и прочие денежные суррогаты. Их изготавливают на специализированных фабриках и заводских типографиях, применяют различные степени защиты от подделок или обходятся без таковых...

А вот руководство Вогульского леспромхоза (Шалинский район Свердловской области) поступило гениально, то есть просто.

Просто были взяты настоящие российские купю-

ры образца 1993 года и обычный черно-белый ксерокс. Правда, ксерокопированию подверглась лишь одна сторона купюр. При этой процедуре левое поле купюр прикрывалось листочком бумаги, на котором на печатной машинке был исполнен следующий текст:

«АО Вогульский ЛПХ

Директор: ...

Гл. бухгалтер: ...

№».

Затем на одной стороне ксерокопированных «денег» проставили круглую печать предприятия, а директор М.В.Новоселов и главный бухгалтер З.И.Муллова расписались. На другой, чистой стороне – проставили прямоугольный штамп.

Работники леспромхоза и жители поселка дали новой валюте название – «вогулки» и весьма охотно приобретали на них товары в леспромхозовских

Клуб собирателей

РЕКА ВРЕМЕНИ

магазинах, ларьках и столовой. Жалели лишь, что сдачу им дают не российскими деньгами. Периодичность выпуска определялась сбытом продукции и получением товаров по бартеру. Отгрузили лесодобывчики пиломатериалы, получили продуктов либо промтоваров на определенную сумму – и на эту же сумму, в соответствии с ведомостью, работникам выдавались «вогулки». Таким образом внутрихозяйственные взаиморасчеты предприятия были в некоторой степени упорядочены.

«Вогулки» имели хождение несколько месяцев, потом выкуплены и уничтожены. Согласно одному из источников, обмен их на общегосударственную валюту проходил с некоторым обратным дисконтом – за 1000 «вогулок» давали 990 рублей, т.е. за эту услугу брался 1% от суммы, подлежащей обмену.

Автору удалось просмотреть несколько десятков сохранившихся «вогулок». Их изучение дало определенную информацию, которую целесообразно привести в данной статье. Во-первых, для ксерокопирования были использованы купюры образца 1993 года со следующими литерными сериями и номерами:

- 10000 рублей – ГМ 3332758;
- 5000 рублей – БО 0267702, ЕХ 9571877;
- 1000 рублей – КН 5587382, ОН 1355379, ОВ 6092129;
- 500 рублей – 9781954 (литерная серия оказалась закрыта при копировании);
- 200 рублей – МЕ 8606611, НБ 2176303;
- 100 рублей – литерная серия и номер закрыты при копировании.

Во-вторых, можно утверждать об эмиссии двух модификаций «вогулок», что подтверждает применение 2 типов печатей и штампов леспромхоза.

Так, на лицевой стороне известных автору купюр достоинством 100, 200, 500, 5000 рублей и части купюр достоинством 1000 рублей (серия и номер ОН 1355379) стоит круглая гербовая печать советского периода: «Министерство лесной промышленности СССР. Территориальное производственное объединение Вогульский леспромхоз». На

обратной стороне – прямоугольный штамп Вогульского леспромхоза с указанием расчетного счета в Шалинском Агропромбанке.

На 10000-рублевых купюрах и оставшейся части 1000-рублевых купюр проставлены круглая печать и штамп нового образца с одинаковым текстом: «Россия. Акционерное общество открытого типа «Вогульский леспромхоз»».

Вот так вогульские лесодобывчики внесли в историю уральской бонистики свой вклад.

Поиск вв-исторический клуб
«Искатели»

Офис - магазин
«Искатели»

Приглашает всех желающих принять участие в совместных поездках в окрестностях г. Екатеринбурга, Свердловской области и поучаствовать в поисках с помощью металлоискателя. Возможен прокат металлоискателей. Консультации наших специалистов для начинающих. Выезды происходят каждую неделю.

- ✓ Продаем металлоискатели для поиска кладов, самородков, метеоритов, цветных металлов.
- ✓ Стоимостью от 4000 руб. и до 50 000 руб. для начинающих и профессионалов
- ✓ Приборы производства Россия и США.
- ✓ Гарантия на все приборы 1 год.
- ✓ В наличие и под заказ (доставка 1-2 недели).
- ✓ Прокат металлоискателей не менее 2 суток.
- ✓ Цена 1 дня 5% от стоимости прибора.

Часы работы:
пн.-пт. с 10-00 до 18-00, обед с 13-00 до 14-00
сб., вс. - выходной

ул. Попова 25, офис 4
(вход через магазин "Каменя")
тел.: 8-922-211-19-16, 219-70-69 iskatell@list.ru

Подробнее на сайте www.iskatell.ru

СНЫ ХОРОШЕЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

СОН ПЕРВЫЙ

Профессиональный

Изетта Генриховна была прекрасной учительницей. Она уже много лет работала в школе и умела управляться с детишками. Искренне любила свой предмет и старалась увлечь им учеников. Мягкая и покладистая по характеру, умела спросить с них строго и требовательно, знала, когда и как разрядить на уроке обстановку, но вовремя собирала ребят для работы, начав очередной интригующий рассказ. Ей удавалось почти невозможное: ученики обожали ее, ее предмет и, вдобавок, знали его блестяще, показывая на регулярных срезах знаний стабильно высокие результаты, что было в большой цене у администрации школы. Изетта Генриховна привыкла к своему успеху у детей, уважительному отношению администрации и почивала на лаврах. И вот случилось невероятное...

Класс был неуправляем. Это был не ее класс, справиться с ним многоопытная Изетта Генриховна не могла. Не действовали ни строгие замечания, ни резкие предупреждения, ни едкие шуточки, отпускаемые в адрес самых отчаянных бузотеров. Не получилось и заинтересовать это скопище нигилистов, они решительно ничего не хотели знать, зато, как юные римляне времен упадка империи, жаждали зрелищ – создававшаяся обстановка вполне отвечала их настроению. Урок разваливался на глазах отчаявшейся учительницы, она впервые в жизни оказалась совершенно беспомощной перед разнузданной стихией.

Самым наглым и неукротимым был мальчик с непривычным именем Севастьян, наделенный от природы всеми внешними признаками пай-ребенка. Редкие волосики были аккуратно пострижены и гладко прилизаны, одет он был в светло-серую свеженькую «тройку» и радикально белую хрустящую рубашку. Росточком ребеночек был, по меньшей мере, на голову выше своих одноклассников. И этот рафинированный верзила заводил детей, отвечая непристойными репликами на каждое замечание Изетты Генриховны. Ни одного ее слова маленький негодяй не оставил без своего грязного внимания. Детское стадо в ответ кривлялось и улюлюкало, хрюкало и подзуживало. Шалопай ликовал, раздувался от собственного успеха, вдохновлялся на но-

вые подвиги. Очень хотелось его задушить, и уже только на краешке сознания теплилось воспоминание о том, что она педагог и очень хороший.

На несколько секунд внимание переключилось на налитую, сияющую потом и лаковой юбочкой девицу, выдувавшую изо рта радужные пузыри. Мерзавец за это время успел разжиться увесистой палкой и размахивал ею над рыжей головой приятеля, безусловного своего апологета. Надо было принимать кардинальные меры. Изетта Генриховна бросилась в бой. Отнять палку с налету не получилось. Просвистев перед самым ее носом, палка уже почти перекочевала в веснушчатые лапки огнистого Дениса. Юные «римляне», пылая от нетерпения, готовились к новому развлечению: сейчас эта затурканная училка будет носиться на своих оттопыренных каблуках за летающим над партами бу- мерангом.

Чудом удалось ухватить ускользающую палку и выкрутить ее из рук огольца. Чтобы избавиться от накопившейся агрессии, заслуженная учительница замахнулась на ребенка отвоеванным инструментом; это его не испугало, но подхлестнуло извращенную фантазию к новым шалостям. С театральными ужимками он выскочил из-за парты, повернулся к Изетте Генриховне спиной и с готовностью подставил под удар тощий отутюженный зад. Стало ясно, что педагогически и юридически допустимыми мерами злодея не обуздать. Мальчик упивался беспомощностью учительницы, своим успехом в коллективе и абсолютно уверовал в безнаказанность.

Педагог окончательно потерял над собой контроль, когда из щели между остро торчащими ягодицами раздался характерный звук. Класс взрыгнул от восторга. Палка была готова впиться в вызывающе оттопыренную часть юного тела, оставались мгновения до полного педагогического падения.

Преступление было предотвращено неожиданно открывшейся дверью. В класс вошел холеный директор и воззрился на застывшую в дискредитирующей позе учительницу. Севик принял благообразный вид и уселся за парту, сложив ручки в жесте классического гимназиста. Сложная гамма чувств

промелькнула по лицу Изетты Генриховны: урок был сорван, злоумышленник остался ненаказанным, а долгими годами создаваемая репутация рухнула в одночасье, метались мысли: «И ведь никак не оправдаешься, ничего не объяснишь. Господи, что будет?». Гладкое лицо директора фонтанировало многоцветьем эмоций, многое было обещано этим взглядом.

Немой диалог был прерван появлением в дверях учебного кабинета дамы, немислимой в стенах школы. На тщательно уложенной причёске горделиво восседала малюсенькая бархатная шляпка. Ярко-красное платье, обтягивая гибкую талию, гипнотически фалдело у самых носков модельных туфель. Ростом, походкой, манерой держаться посетительница была явно из манекенщиц. К слову сказать, Изетта Генриховна была маленькая и пухлая, мало того, она вырядилась сегодня в свой старый зеленый костюм и успела его обильно присыпать мелом, отчего при виде сказочной дивы испытала острый приступ комплекса неполноценности.

Появление дивы привело директора в чувства. Извиваясь мелким бесом, он представил её как маму Севастьяна, сверкнул глазами в сторону по-

тухшей учительницы и, предоставив ей возможность выкручиваться самой, исчез за дверью. Пытаясь преодолеть глубокое потрясение, Изетта Генриховна решила отыграть на красотке. Сейчас она собьёт спесь с этой безмозглой прелестницы и выдаст по первое число её гадкому отпрыску. Все накопившиеся обиды и гнев полились из неё широким потоком, не встречая преград.

Излучающая великолепие родительница очень мало обратила внимание на сцену, которую застала в классе. Позы учителя и сына её не встревожили, так же индифферентно, спиной, она воспринимала всхлипывания семенящей за ней Изетты Генриховны. Она плыла между рядами, и этот процесс, кажется, был важнее всего в данный момент. Окончив плавание возле свободной парты, родительница зафиксировала эффектную позу, качнула складками платья, провела пальчиком по парте. Внимательно его изучила... и вернула классу прежнее настроение, усевшись на нее.

«Забирайте немедленно вашего отпрыска из нашей школы! Он развращен сам и разлагает других учеников! Ему не место среди нормальных... Есть масса частных школ...» – Изетта Генриховна почти визжала.

Дама оставалась невозмутимой, легко покачивала ножкой и любовалась своей изящной щиколоткой и благородно фалдеющими складками платья.

«Вы что, не слышите, не понимаете, о чём я говорю? Ваш ребенок совершенно безнравственный, у него нет элементарного воспитания. Он совершенно распущен, он позволяет себе абсолютно недопустимые вещи». Общие фразы не производили никакого впечатления, Изетта Генриховна решила перейти к конкретным примерам: «Он может позволить себе в ответ на совершенно справедливое замечание учителя повернуться к нему спиной и громко...» – тут Изетта Генриховна застряла, она не знала, какое слово лучше употребить. «Пукнуть» ей казалось более приемлемым в обществе, но сущности дерзкого поступка больше соответствовало другое слово, а произнести его было трудно. Мама Севастьяна, однако, не позволила ей принять решение, она неожиданно включилась в разговор и радостно подсказала: «Пёрнуть?!». Изетта Генриховна опять растерялась.

«Ничего удивительного, – добавила дама, это наш семейный прикол. Мы часто так разыгрываем друг друга, а Севочка вообще любит пошутить».

Говорить было больше нечего, да и слов не возникло. А какие мысли пронеслись в голове многострадальной учительницы – мы никогда не узнаем. Она проснулась. И Зигмунд Фрейд тут ни при чем, давайте лучше вспомним Э. Фромма.

СОН ВТОРОЙ

Интеллектуальный

В нашем обществе принято считать, что учителя общеобразовательной школы эрудицией не отличаются. И так оно, видимо, и есть. Если и знали что-нибудь после окончания института, то в отупляющей круговерти школьной жизни давно все забыли. Работают педагоги не над накоплением знаний, а над методикой преподавания, различными инновационными технологиями, и в процессе работы вынуждены умышленно отбрасывать излишки знаний, которые не могут пригодиться на уроке. Думают о том, чтобы донести крупинцы до тупиц, а не об эрудиции и расширении кругозора.

Изетта Генриховна из общей массы выделялась завидными, весьма глубокими, хоть и бессистемными, знаниями в области гуманитарных наук. Она много читала, любила элитарное кино. Ценила живопись, посещала концерты заезжих знаменитостей. Словом, была в центре культурной жизни города. В молодости даже пописывала научные статьи и рецензии на модные спектакли и престижные выставки – их, к её удивлению, печатали. Детективы, попса, цирк служили для неё синонимом низкопробного вкуса, *mauves ton*.

Благодаря неустанной работе над собственным интеллектом, Изетта Генриховна слыла в своем кругу дамой чрезвычайно образованной, имеющей на всякое культурное или политическое явление свое особенное мнение. Могла процитировать известного философа или блеснуть к слову латинским изречением. Такая репутация льстила, хотелось её сохранить и поддержать, поэтому она следила за всеми культурными новинками и никогда не пускала на самотек свое самообразование.

Случилось ей однажды присутствовать на теософской дискуссии. Тема обсуждалась интересная, местами Изетте Генриховне знакомая, что-то там мудро и велеречиво трактовали о вере и её смысле. Если в религиозной философии она понимала очень мало и многие имена слышала впервые, то уж Евангелие ей было известно. Она с огромным удовольствием вслушивалась в умные речения и получала истинное наслажде-

ние, открывая для себя новые грани человеческого любознания. Дама наша так увлеклась, вжилась в обсуждение, что и сама пару раз вставила несколько фраз про Марфу и Марию, сестер Лазаря, и про то, что верующий во Христа не судится, а неверующий уже осужден. К словам её прислушались, приняли одобрительно, включили в круг обсуждения: к ней обращались, внимали как равной, согласно кивали.

«Значит, к месту сказала», – обрадовалась Изетта Генриховна. И такое счастье её затопило, что не уронила своего достоинства, что она, простая русская училка, обладает достаточным интеллектом и способна принять участие в сложной религиозно-философской дискуссии. И так увлеклась, что потеряла нить неспешной беседы. А расслабляться то как раз было нельзя, не так глубоко она знала существо вопроса, чтобы суметь на любом этапе включиться в разговор на равных.

Она уже представила, как будет просвещать своих товарок, обязательно вспомнит о своих удачных цитатах, может быть, даже приукрасит свою роль в научно-религиозном священнодействии и будет упиваться восхищением и завистью жадно внимающих дам. Насладившись триумфом, искупавшись в лу-

СОН ТРЕТИЙ

ЭРОТИЧЕСКИЙ

чах будущей славы, Изетта Генриховна попыталась вернуться в аудиторию.

Дискуссия тем временем на месте не стояла. Обсуждался вопрос о наличии веры у животных и детей и способах её проявления. Сам по себе вопрос казался простым, но ученые мужи как-то уж очень увлеклись философской терминологией, жонглировали неизвестными именами. Наша героиня не сразу могла вникнуть в существо излагаемых истин, но она не привыкла отступать перед трудностями. Напрягла извилины, сосредоточилась, и ей показалось, что поняла, о чём идет речь. Ученая дама попыталась вставить умное слово, но на сей раз получилось невпопад. Бородатая братия смолкла и уставилась на Изетту Генриховну, как на восьмое чудо света. После конфузной паузы самый худосочный очкарик сказал с укоризной: «Как Вы не понимаете, ведь Бертран и Питирим в данном теодицейском контексте совершенно одно и то же». Повернулся к товарищам – и дискуссия возобновилась без участия героини. По реакции членов дискуссионного клуба стало ясно, что произнесена была страшная неловкость, попытки сгладить её не увенчались успехом. Бледную от стыда женщину перестали замечать.

Изетта Генриховна проснулась обескураженная: ни Бертрана, ни Питирима не знала, даже отдаленно не представляла, кто они такие. Но, повторимся, дама не привыкла отступать перед трудностями и постановила выяснить, что это за типы.

После восьми уроков биологии, несмотря на сильную усталость, заехала к знакомой Философине, кандидату, между прочим, оных наук, с большим тортом. Долго и невнятно объясняла цель своего визита, так, что совсем смутила хозяйку: между ними не было ни тесной дружбы, ни привычки навещать друг друга без приглашения. Хозяйке удалось скрыть раздражение, непрощеная гостья отвлекала от срочной работы над статьёй. Она сдвинула с кухонного стола бумаги и попыталась отвлечься от проблем за чаем. Однако Изетта начала дотошно расспрашивать о научных интересах, о теме будущей статьи и незаметно для хозяйки выяснила, что Бертраном может быть Рассел, а Питирим, скорее всего, Сорокин. Больше нашей любознательной особе ничего нужно не было, и она поспешно ретировалась, оставив ученую в недоумении.

Дома Изетта Генриховна углубилась в философские справочники, затем перешерстила местную библиотеку, в результате ею были прочитаны все доступные труды Б. Рассела и П. Сорокина и литература о них. Но, сколько бы она ни читала, понять, что между ними общего, не смогла. Дополнительная консультация у Философины ясности не внесла и окончательно остудила исследовательский пыл героини; она удовлетворилась тем, что просветилась и теперь не попадет впросак. И все же, как ни пыталась забыть голову философскими премудростями, тяжелый осадок от испытанного стыда долго не оставлял её.

Боль, грязь и тоска обыденной жизни... И вдруг пронзительно синее небо, она летит. Это не свободный полет птицы – чужая воля несет ее ввысь, чья-то неведомая сила. Изетта Генриховна еще не поняла, что происходит, но ей не страшно, она знает: так надо. И даже если это последний полет, пусть будет так, даже красиво, признает она. А может быть, орлица похитила ягненка и несет в свое гнездо накормить чад своих ненасытных. И такой конец готова принять смиренно уставшая от жизни учительница. Пусть, ведь так надо, заслужила.

Наконец, подъем окончен. Она наверху. Ничего нет, пустота и тишина сочатся. Вокруг огромное НИЧТО. Нет, все же что-то есть. Огромный ветхий трон, обтянутый истлевшей и обшарпанной кожей, высится в центре Всего. Исполненный величия, восседает на троне Тескатлипока, древнеиндейский бог, ставший Солнцем. Он сам так решил, когда понял, что существующей половинки Солнца не хватает для освещения земли.

«Экое святотатство с моей стороны, – подумала Изетта Генриховна, – каюсь, но невозможно же проконтролировать работу подсознания. Что приснилось, то приснилось, будем с этим работать. Испугаться бы пора и вострепетать: хоть и не наш, а все же бог». Не берет ее страх.

В лике мудрости бездна, она не пугает, вызывает доверие. Молча смотрит, без слов понимает: оба знают, зачем она здесь, и ему она нужна не меньше, чем он ей. До боли в груди становится ясно, как необходимы они друг другу, как долго в этом нуждались, и вот, наконец, оба у источника. Он взял ее на руки, такую хрупкую рядом с ним, усадил на колени. И снова не возникает священного трепета и преклонения, перед женщиной – лицо Мужчины, старое, изрытое глубокими оврагами страданий и мучений нечеловеческих. Нежность и глубокое сострадание охватывают душу Изетты Генриховны, хочется разглядеть легкой рукой тысячелетние морщины, стряхнуть вековые печали бессмертного: сколько горя он видел с начала веков, сколько надежд не сбылось, как много его ожиданий обманули люди.

Времени нет. Века и тысячелетия она любится прекрасным горестным ликом, кончиками пальцев касается его страданий на лбу, разглаживает складки возле губ и глаз. Врачуя чужие печали, сама очищается, божественная мудрость и тысячелетний покой нисходят на нее. Они отдали друг другу то, чем владели: он поделился мудростью и покоем, она – любовью и состраданием. Теперь они оба свободны. Тишина льется откуда-то в никуда.

Когда все земное забылось, Тескатлипока взял ее за руку и повел к людям, в смрад и копоть человеческих чувств. Они шли сквозь жизнь и видели все: красоту среди мрази; честь, выросшую на обломках лжи; любовь, рожденную из ненависти. Из каждого порока вырастала добродетель. Благородство смогло попать подлость, искренность победила заносчивость. Божественная пара излучала любовь и мудрость на этот мир, и он стал другим для них.

Теперь Изетта Генриховна начала осознавать цель ее появления на небесах. Оба они давно и болезненно хотели изменить земной мир, но поодиночке им было это не под силу. А вдвоем они смогли, и хотя мир остался прежним, они увидели его прекрасную сторону и поняли, что грязь мирская – обратная сторона возвышенного. С благодарностью женщина обернулась к своему спутнику, впервые заглянула в его глаза и смутилась.

Между ними случилась другая любовь. Неизвестно, где это было – на земле или в небесах, но они любили друг друга. Так чисто и светло. Девственная свежесть весеннего утра сияла в их телах. Она ему была и мать, и дочь, и Суламифь. Нежно и бережно любил ее бог Солнце, боясь опалить своим жаром. Пепел остался бы от нее, будь все иначе.

Кончилась ночь любви, солнце взошло. Вновь женщина взглянула на него – не на бога, не на соратника теперь, а – на возлюбленного. И еще раз поняла высшую необходимость и предопределенность их встречи. На смятых простынях перед ней сидел не мудрый старец, не изгладанный людскими пороками языческий бог, а прекрасный молодой муж. Мощное смуглое тело, под влажной и гладкой кожей мышцы переливаются. Молодые, цвета спелых оливок, глаза сияют, излучают тепло и нежность, можно плавать в этих лучах – такие они весомые. Смолистыми кудрями щекочет шею, ласковой рукой разглаживает морщинки.

– Господи, из каких глубин выплыл этот мачо, – изумлялась Изетта. А преображенный и возрожденный Бог, вновь взяв ее за руку, повел в мир земной. И снова они увидели его прекрасным и чудовищным, и приняли его таким, каков он есть.

Чувствительнейшую историю можно было бы закончить привычной фразой: они шли по миру долго и счастливо, пока не умерли в один день. Однако Изетта Генриховна изменила бы себе, если бы не осознала, проснувшись, что, кроме чувственного и морального аспекта, во сне присутствует и интеллектуальный, точнее, историко-мифологический, аспект. Она не преминула в нем разобраться.

Ставшего Солнцем Тескатлипоку почитали майя, ацтеки, тольтеки и другие народности древ-

них индейцев. Его наделяли весьма нелестными эпитетами: капризный владыка, сеятель разногласий и т.п. В изобразительном искусстве он изображался с черным лицом или в виде двойника ягуара. У народов майя он был покровителем разбойников и колдунов, ацтекских же преступников преследовал по ночам в образе ягуара. Он мог быть творцом и разрушителем, глазом всевидящим в ночи, судьей и мстителем. В любом случае «требовал» регулярной поддержки человеческой кровью, иначе не смог бы совершать свой каждодневный небесный путь. Ежегодно в каждой народности избирался имперсонатор Тескатлипоки – красивый юноша, не имевший физических недостатков. С юным красавцем обращались как с божеством, удовлетворяя любые его желания. По прошествии года земное воплощение Тескатлипоки приносили в жертву небесному.

Так кого же она так страстно любила этой ночью или в той жизни?

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ Символический

Дракончик был спокоен, молчалив, невозмутим. Шуршал металлическими кольцами своего извилистого тела, демонстрировал ей, хоть и готовой к встрече, но все равно ошеломленной, красоту своей изгибистой плоти. Чешуя переливалась в солнечных пыльных струях, блестела, как мокрый асфальт, отражающий огни неоновой рекламы. Временами солнце пряталось, и чешуя приобретала благородную матовость черного серебра. В остальном Дракончик напоминал китайского змеевидного дракона, воинственного и нестрашного, рогатого и обаятельного, исполненного тысячелетней мудрости, поэтому неопасного.

Дракончик сидел (или лежал?) на письменном столе, обтянутом коричневым дерматином, довольно старым и потертым. Возле стола находилось и его жилище – огромная стеклянная клетка, пол которой для мягкости был устлан павлиньими перьями.

Собственно, Изетта Генриховна согласилась поухаживать за Дракончиком исключительно из уважения к его хозяевам. Сыграло свою роль и пресловутое женское любопытство: познакомиться с Дракончиком – это вам не в кегли играть.

Шла она на эту встречу не без трепета, забежала в магазины, Дракончик придерживался исключительно овощной диеты, прикупила необходимых продуктов. Остановилась, выйдя из супермаркета, не знала, как оттянуть встречу с загадочным и неизвестным, и вдруг увидела девочку лет деся-

ти или двенадцати. Барышня была исполнена собственной самости и оловянно вышагивала по мостовой, опасаясь расплескать драгоценное содержимое литровой банки. В воде очень агрессивно плескался карась. Выпучив глаза, он щелкал зубами на прохожих, пытаясь создать вокруг себя атмосферу сталинских времен, но почему-то никто не шарахался. Люди неслись по своим делам, никто не замечал ни сосредоточенной девочки, ни ее воинственное сокровище. «Это хорошее предзнаменование», – подумала Изетта Генриховна и ринулась на свидание с неизведанным.

Дракончик, как уже говорилось, встретил гостью величественно и невозмутимо, словно он жил во дворце китайского императора, а не в двухкомнатной хрущевке своих зачитавшихся до дури хозяев. Таковым он и оставался во все время визита.

Салат получился на славу: помидоры оказались мясистыми, лаковый перец – сладким, а лук – репчатым. Все это, тонко нашинкованное, тщательно перемешанное, лоснилось растительным маслом и благоухало. Изетта Генриховна сглотнула слюну и стала искать керамическую плошку; Дракончик считал, что есть из другой посуды негигиенично. Отчаявшись найти в кухонном многообразии любимую посуду, Изетта Генриховна растерянно выглянула из кухни: властелин соб-

ственных колец милостиво показал глазами на верхнюю полку стенового шкафчика. Рисунок на плошке был какой-то прибалтийский.

Ну вот, все готово. Можно приступать к ритуалу кормления. Дракончиков кормят с ложки, стараясь не уронить достоинства своего и чужого. Он благосклонно принимал заботу о нем, усердно разевал зубастую пасть, тщательно пережевывал, но съел совсем немного, ложек пять или шесть. Затем протестующе вытянул перепончатую лапу вперед и величественно изрек:

– Некуда, – это была единственная произнесенная им фраза.

Изетта Генриховна испугалась и обрадовалась. Испугалась, что не справилась с порученной миссией, и этакая невиданная раритетность осталась по ее вине голодной. А обрадовалась тому, что салата осталось много и можно было его доесть, очень он аппетитно выглядел. Поколебавшись немного, салат доедать не стала, но отнюдь не из брезгливости. Осознанное величие, даже если оно само не может питаться, не вызывает брезгливости. Просто почувствовала, что это недостойно. А салат выбросила. Дракончик ест только свежеприготовленную пищу.

На этом визит закончился, Изетта Генриховна откланялась. К следующему кормлению должны подоспеть хозяева, если только Дракончик не помрет с голоду до этого. Да нет, не должен, чувство собственного достоинства не позволит ему выглядеть неэстетично в глазах людей – существ мелких и суетных, но в хозяйстве полезных.

«Древо»

унтер-офицера Дементьева

В селении Быково, расположенном на старом Сибирском тракте, что в Ачитском районе Свердловской области, в давние времена имелось заведение, называемое полуэтапом. Здесь менялся конвой воинской стражи, сопровождавший осуждённых на каторгу в отдаленные сибирские места. По сведениям 1860 года, по этому тракту на восток ежегодно переправлялось до 18 тысяч арестантов. Часть их них двигалась по территории Красноуфимского уезда на подводах, которые поставляли жители трактовых селений за плату от подрядчика-купца Михайлова. Каторжников, гонимых в пешем порядке, сопровождал кандалный звон. Селяне делились с ними хлебом, яйцами, молоком...

В 1858 году в Быковской этапной команде служило три унтер-офицера и десять рядовых солдат. Один из унтер-офицеров, Александр Яковлевич Дементьев, был призван на солдатскую службу в июне 1837 года из Ярославской губернии и через одиннадцать лет, уже в указанном звании, переведен в Быковскую этапную команду, где прослужил ещё двенадцать лет. Эти сведения подтверждает документ:

«По указу Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявитель сего, служивший в Быковской этапной команде, подведомственной Пермскому батальону внутренней стражи, унтер-офицер Александр

Яковлев сын Дементьев имеет за беспорочную 20-летнюю службу знак отличия св. Анны под № 468243 ...».

Об этой награде говорится в книге А. Кузнецова «Ордена и медали России», изданной Московским университетом в 1985 году. Орден святой Анны, официально вошедший в состав русских наград в 1797 году, так же как орден св. Георгия, имел свой знак отличия, получаемый только солдатами и унтер-офицерами. С 1807 года «анненские знаки отличия стали давать солдатам, унтер-офицерам и матросам за беспорочную 20-летнюю службу». Знак представлял собой круглую серебряную с позолотой медаль на ушке, на лицевой стороне которой в середине красный крест с расширяющимися концами на золотом поле, а по окружности – залитое

эмалью красное кольцо. Над крестом – золотая корона, заходящая на ушко и на красную кайму. С оборотной стороны – такое же красное кольцо, и в нём выгравирован номер.

В старом же документе далее сказано: «Ныне унтер-офицер Дементьев, как выслуживший определённый законом 20-летний срок, от воинской службы отставлен и отпущен по его желанию на собственное пропитание, где жить в России пожелает, во всяком городе, уезде или на прежнем жилище у своих родственников, но в Санкт-Петербурге и Москве – только в таком случае, если будет иметь возможность к содержанию себя какими-либо постоянными занятиями...»

Также он был «обязан вести себя честно и

Александр Степанович Дементьев
в светлой рубашке в центре

Ольга Александровна Оплеснина, с. Быково

добропорядочно, одеваться благопристойно, бороду брить, по миру не ходить и от всяких законом противных поступков воздерживаться».

О правах предьявителя сего свидетельства написано так: «Равным образом и ему, Дементьеву, во внимании к понесённой им военной службе, оказывать, в случае надобности всякое содействие в справедливых его просьбах или требованиях и уважение, приличное заслуженному воину».

23 марта 1869 года он был «удовлетворён от казны пособием в пятьдесят рублей из Красноуфимского уездного казначейства».

Сохранился и такой документ: «От Канцелярии Капитула Орден, на пропитание отставного унтер-офицера Александра Яковлевича Дементьева объявляется, что об ассигновании ему к производству от Красноуфимского Уездного Казначейства по знаку отличия ордена Св. Анны... пенсии, из оклада 3 рубля 45 копеек в год, с 1 января 1891 года».

Цены же тогда колебались... Пуд ржи продавался и покупался за 60–80 копеек, пшеницы – от 80 копеек до одного рубля и выше, лошадь стоила 10–30 рублей, корова – примерно двадцать.

О том далёком времени напоминает название озера, что находится в селии моего детства Быково. Оно прозвано Солдатским, так как недалеко от него и располагался полуэтап. Служивые умывались, купались в этом озере. Некоторые из них оставались жить в Быково и после своей солдатчины. Так поступил и Александр Яковлевич Дементьев, ни разу не побывавший в отпусках, как явствует из его документов. Здесь он обзавёлся семьёй, взяв в жёны Хавронью Савельевну. К окончанию его службы, в 1860 году, в их семье росли дочери Степанида с Матрёной и трёхгодовалый Степан. В новом генеалогическом древе, начало которому положил унтер-офицер Дементьев, стали прорастать три веточки, а со временем оно приобрело разветвлённую крону. Ныне исторические бумаги кавалера знака отличия ордена святой Анны хранятся у его далёкого потомка Любови Васильевны Могильниковой. Она стала жительницей Ачита и трудится оператором в Ачитском участке Красноуфимского цеха электросвязи ОАО «Уралсвязьинформ».

Оказалось, что сын основателя династии – Степан Александрович Дементьев жил в работниках у более зажиточных быковцев, так как своей земли у него не было. В его семье росли дочь Федора и сыновья Гаврила с Александром, родившимися в 1875 году.

Александр Степанович Дементьев овладел искусством портного и парикмахера. Будучи грамотным, он даже работал одно время в Быковском земском училище. Вместе со своим братом Гаврилой участвовал в маёвках, где читалась нелегальная литература. В одном из документов Красноуфимского уездного земства сказано, что «за энергичные и отважные работы», проявленные при тушении пожара, бывшего в Быково 4 мая 1914 года, членам местной пожарной дружины были вручены «Похвальные листы». Среди названных и Александр Дементьев.

Но после революционных событий ему с женой Зиновьей пришлось на время покинуть отчий дом. В этот период он и познакомился с преобразователем природы И. В. Мичуриным, подарившим ему один из своих трудов с автографом. Когда в стране развернулась кампания по разведению садов, Александр Степанович стал в Быково нужным человеком. Весной 1945 года Дементьев в местном колхозе им. Ворошилова заложил фруктовый сад. Вскоре в нём цвели уже более трёхсот яблонь десяти сортов: «Антоновка», «Грушевка московская», «Китайская золотая ранняя»... В 1947–48 годах колхоз им. Ворошилова «только от продажи одной малины получил доход 6000 рублей». А. С. Дементьева в районной газете называли лучшим садоводом нашего Ачитского района. Но в 1948 году его не стало.

И в этой семье Дементьевых росло трое детей – Костя, Анна и Александр, с 1903 года рождения. Александр Александрович Дементьев трудился на колхозной пасеке и лесопилке, несмотря на то, что попал под конную молотилку и потерял ногу. Сколько кос-литовок он выправил селянам и изготовил им граблей! Освоил он и ремёсла отца. Шли к нему за помощью. Его женой стала Мария Осиповна, в девичестве Крашенинникова. Чуть более шестидесяти лет отвела ему судьба...

Столько же времени было отмерено на жизнь и его дочери Ольге (1937–1998 годы), любимой внучке Александра Степановича.

Ольга Александровна Оплеснина осталась в памяти быковцев добрым, отзывчивым продавцом местного магазина продовольственных товаров – более двух десятилетий трудилась в Ачитской райпотребкооперации. В её семье выросло двое дочерей – младшая Анна и Любовь, хранительница древа. У неё с мужем Василием Андреевичем Могильниковым, приехавшим в Ачит из соседнего Артинского района, растёт дочь Ирина, ныне студентка сельхозакадемии в областном центре.

Ветвится генеалогическое древо, пошедшее от унтер-офицера Дементьева, кавалера ордена святой Анны...

БЫТЬ!

Быть или не быть - таков вопрос.

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим
Достоинство, что просит подаянья.

Вильям Шекспир

И новый день... Валяюсь, как тюлень.
Нет сил, чтоб встать, чтоб приготовить завтрак.
И продолжать всю эту дребедень
С названьем жизнь, где волк ехидной задран,
Где муляжи дороже, чем стрижи,
Где с бодрюю улыбкой манекена
Снует политик, а в глазах: «Круши!»;
Где похоть правит бал и откровенно
Смеется добродетели в лицо...

Прости, Господь, за эту плесень духа.
Мне встать сейчас – как выйти на крыльцо
Из погреба и выблевать сивуху
Уныния, которую Князь Тьмы
Преподносил когда-то и Шекспиру...
Похмелье страшнее Колымы,
Но отрезвленье – возвращенье к миру,
Который, будто сказочный урод,
В себе скрывает совершенство принца.
Любовь ему обличье вернет.
И надо встать, убрать постель, умыться,
И не канючить: быть или не быть?
Пусть окна разрисованы морозом –
Душа любую одолеет стыдь,
Коль ею замысел Господний познан.

Денек как денек. Суматошно
С утра, а под вечер тоскливо.
Тахта, телевизор – все то же.
И речи того же разлива.
Служебные сплетни и склоки
За ужином сытным, а после
Коротенькой дремы – зарок
Есть меньше и чаще.
Но Бог с ней,
С мечтой о снижении веса!
Куда драматичней другое...
Нет вроде серьезного стресса
И в двери не ломится горе,
Да скуки стальная ловушка
Захлопнула радости птицу.
И мысли изводят: неужто
Не вырваться птахе, не взвиться?

МОЙ ДОМ

Может быть, смешно и глупо
Говорить об этом вслух,
Но люблю свою халупу
Я за ауру, за дух.

Роскошь и моя хибара
Не стыкуются никак,
Как театр и шум базара
Иль как доллар и пятак.

Нет в квартире шифоньера –
Уж какой там шкаф-купе!
Тесно, мало света, серо –
Все, как и в моей судьбе.

Может, потому и люблю
В обстановке этой мне.
Да, наверно, это глупо
Славить хижину, но в ней

Мой компьютер – склад эмоций,
«сердца горестных замет».
Книги здесь, в которых бьется
Откровений яркий свет.

Я не знаю, что дороже
Есть на свете, посему
Ощущаю сердцем, кожей
Энергетику в дому,

От которой крепнет вера
И ко лбу идет щепоть.
Проживу без шифоньера –
Сохрани мой дом, Господь!

ТЯГА

Взять ручку и тетрадь,
Уйти в себя и в некоем
Наплыве поболтать
С неглупым человеком,
То бишь с самим собой...
Но кто сказал «неглупый»?
Быть может, просто сбой
В мозгах, где нет шурупа,
А то и двух. Как знать?
Рифмуется чуть не каждый,
Мечтая, что в кровать
Уляжется однажды
Он с Музой, как с женой.

Неисполнимо сложно,
Жуя кусок ржаной
За столиком в «Пирожной»,
Довольным быть вполне.
И ты терпи, бумага,
Коль не горит в огне,
В воде не тонет тяга.

Когда входила Гамлета душа
В российского актера и поэта,
Не только зал – казалось, вся планета
Следила за игрою не дыша.

Когда, живя во тьме, боялись света,
Он пел, на струны пальцы положа,
Как будто бы на лезвие ножа.
И кровь светилась – было видно это.

Он пел с надрывом, а порой - с усмешкой
Над королем спесивым и над пешкой,
Которая – пролаза из пролаз,

Белогвардеец, Дон Хуан и опер –
Во всех ролях Высоцкий бесподобен.
Лишь роль покойника не удалась...

Евгению Лобанову

Евгений, добрый мой приятель,
Мы оба на берегах Исети
С тобой живем, творим. И ладить
Обречены до самой смерти,
Поскольку дружим с русской лирой,
Чей голос в реве «авангарда»
Чуть слышен. Девочкою сирой,
Вдруг став безвинно виноватой
Она стоит среди ксилофонов,
Бандур, тамтамов, пил звучащих.
Поет, но не по их законам,
Сторонним и ненастоящим.
И как ее не взять на руки,
Не вынести на свежий воздух
Из этой звукозаварухи.
Пока жива, пока не поздно.
Так будем в меру сил и впредь мы
Оберегать родную лиру.
Шабашат неприкрыто ведьмы
И элегантные вампиры,
Что припадают к жиле Слова
Исконно русского клыками.
Тревожно время и сурово,
Но верю, что Всевышний с нами.

РИФМЫ

Нетронутые рифмы также редки,
Как девственные девушки. Уже
Давно не целомудренны нимфетки.
Им пребывать с мужчиной в неглиже
Не стыдно, а занятно. Так и рифмы
Кочуют по стихам, переходя
Из рук одних в другие. Непрерывны

Вояжи их постыдные, хотя
Мечтают о невинности поэты,
Да много надо времени и сил,
Чтоб отыскать такую рифму. Это,
Пожалуй что, никто не выносил.
Кровь-вновь-любовь, мороза-роза-поза,
Ребенка-тонко-звонко, лей-полей –
Хоть смотрим на такие рифмы косо,
А пользуемся ими, ибо лень
Искать, страдать. Виват вам, потаскушки!
Не брезговали вами никогда.
Божественный, неповторимый Пушкин,
И тот входил нередко в ворота
Борделя рифм. Мне, грешному куда уж
Тягаться с ним! Но если вдруг столкнусь
Я с рифмой девственной, сразу замуж
Беру ликуя. Это будто туз
К десятке выпал. Да удача редко
Меня впускает в свой медовый круг.
Попробуй отыскать, когда нимфетка
И та уже прошла с десятков рук.

Я С ВЕРОЮ ОСТАЛСЯ НАВСЕГДА

Тонул, как судно, в звуках танго зал.
По юношески жилист и глазаст
Я с девушкой Надеждой танцевал,
На пышногрудую Любовь косясь.

И хлынул, и запенился фокстрот.
Я заключил в объятия Любовь.
Осыпал даму блестками острот
И размотал судьбы своей клубок.

А Вера, очи долу опустив,
Сидела в темном платьице в углу.
Звучал фокстрота бешеный мотив.
И не заметил я ее в пыли.

Сменился танец рок-н-роллом, но
Я только лишь с Любовью танцевал,
Покуда птица вещая, в окно
Влетев, не осветила странно зал:

Как будто кто-то луч направил вдруг
На женщину, сидящую вдали.
И я, сердце услышав перестук,
Пошел к ней – ноги сами повели.

Часы и дни летели, шли года.
Непросто было укрощать свой нрав...
С Надеждой и Любовью не порвав,
Я с Верой остался навсегда.

Это тело душе не идет:
Поразительно несовместимо.
Будто, сладко зевнув, бегемот
Проглотил пролетавшую мимо
Стрекозу, и, с натугой дыша,
В нем живет эта пленница, мучась.
Погоди, уж недалого, душа.
Потерпи. Переменится участь...

Вот ужо я тебе!

Мужчина средних лет, восточной национальности, с большой лысиной и роста ниже среднего призывно улыбался молодой сотруднице. Он был женат и имел двоих детей. Жизнь его складывалась удачно. В свои 30 лет, защитив диссертацию, он занимал должность заведующего лабораторией в научно-исследовательском институте. Молодая сотрудница работала под его началом, и он не видел препятствий для их сближения. Однако девушка не разделяла его оптимизма, но он относил это к ее

молодости и стеснительности, считая, что это недостаток, который быстро проходит, и не терял надежды. Действительно, вскоре судьба подарила ему шанс: необходимо было срочно закончить работу по договору, и он предложил своей пассии поработать в выходные дни. В пятницу, во второй половине дня, вручая ей разрешение на вход в лабораторию, предвкушая счастливые минуты, когда они будут одни и он сможет поведать ей о своей любви, поспешил домой, в семью.

На следующий день, приехав на службу пораньше, включил радио, наполнил чайник водой и, включив его в сеть, пристроился с сигаретой у окна и стал ждать. Вообще-то он не любил курить, но считал, что сигарета в руке и медленно, со вкусом выпускаемый дым придают ему солидность. Время шло, а она не появлялась. Его начинало одолевать нетерпение. Затяжки становились короче и злее. Дым вылетал со свистом. Не докурив, швырнул сигарету в окно. Он был возмущен, покраснел, на лбу выступил пот. В тишине лаборатории гремела музыка. Раздражал ударный бой барабана.

– Как? Что она о себе думает? Не выйти на работу? Вот я ей... вот я! – кричал он, бегая по лаборатории. Тем временем ударник вошел в раж. Гром достиг апогея! Не помня себя, зав. лабораторией подлетел к столу, на котором стоял громкоговоритель, схватил его и с размаху грохнул об пол. Коробка радио разлетелась на куски, однако прибор продолжал работать, изрыгая барабанный бой. В ярости он начал его топтать, а остатки пинком отправил в угол. Вилка выскочила из розетки, и в лаборатории наступила тишина, которая подействовала на него отрезвляюще. Немного успокоившись, напился чаю, собрал осколки сломанного громкоговорителя, завернул их в газету, уложил в портфель и покинул институт. Некоторое время спустя его пассия прошла через проходную на территорию института. В понедельник он обнаружил на своем столе результаты ее работы, а сослуживцы – пропажу радиоприемника ценой в пять рублей.

Цыльма -

рудник или завод?

(К вопросу о том, где русские люди добыли первое золото и серебро)

Началом горнозаводской промышленности Урала можно считать вторую экспедицию на знаменитую Цыльму, ту загадочную Цыльму, где впервые в России в 1491 году было получено серебро и золото.

На первый взгляд покажется странным увязывать поход на Цыльму и горнодобывающую деятельность на Урале, но, как показывает анализ документов, именно из уральских руд и было выплавлено первое серебро и золото.

После Ивана III, который создал основу для развития горной промышленности в России и получил первое серебро и золото, разработку руд на Цыльме, левом притоке среднего течения Печоры, про-

должил Иван Грозный. Весной 1553 г. он посылает сюда большой отряд во главе с Иваном Федоровичем Шишкиным. Летопись ничего не сообщает о результатах этого похода. Но из других источников известно, что на следующий год после похода на ярмарке в Колмогорах появляется медная посуда. О ней сообщает в своих записках англичанин Джон Гассе. Российской медью заинтересовались даже за границей. Русское купеческое общество в Лондоне затребовало в 1557 г. от своих поверенных в Москве образцы руд меди с обстоятельными о ней сведениями. Карамзин констатирует, что после похода на Цыльму в России стали добывать медь, серебро и золото.

Зимняя добыча золота в русле р. Ивдель

Жилище золотоискателя в тайге

Время отыскания драгоценных металлов в России совпадает со временем открытия Колумбом Америки с ее богатыми золотыми месторождениями. Видимо, и Россия жаждала найти богатства на неизвестных еще землях Урала и Сибири.

Иван Грозный, отдавая земли в верховьях Камы братьям Строгановым, указывает: «А где буде найдут руду серебряную, или медяную, или оловяную, и Григорию тотчас о тех рудах отписывати к нашим казначеям, а самому ему тех руд не делати без нашего ведома». Такая оговорка была сделана не случайно. Очевидно, месторождение серебряных руд находилось где-то рядом с землями Строгановых. Поэтому историки, теряясь в догадках, где же все-таки находились рудники, часто называют Северное Предуралье или Урал, хотя в первоначальных документах указывается Цильма.

Некоторые считают, что горнодобывающей промышленности в то время совсем не существовало. Но это не так! Местное население в глухих и отдаленных местах хотя и примитивным способом, но плавало металл. Известно, что Иван Грозный еще до предоставления Строгановым поручает Аникию и его сыну Якову следить за тем, чтобы «земские бы люди железодельных ручных домниц не имели и железо иноземцам не продавали».

Такой запрет в течение нескольких веков сдерживал горнодобывающую промышленность в стране. Казенные заводы также не строились, так как чиновники в своих интересах завышали расчеты по

добыче и плавке руд, в результате строительство заводов оказывалось убыточным. Поэтому цари стремились искать только серебряные и золотые руды.

Добыча золота и серебра на Цильме до настоящего времени остается загадкой. Если вспомнить, с какой таинственностью сообщал о серебре и золоте Иван III, когда просил у венгерского короля в 1488 г. горных мастеров, умеющих вести добычу руд и отделять металл от земли, то можно не удивляться отсутствию достоверных сведений об этом месторождении. Он даже венгерскому королю передал устно через посла: «... у нас есть месторождения серебра и золота, но наши люди не умеют отделять металл от земли».

Основными рудами, в которых содержится золото и серебро, считаются свинцовые и медные. Выделять серебро и золото из свинцовых руд не представляет особой сложности, но получение их из медных руд требует определенных знаний и опыта. Из сообщений Ивана III следует, что золото и серебро находилось в рудах, и, по всей вероятности, это были медные руды.

Через год, отправляя посольство в Австрию, Иван III вновь наказывает посла: «...добывати им великому князю мастеров: рудника, который руду знает золотую и серебряную, да другого мастера, который умеет от земли разделить золото и серебро». (Из высказываний явно видно, что Ивану III не требовались специалисты для поиска руд, а нужны были только мастер по разработке рудника и мас-

тер, который может из руды выделять золото и серебро.

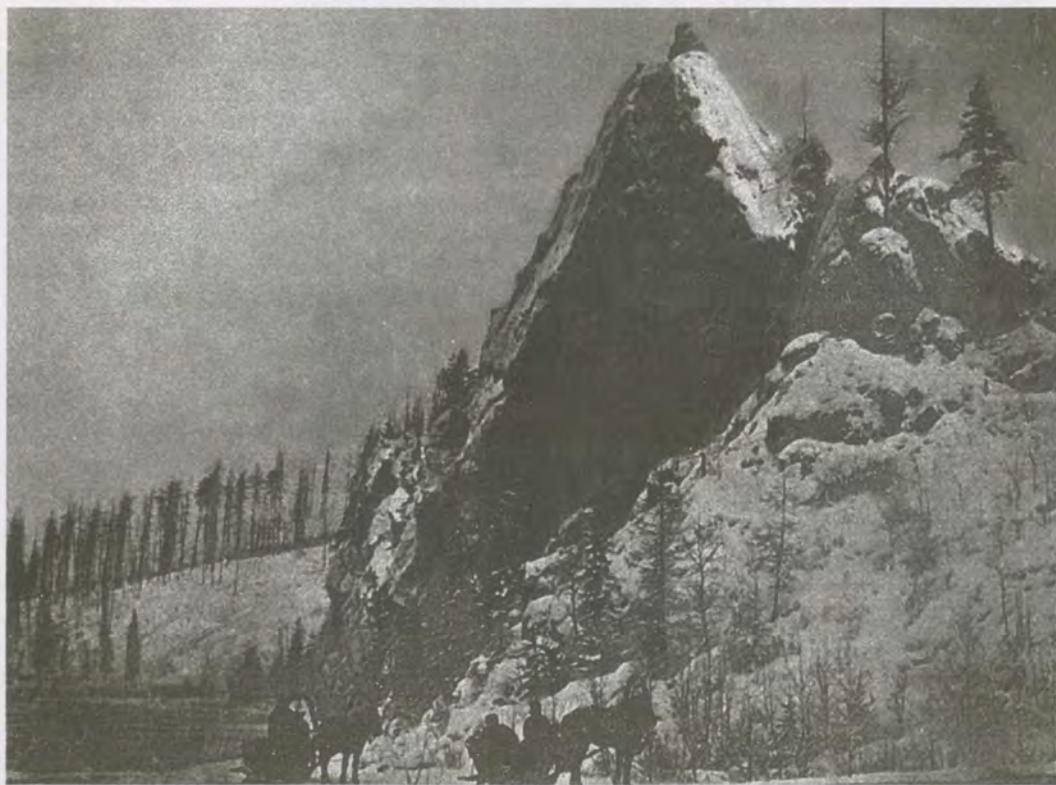
Великий князь так и не мог удержать в большой тайне свое открытие. О нем сразу же стало известно за границей. И в 1492 году в Россию приезжает немец Снупс с письмом от австрийского эрцгерцога Сигизмунда. В письме Сигизмунд просил царя допустить Снупса совершить путешествие в Россию. Снупс, после теплого приема его Иваном III, изъявил желание немедленно отправиться в путешествие, но не куда-нибудь, а именно на Урал – в полунощные земли и к берегам Оби. (Н. Полевой пишет, что Шнупс (Снупс) приезжал для ознакомления с рудами драгоценных металлов). Иван III сразу почувствовал что-то подозрительное в таком желании и наотрез отказал ему. Видимо, царь боялся показывать иностранцам место, где находилось месторождение серебряных руд и золота.

Геологи досконально обследовали места вдоль реки Цыльмы: в 1889–1890 гг. занимался обследованием академик Чернышев, в 1896-м – Барте-нев, в 1901-м – экспедиция Белобородова и многие другие. Все исследования показали, что цыльменские медные руды представляют из себя вторичную генерацию, которая проявляется небольшими дайками. Особенно это заметно по отлагам реки Цыльмы. При низких уровнях воды в реке можно было собирать обломки руд даже на отмелях. В рудах содержалось от 5 до 15 % меди, и никаких признаков серебра и золота в них не обнаружено.

Видимо, не зря в Холмогорской летописи, которая является более точной, сказано, что они ехали, чтобы «...серебра делати (но не добывать. Авт.) и меди на реке Цыльме». Возможно, первоначально там добывали медь, и для плавки ее имелись печи. Чтобы не строить завод на новом месте, руды с серебром и золотом возили судами на Цыльму с Урала.

Такое предположение согласуется и со сведениями из летописи. Там сказано: «...а пермичь и выичь и вычегжан и усолить 100 человек, тем ужи напровадити (суда сопровождать.– Авт.), а не делати». Вероятно, люди подбирались из местного населения, знающие водные пути. Если проследить их по карте, то оказывается, что они составляют путь, который ведет не из Москвы на Цыльму, а наоборот – от Цыльмы через Вымь, Вычегду и Вишеру на Урал, т.е. являются участками известного пути в Сибирь через Уральские горы на Лозьву и Обь.

Но не только водный путь указывает на добычу руд в Уральских горах. Найдены даже старинные раскопки на известном пути в Сибирь от Вишеры до Лозьвы. Например, на реке Велсе (приток Вишеры) медные руды выходили прямо на дневную поверхность в скальных обнажениях. Там же было обнаружено несколько шурфов и даже заготовленная, но не вывезенная руда. Рудные пласты располагались недалеко от дороги, и их невозможно было не заметить из-за ярких зеленых подтеков от окисления руд и желтого, похожего на золото халькопирита.

Если ехать от Вишеры другой дорогой через реку Улс (Улсуй), которая, по мнению Миллера, была открыта Строгановыми, то и там имелись старинные разработки. Например, у Княсьпинских озер. Они были обнаружены во время горнозаводской деятельности верхотурского купца Максима Походяшина и описаны Словцовым («Историческое обозрение Сибири»). Согласно описаниям, в этих же местах находилось и таинственное Вагран-озеро, у которого, по преданиям местных жителей, и добывались серебряные руды. На него неоднократно цари посылали экспедиции.

После освоения добычи золота из россыпей, за реками Волчанкой и Сосьвой были открыты самые богатые на Северном Урале россыпи золота. Приходится удивляться умению рудознатцев того времени определять места, богатые золотом. Видимо, действительно царь получал из-за границы лучших рудознатцев.

Известно также, что на Вишерском пути (на Лозьве) был даже построен в 1590 г. городок-крепость.

Таким образом, имеется довольно много достоверных сведений, которые показывают, что разработка руд на Северном Урале производилась еще в старинные времена, и не исключено, что именно из этих мест и вывозилась руда на Цильму.

После Ивана Грозного поиском золотых и серебряных руд усиленно занимался царь Михаил Федорович. Он в 1618 году направляет в Пермь экспедицию по извещению работника Строганова – Литвинова. Литвинов сообщал, что в городке Орле и в иных местах Пермского края «...руды меденые много, и в той руде чаять будет золото». Направленная из Москвы экспедиция во главе с Чулоном Бартевым и подъячим Гаврилой Леоньевым при разработке медных руд на реке Яйве нашла золото, но в малом количестве. Производились разработки и в землях вогуличей у реки Усьвы, но также неудачно. Из-за отрицательных результатов экспедиция вскоре была переведена на Цильму, так как ранее посланная туда группа рудознатцев нашла богатые медные руды. Приехав на Цильму, развернула большую поисковую деятельность. Раскопки производились в 36 местах, но золота и серебра экспедиция не нашла. Израсходовав 944 руб., она вынуждена была возвратиться в Москву.

В 1626 г. для поиска золотых и серебряных руд вновь на Урал направляется экспедиция в составе Григория Загрязского и Сергея Белкина. Но и эта экспедиция ничего не нашла, хотя поиском были охвачены многие места. Они направили царю следующее сообщение: «По твоему указу ездили мы, рудознатцы, в Пермь и в Пермском и Усольском уездах, и на Сибирском волоку, и в Григореве, и в Волове, и по рекам по Вишере, по Яйве, и по Каме до реки Чусовой и Чусовую вверх, по Койсве и по Туре и по Яйве ездили. И на реке Яйве гора Абрамова. И на той горе мы камень ломали».

Исходя из результатов поисков рудознатцев и исследований геологов последних лет, можно сказать, что на западном склоне Уральских гор нет медных руд с серебром и золотом.

Все экспедиции, направляемые на Урал, занимались в основном поиском серебряных и золотых руд недалеко от населенных пунктов и вдоль Бабиновской дороги. Вишерская же дорога к этому времени была заброшена, и даже городок на Лозьве был ликвидирован. Места там стали пустынными и ни кем не посещаемыми, поэтому старинные рудные раскопки по Велсу и Улсу оставались незамеченными.

В 1663 году царь Алексей Михайлович направляет на Северный Урал по бывшей Вишерской дороге через Улс стрельцов для поиска серебряных руд. В грамоте чердынскому воеводе указывается точное местонахождение: «В Перми великой, Чердыне, за горою, прозвище Поманенною, меж Вагран-озером на болоте». Воеводе поручалось отправить с ними чердынских крестьян из Сарапула, которые знают места и руду. (Возможно они и сообщили царю о серебряных рудах). Стрельцы взяли образцы медной руды и возвратились в Москву. Но разработки рудника не последовало.

Так же безрезультатно закончилась попытка поиска серебряных руд по сообщениям Ивана Латыева в 1721 году.

Только во времена Походяшина у Княсьпинских озер, недалеко от реки Ваграна, где, по предположениям, и находилось Вагран-озеро, вогул сила Городков объявил медный прииск, в котором содержалось серебро и золото. (ГАСО Ф. 129. ОП. 1, Д. 187). В другом медном руднике, расположенном между Княсьпинскими озерами, было найдено золото. (О находке золота в нем писал П. Паллас). Золото было найдено и за Сосьвой – в Воскресенском медном руднике. Серебро без золота содержалось в Турьинских медных приисках.

Советские геологи, изучив все медные месторождения Урала, действительно отмечают, что на Северном Урале, в районе горы Кумбы (недалеко от Княсьпинских озер), медные руды располагаются в габбро и имеют в себе кварцевые минерализованные жилы с содержанием золота, серебра, платины и ванадия (Фирсов В.Я., Мартынова В.Н. «Медь Урала»).

Но если на Северном Урале имелись месторождения с серебром и золотом, то почему они не разрабатывались? Оказывается, содержание в них золота и серебра было небольшим, и стоимость их отделения от меди не покрывала всех расходов. Например, когда Походяшин добывал медные руды с серебром, то серебро из них выделяли только в том случае, если в центнере меди его содержалось более 7 лотов (1 лот – 12,8 г.). При меньшем количестве серебра серебрястую медь передавали на изготовление монет.

Княспинские озера

Только Иван III и Иван Грозный пошли на расходы, чтобы получить свое серебро и золото. Известно, что из полученного золота была вылита медаль в честь дочери царя – Феодосии.

Обобщая вышеприведенное, можно сказать, что золото и серебро на Цыльме могли получать только из привозных медных руд. Об этом писал и Н. Полевой. Он сообщает: "...рудознатцы Иван да Виктор поехали на север, и близ Печеры, на реке Цыльме, открыли богатую медную руду; на другой год там были устроены заводы. Эти же рудознатцы в Уральском хребте отыскали серебро и золото". "История русского народа", которую написал Н. Полевой, не издавалась около 170 лет, поэтому мало кто ее читал.

Таким образом, можно обоснованно сказать, что первое серебро и золото в России было добыто на Урале. И если у некоторых еще остались сомнения в высказанном предположении, то можно провести анализ золота и серебра, добытого во времена Ивана III, и сравнить его с золотом и серебром, добытым в Верхне-Вагранском руднике у Княспинских озер. Тогда окончательно будет раскрыта многовековая тайна золота и серебра с Цыльмы и установлено загадочное месторождение серебра на Вагран-озере, которое на протяжении нескольких веков побуждало царей направлять туда экспедиции.

Хочешь двигаться – ищи попутчика!

Свердловский областной
клинический психо-
неврологический госпиталь
для ветеранов войн

УРАЛЬСКИЙ
МЕБЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

**ХИМТЕХ
СТРОЙ**

ISSN 0134-241X Индекс 73413 «Уральский следопыт», 2005, №7 (577)